

МАЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

Обратная СИЛА

Том третий 1983-1997

Annotation

Считается, что закон не имеет обратной силы. Да, но только — не закон человеческих отношений. Можно ли заключить в строгие временные рамки родственные чувства, любовь, дружбу, честь, служебный долг? Как определить точку отсчета для этих понятий? Они — вне времени, если речь идет о людях, до конца преданных своему делу.

...вы ужаснетесь невосприимчивости человеческой природы к правде, когда правда ясна и очевидна.

Из защитительной речи Н.П. Карабчевского

Самонадеянность всегда слепа. Сомнение же — спутник разума.

Из защитительной речи Н.П. Карабчевского

- [Александра Маринина](#)
 -
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 1. 1983 год](#)
 - [Глава 2. 1984 год](#)
 - [Глава 3. 1990–1994 годы](#)
 - [Глава 4. 1995–1997 годы](#)
-

Александра Маринина

Обратная сила. Том 3. 1983–1997

© Алексеева М.А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть третья

...вы ужаснетесь невосприимчивости человеческой природы к правде, когда правда ясна и очевидна.

Из защитительной речи Н. П. Карабчевского в судебном процессе по делу Мироновича

Самонадеянность всегда слепа. Сомнение же — спутник разума.

Из защитительной речи Н. П. Карабчевского в судебном процессе по делу братьев Скитских

Глава 1. 1983 год

По борьбе с преступностью новый министр внутренних дел Федорчук нанес несколько сокрушительных ударов. Первый был «пробным»: главный милиционер страны заявил, что никакая научная деятельность, кроме разработок криминалистической техники, в МВД не нужна, а те, кто этой самой наукой занимаются, просто-напросто проедают государственные деньги и просиживают штаны. Сразу же вслед за этим заявлением последовало указание существенно сократить ВНИИ МВД, а также ликвидировать Научный центр в Академии, где работала Вера Леонидовна Потапова. Ликвидировать полностью. Без малого 300 человек — офицеров с высшим образованием и, в большинстве своем, с учеными степенями — надо было где-то трудоустроить, причем именно внутри системы, потому что уволить их было нельзя.

И, как назло, в этот момент на стол министра легла очередная докладная записка с предложением перечня мер, необходимых для повышения эффективности исправления и перевоспитания осужденных, имеющих аномалии психики. Министр не потрудился вникнуть в суть, увидел два знакомых слова — «осужденные» и «психика» — и сердито прервал того сотрудника, который докладывал материал:

— Что за бред! В наших колониях невменяемые наказание не отбывают, и никаких психических заболеваний у осужденных быть не может.

Этого оказалось достаточно, чтобы на следующий день Веру Леонидовну вызвали в ученый совет. Ее диссертация с защиты снималась.

Совершенно растерянная, она позвонила научному руководителю с вопросом: что теперь делать?

— Писать новую диссертацию, — невозмутимо посоветовал маститый профессор. — Материалов у вас более чем достаточно, измените название, уберите из текста все упоминания об аномалиях психики и сделайте акцент на устойчивых индивидуально-личностных особенностях, уйдите в пенитенциарную психологию. За пару месяцев справитесь.

За пару месяцев! Конечно, текст она отредактирует, частично перепишет, но ведь на этом проблемы не заканчиваются. Надо утверждать на ученом совете новую тему, предварительно обсудив ее на кафедре. Надо напечатать новый текст, написать новый автореферат, снова пройти обсуждение на кафедре и мучительную процедуру сбора и подачи нового

пакета документов для представления к защите. И все это при том, что она, как и все сотрудники Научного центра, находится «за штатами»: в течение двух месяцев им будут платить зарплату полностью — должностной оклад плюс надбавка за звание и выслугу лет, потом еще два месяца — только за звание и выслугу, и еще два месяца они могут числиться на этой службе уже без всякого денежного содержания. Полгода на то, чтобы найти другую работу в системе МВД. Как разгребать эту кучу проблем — Вера представляла плохо.

Тем временем всех выведенных за штат офицеров стали по очереди приглашать в отдел кадров для решения вопросов их трудоустройства. Начали, разумеется, с начальников отделов и их заместителей: им предлагали места получше. Затем пришел черед ведущих научных сотрудников, после них взялись за «старших» и «просто научных», которые обеспечивались должностями уже по остаточному принципу. Подполковнику Потаповой предложили место начальника инспекции по делам несовершеннолетних в одном из районов Калининской области.

— Вы же работали в отделе предупреждения преступлений, вот и займитесь профилактикой на практике, примените свои научные знания, — ехидно улыбаясь, сказал молоденький кадровик.

— Я могу подумать?

— Конечно, только недолго. Часа два вам хватит?

Он издевался над ней и упивался своей властью так неприкрыто, с такой детской радостью, что Вера даже разозлиться на него не смогла. «Мальчишка, — подумала она, выходя из кабинета и торопливо поднимаясь по лестнице на тот этаж, где располагалась кафедра криминологии. — Ладно, пусть порезвится».

На этой кафедре Вера писала диссертацию и проходила все обсуждения; начальник кафедры — известный ученый, автор учебников и множества монографий — пообещал Потаповой взять ее на должность старшего преподавателя, а сразу после защиты сделать доцентом. Разумеется, если будут вакансии. Вакансия старшего преподавателя должна была со дня на день освободиться: занимавший ее сотрудник оформлял пенсию. Вера была уверена, что начальник кафедры выполнил свое обещание и предупредил кадровиков, что подполковника Потапову нужно направить именно в его подразделение, и сегодняшний разговор с сотрудником отдела кадров ее изрядно озадачил.

— Ничего не получается, Вера Леонидовна, — развел руками начальник кафедры. — Сами знаете, в министерстве идут кадровые перестановки, министр приводит своих людей, прежние сотрудники

вынуждены искать места. А они же там все без ученых степеней, так что их ни доцентами, ни профессорами не назначишь. Только старшими преподавателями. Хорошо, если офицер молодой, тогда можно и просто преподавателем. Но в основном все в возрасте... Мне очень жаль. Но мне приказано взять на эту вакансию человека из министерства. Если бы вы были кандидатом наук, у меня были бы аргументы, почему я хочу взять именно вас. А так у меня аргументов нет, у человека из министерства выслуга и опыт работы в МВД намного больше.

«Глупость какая! — сердито твердила себе Вера, возвращаясь в свой, теперь уже бывший, то есть практически не существующий отдел. — В Академии надо своих сотрудников трудоустраивать, а они все вакансии министерскими людьми позанимали. Впрочем, я сама виновата, затянула с диссертацией, надо было сразу, как только перешла в Академию, браться за дело, а не откладывать. Тогда бы все вопросы решались намного проще».

В отделе царило уныние, отдававшее запахом плесени. Получившие новое назначение потихоньку приводили в порядок дела, чистили сейфы, уничтожая ненужное, дописывали статьи, обещанные в сборники и журналы. Те, кто новую должность еще не получил, почитывали газеты, играли в шахматы, разговаривали по телефону, пили чай... Атмосфера царила гнетущая и в то же время нервно-взвинченная. Все знали, что Веру вызвали в кадры, поэтому, как только она переступила порог, все взгляды устремились на нее.

— Ну что? Что сказали?

— Предложили инспекцию по делам несовершеннолетних в Калининской области. И проживание в общежитии, без предоставления квартиры.

Один из сотрудников, в прошлом — начальник Управления внутренних дел одной из областей, с недоверием посмотрел на Потапову.

— Тебе? Да они что, с ума сошли? Ты же была следователем-важняком в Генпрокуратуре!

Вера пожала плечами. Ему легко удивляться: сам-то получил должность заместителя начальника кафедры на спецфакультете, где обучались иностранцы — работники правоохранительных органов из дружественных стран.

— Кого теперь это волнует? У меня нет ученой степени, а нашему Баранову, кандидату наук, тоже подполковнику, вчера предложили пойти работать участковым. Да, кстати, если кто не знает: на все свободные должности в Академии и в нашем ВНИИ идет министерский десант. Так что тем, кто еще не трудоустроен, вряд ли что-то обломится.

Надо сказать, что никто из сотрудников особо не суетился с поиском новой работы. Как-то не укладывалось у людей в голове, что их могут вот так просто взять и выбросить за борт, направив в какую-нибудь дыру на самую низовую должность. Так не может быть! И так не будет. Все как-нибудь разрулится, уладится, в министерстве спохватятся и издадут какой-нибудь «хороший», «правильный» приказ... Ну ведь не может же быть, чтобы неожиданно возникшая ситуация закончилась полным прекращением научной деятельности! Это же абсурд!

Очень велик был соблазн забрать домой книги и бумаги, в Академию не ходить и спокойно работать над переделкой диссертации. Но страшно... А вдруг где-нибудь освободится должность, и вспомнят про Потапову, начнут ее искать, не найдут — и тут же вспомнят про кого-нибудь еще. Надо из кожи вон вылезти, но до истечения этих клятых шести месяцев успеть защититься или хотя бы представить диссертацию к защите, потому что неизвестно, что будет потом, а ученая степень — это хоть какое-то подспорье. И работу, если она вдруг появится, упускать нельзя: два месяца с урезанной зарплатой Вера, конечно, протянет, с голоду не помрет, но за ними последуют два месяца вообще без зарплаты, значит, нужно будет создать хоть какой-то финансовый задел. Никаких других источников дохода у нее не было.

Ах, если бы вопрос стоял только о том, чтобы прокормиться! Перед Верой Леонидовной маячила необходимость куда более существенных трат. Во-первых, свадьба Танюшки и Бориса Орлова, назначенная на начало мая: в феврале дети подали заявление во Дворец бракосочетаний. И во-вторых, как только Танюшка перед самым Новым годом переехала к Орловым, Вера решила наконец сделать ремонт в своей однокомнатной квартире. Привести в порядок стены с длинными некрасивыми трещинами, появившимися от усадки дома, поменять обои, перестелить линолеум на кухне, побелить потолок, положить в ванной новый кафель взамен частично отвалившегося старого. Весь январь она активно готовилась, обдирала старые обои, скалывала плитку, искала и покупала материалы, договаривалась с мастерами. И вот теперь оказалось, что всех этих трат она позволить себе не может.

Квартира стояла разоренная и неуютная, Вера постоянно натыкалась на ведра с краской или белилами, рулоны обоев и пачки с плиткой; мебель сдвинута; ее жилище, еще совсем недавно удобное и любимое, превратилось в сарай, в котором невозможно провести лишнюю минуту. Сперва это не казалось страшным, ведь ненадолго же! Теперь выяснилось, что не просто надолго, а вообще неизвестно на сколько. Вера то и дело подумывала о том,

чтобы все-таки разобрать вещи и книги, сваленные на стол в комнате, и заниматься диссертацией дома, но каждый раз пугалась: отсутствие на рабочем месте могло обернуться потерей работы. Господи, всего три года до пенсии, надо как-то устроиться и протянуть, и потом можно будет с чистой совестью сидеть дома и нянчить внуков, которые, Бог даст, к тому времени уже появятся.

Сотрудники давно разошлись, а Вера Леонидовна все сидела за столом, внимательно читая собственный текст и прикидывая: вот этот абзац можно оставить, вот этот надо выбросить, вместо него написать совсем другое, а вот здесь можно ограничиться редактированием... Когда затрещал телефон, она взглянула на часы и удивилась: начало девятого, кто может звонить в отдел в такое время?

В трубке завибрировал перепуганный голос дочери:

— Мама, Александру Ивановичу плохо, я вызвала «Скорую». Борька на сутках, я одна, мне так страшно! Ты можешь приехать?

Вера тут же все бросила, запихнула материалы в ящик стола, заперла помещение отдела и помчалась ловить такси. На той улице, где располагалась Академия, найти «бомбилу» было малореальным, нужно добежать до Ленинградского проспекта, где поток автомобилей намного интенсивнее и шансы уехать куда выше. Саша, Саша... Допрыгался со своим нежеланием лечить сердце. К врачам ходит редко, никакого постоянного наблюдения, курить не бросает. В больницу не уложишь, в санаторий не загонишь. Хорошо хоть не пьет. Только бы ничего серьезного! Только бы не инфаркт!

В восемь вечера центральный вход в Академию закрывали, приходилось пользоваться КПП, выходящим на узенький темный проезд, где парковали машины сотрудники: перед центральным входом разрешалось ставить только служебные автомобили руководства. Едва Вера сошла с крылечка на тротуар, ее окликнули из медленно отъезжающих темно-синих «Жигулей».

— Вера! Потапова! Ты в какую сторону? Подвезти?

Она прищурилась, пытаясь в мартовских сумерках рассмотреть лицо водителя — это оказался давно знакомый сотрудник редакционно-издательского отдела, с которым ей пришлось плотно общаться, пока готовился к печати ее так и не пригодившийся автореферат. Обрадовавшись неожиданной удаче, Вера назвала адрес.

— Садись, — кивнул коллега, — мне примерно туда же, сделаю небольшой крюк.

Машину он купил совсем недавно, от вождения получал колоссальное

удовольствие, и Вера Леонидовна знала, что этот человек не только никогда никому не отказывал в просьбах подвезти, но и сам всегда и всем предлагал воспользоваться своими услугами в качестве водителя.

Возле дома, где жили Орловы, Вера оказалась через пятнадцать минут. У подъезда стояла машина «Скорой помощи».

— Это к твоему приятелю? — понимающе спросил коллега.

Вера вздохнула, сердце сжалось от недоброго предчувствия.

— Наверное. Дочка, бедная, перепугана насмерть.

— А если в больницу заберут? В машину могут только одного человека взять, двоих не посадят.

— Значит, я поеду в «Скорой», дочку дома оставлю.

Коллега покачал головой.

— Одну? Она с ума сойдет от тревоги и страха. Вам надо обеим ехать. Вот что: я подожду здесь, не буду уезжать. Если твоего друга заберут, я вас с дочкой хотя бы до больницы довезу. А если обойдется, ты просто выйдешь и скажешь мне, что все в порядке.

— Тебе же домой надо, — засомневалась она. — Мне неловко так тебя припрягать.

— Ерунда, — весело ответил тот. — Я водитель-новичок, мне надо наезд часов обеспечить, так что чем больше я за рулем — тем лучше. А домой я не спешу, жену в санаторий отправил, дети у тещи обретаются. Вот воспользовался ситуацией, на работе сижу подольше, все долги разгребаю, чтобы не стыдно было дела передавать, если нас сокращать начнут.

— Думаешь, начнут? Вы же не научное подразделение, вы кафедры обслуживаете.

— Наверняка начнут. Раз наука не нужна, значит, она и на кафедрах не нужна. Станет меньше монографий, сборников статей, сама понимаешь. Издавать будем только учебники и методички. Короче, беги, если что — я здесь жду.

— Спасибо тебе!

Дверь в квартиру Орловых была притворена, но не заперта. Вера Леонидовна быстро скинула пальто и сапоги, тапочки надевать не стала и прошла в комнату, из которой доносились голоса. Александр Иванович с закрытыми глазами лежал на кровати, врач — молодой мужчина лет тридцати — считал пульс, девушка-фельдшер разговаривала по телефону:

— Да... Полных лет — шестьдесят... Нет... Подозрение на инфаркт, ИБС... Ага, поняла, в восемьдесят седьмую. Спасибо.

Значит, все-таки госпитализация...

Татьяна стояла в сторонке, вжавшись в стену, дрожащая и растерянная.

Увидев мать, бросилась к ней, обняла и заплакала.

— Ну, тише, тише, солнышко мое, тише, успокойся, — прошептала ей в ухо Вера Леонидовна, поглаживая дочь по голове. — Все живы, все обойдется.

Врач отпустил руку Орлова и повернулся к ней.

— Здравствуйте. Вы жена?

— Нет, я... Мать невестки.

— Близкие родственники есть?

— Только сын, но он на дежурстве до утра.

— Понятно, — кивнул врач. — Нужно в больницу везти. Кто-то из вас поедет?

— Мы обе поедем, — решительно ответила Вера. — Вы не беспокойтесь, мы сами доедем, вы только скажите куда.

— Сегодня в восемьдесят седьмую отправляют, это в Бескудниково. Найдете?

— Найдем. Внизу нас водитель ждет с машиной, мы за вами следом поедем.

Доктор уселся заполнять какие-то бумаги, а Вера с Татьяной стали торопливо собирать сумку со всем необходимым для пребывания в больнице.

— Ты Борьке сообщила? — спросила Вера.

— Не дозвонилась. В кабинете никто трубку не берет, я уж и в дежурку звонила, говорят: на выезде. Я попросила передать, что у отца сердечный приступ, но не знаю... Может, передадут, а может, забудут.

— Ясно. Надо Люсю найти, сказать ей. Все-таки не чужой человек.

— Ну как я ее найду, мам? — с досадой отозвалась девушка. — Она же на даче живет.

— Ничего, я найду, — усмехнулась Вера Леонидовна. — Собирай вещи, я пока позвоню.

В институте, где преподавала Людмила Анатольевна, трубку не сняли, что для девяти вечера было и неудивительно. Вера открыла длинную узкую записную книжку, лежащую в гостиной рядом с телефонным аппаратом, нашла запись: «Андрей и Алла, вахтер». Запись сделана рукой Люсенки, видимо, еще в те времена, когда обе семьи только-только познакомились и начинали тесно общаться. Сама Вера Леонидовна с режиссером Хвyleй и его женой никогда не встречалась, знала их только по рассказам Александра Ивановича и Люсенки. Хорошо бы Андрей оказался в общежитии. Потому что если он сейчас с Люсей, то совершенно непонятно, как их искать. Она, Вера, конечно, заявила дочери, что найдет

жену Орлова, но это было сказано больше для того, чтобы успокоить Таню. Сама Вера Леонидовна отнюдь не была уверена в успехе.

Но ей повезло, вахтерша согласилась позвать Хвылю к телефону, и уже через несколько минут в трубке зазвучал мужской голос. Услышав, что нужно срочно найти Люсю и привезти ее в больницу, Андрей Викторович заверил, что все понял и постарается все устроить. Голос у него при этом был напряженный и недовольный.

«Кажется, я сделала глупость, — подумала Вера, — Андрей дома, значит, дома и его жена. Как он ей объяснит внезапное решение куда-то ехать? Тем более что машины у них нет, и чтобы сейчас быстро добраться до дачи, ему нужно искать кого-то, кто его отвезет, или, опять же, ловить «частника». А какой «частник» в десятом часу вечера согласится пилить за город? Если сказать Алле правду про Орлова, она может вызваться ехать вместе с мужем. Ей-то нормально, а вот Люсе и самому Хвыле каково придется? Если решит соврать, то наживет кучу проблем, потому что Орлов постоянно общается с Аллой, и она не простит, когда узнает, что его забрали в больницу, а ей ничего не сказали. Короче, напортачила ты, Вера Леонидовна. Как слон в посудной лавке... Но, с другой стороны, нельзя не поставить Люсеньку в известность. А вдруг что? Вдруг самое плохое?»

Фельдшер сбегала вниз, привела водителя, Орлова осторожно вынесли на носилках и загрузили в «Скорую», Вера с дочерью сели в темно-синие «Жигули», стоявшие рядом.

Дорога, волнение, плач Танюшки, оформление больного в приемном покое, бледное бескровное лицо Александра Ивановича — все слилось в единый вязкий поток, в конце которого стояло так пугающее Веру слово «реанимация». О порядках в больницах Вера Потапова была неплохо осведомлена и по-настоящему испугалась, когда врачи не стали отправлять ее домой, а разрешили посидеть в коридоре возле приемного покоя. Значит, медики не исключают «самого плохого» развития событий.

Татьяна уселась рядом, приткнула голову к плечу матери.

— Зря ты поехала со мной, — сказала Вера Леонидовна. — Тебе завтра на работу. Может, вернешься домой, пока автобусы еще ходят и метро не закрылось?

— Метро закрывают в час ночи, я еще посижу, может, какая-то ясность наступит, — пробормотала Таня. — Пусть хоть тетя Люся приедет, тогда я буду спокойна, что ты тут не одна.

Так они и сидели, обнявшись и тихонько переговариваясь, пока не появилась Людмила Анатольевна. Увидев ее, Вера тут же выпроводила дочь, взяв с Татьяны клятвенное обещание дома сразу же выпить горячего

чаю и лечь спать. И ни в коем случае не плакать.

— Ты тоже поезжай, Веруня, — устало проговорила Людмила Анатольевна, выслушав отчет о ситуации: по результатам ЭКГ пока нет ясности — то ли приступ стенокардии, то ли все-таки инфаркт. — Что тебе здесь высиживать?

— Ну как я тебя одну оставляю...

— Мне одной легче, поверь. Хочется помолчать, подумать, а если кто-то рядом, то я буду чувствовать, что обязана поговорить с человеком. Он же остался ради меня, значит, я должна соответствовать... Правда, Веруня, поезжай домой.

Вера взглянула на часы: пять минут первого, еще можно успеть на метро, если повезет с автобусом. Ни на каких «частников» в такое время и в этой части города рассчитывать уже не приходится. «В крайнем случае вернусь сюда, побуду с Люсей, если не получится уехать вовремя», — подумала она.

Ей пришлось долго петлять между домами в темноте, то проваливаясь в непролазную грязь, то оскальзываясь на еще не растаявших обледеневших участках. Пару раз она чуть не упала, но удержала равновесие и, в конце концов, добралась до автобусной остановки.

Возле шеста с табличкой топтались двое: девица лет семнадцать-восемнадцать, пританцовывающая в такт какой-то музыке, видимо, звучащей у нее в голове, и мужчина средних лет с зажженной сигаретой. Девушка показалась Вере случайным человеком, а вот мужчина больше походил на местного жителя, хорошо знающего транспортные особенности района.

— Как вы думаете, есть шанс успеть на метро? — обратилась к нему Вера.

Мужчина равнодушно пожал плечами.

— Не в курсе. Я здесь в первый раз. Вот девушка уверяет, что должен пройти еще один автобус. Говорит, что всегда на нем уезжает и успевает до закрытия метро.

Значит, Вера ошиблась, и постоянным пассажиром оказалась именно девушка...

— Я уже почти полчаса жду, — продолжал мужчина, выдохнув дым после очередной затяжки, — так что, наверное, скоро автобус все-таки будет. По теории вероятности.

— Теория вероятности с нашим муниципальным транспортом не срабатывает, — усмехнулась Вера. — То за целый час ни одного автобуса, то три-четыре подряд, чуть ли не колонной идут. Говорят, водители в

автопарке чай пьют, в карты играют, а потом дружно встают, рассаживаются по машинам — и в рейс. Не знаю, правда это или нет, но, судя по тому, как ходят автобусы, — очень похоже.

Мужчина сделал несколько шагов в сторону, чтобы бросить окурок в урну, и Вера невольно улыбнулась: не швырнул на землю, как делает большинство, сознательный, уважает чистоту и чужой труд.

Минут через пять пришел почти совсем пустой автобус, Вера вошла в салон и села у окна. Мужчина садиться не стал, ехал стоя, и теперь она могла при свете как следует рассмотреть его. Приятное лицо, но очень обыкновенное, ничего выдающегося. Недорогая куртка, такие во всех магазинах продаются, мохеровый шарф в красно-синюю клетку. Мужчина перехватил ее взгляд, улыбнулся, подошел и присел рядом.

— Вы явно расстроены, — заметил он, — и столь же явно, что вы впервые уезжаете из этого района в такое позднее время. Позвольте, я угадаю: у вас недавно начался роман, сегодня вы приехали к своему возлюбленному, но что-то не сложилось, вероятно, вы поссорились и решили не оставаться у него на ночь.

— Почему обязательно поссорились? — удивилась Вера.

Ей почему-то было приятно, что она выглядит как женщина, с которой еще можно завести роман. Да, она всегда была красивой и знала об этом, и выглядела моложе своего возраста, но все равно пятьдесят два года не спрячешь под маской двадцати пяти лет. Ей можно было дать сорок семь, ну, сорок пять, но уж никак не меньше.

— Если бы не поссорились, он бы вас проводил, и вы не стояли бы на остановке в такое время в одиночестве. Ну что, я угадал?

— Нет, — рассмеялась Вера. — Совсем не угадали. Но в одном вы, безусловны, правы: ситуация действительно сложилась неожиданно. Провести вечер я планировала совсем не так.

— В нашей жизни вообще много неожиданного. Вы когда-нибудь задумывались над тем, какая тонкая, практически незаметная, невидимая грань отделяет один период нашей жизни от другого? Вот только что наша жизнь была такой, и вдруг происходит некое событие, которое мы даже не осознаем как решающее, и только спустя какое-то время вдруг понимаем, что после него наше существование кардинально поменялось.

«Да уж! — подумала Вера. — Когда-то Андропов не нашел взаимопонимания с Брежневым. В результате я осталась без работы. Как там было в миниатюре кого-то из юмористов? «Болит голова, а укол делают в ягодицу. Подумать только: какая связь?»

— Согласна, — кивнула она собеседнику. — Причем событие это

может происходить даже и не в нашей жизни, а в чьей-то другой.

— Ну, это уже философский вопрос о роли личности в истории. Так высоко я не замахиваюсь. Я сейчас говорю о самых обыденных вещах. Например, о беременности в результате случайной связи. Или о внезапной тяжелой болезни кого-то из близких.

«Насчет болезни — это точно, — мысленно ответила Вера Леонидовна. — Особенно остро это начинаешь понимать, когда привозишь кого-то в больницу. Еще полчаса назад жизнь была совсем другой, человек строил планы на отпуск или, как я, думал о ремонте и свадьбе дочери, а теперь вынужден думать о возможных похоронах».

Она сама не заметила, как легко втянулась в разговор, который показался ей спасительным. Думать о Саше Орлове было больно, о ремонте — мучительно, о Танюшкиной свадьбе — тревожно, о грядущем безденежье и туманных перспективах трудоустройства — страшно. Опомнилась Вера Леонидовна только в метро, услышав из динамика: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Павелецкая». Оказывается, они с неожиданным спутником проехали половину Кольцевой линии.

Что происходит? Почему она все еще разговаривает с этим незнакомцем? Ему с Верой по пути? Или он ее провожает?

Вера Леонидовна уставилась на мужчину непонимающими глазами. Он только что сказал что-то о Шопенгауэре, а она отвлеклась на свои мысли и прослушала. Да, верно, они говорили о свободе воли, а до этого — о соотношении социального и биологического в поведении человека.

На «Павелецкой» Вере нужно было делать пересадку. Попутчик вышел следом за ней, не прерывая разговора о том, насколько генетическая предрасположенность может повлиять на способность человека выполнять принятые решения. Вера собралась было спросить, до какой станции ему нужно доехать, но внезапно поняла, что не хочет этого знать. «Если ему по пути со мной, то и хорошо. А если выяснится, что он меня провожает, то мне придется как-то отреагировать, дать понять, что мне это нравится или не нравится. Не хочу. Надоели эти игры. Все надоело. Диссертация оскомину набила, меня от нее уже тошнит. Разоренная квартира надоела. От подвешенного состояния на службе — судороги. От мыслей о деньгах — паника. Не хочу. Пусть будет мужчина, который решил поздно ночью проводить меня домой. Умный, интеллигентный, приятный. Пусть. Даже если окажется, что ему всего лишь по пути. По идее я должна его бояться. Мужчина, в ночное время втирающийся в доверие к одинокой женщине, вполне может оказаться грабителем или аферистом. Насильником — маловероятно: одно из преимуществ моего возраста состоит в том, что риск

стать жертвой изнасилования многократно уменьшается. А вот риск стать потерпевшей от грабежа, наоборот, возрастает: преступники стараются обычно выбрать жертву, которая не окажет существенного сопротивления. Но даже если так — что у меня возьмешь? В кошельке три рубля. В квартире тоже ничего ценного, разве что стройматериалы, но они грабителей интересуют меньше всего. Им нужны деньги и ювелирка. Этим у меня, пожалуй, не разживешься. Не хочу об этом думать. Не хочу. И не буду. Здесь и сейчас я просто красивая женщина, с которой разговаривал симпатичный незнакомец».

Она так ничего и не спросила, просто продолжила обсуждать работы академика Дубинина, на которые опиралась в своей диссертации. Вагон поезда был совершенно пуст, ни одного пассажира, кроме них. Из-за грохота колес приходилось или повышать голос, или разговаривать, сблизив головы. Вагон качало, они то и дело касались друг друга плечами, и во всем этом Вере чудилась некая интимность, которая почему-то раздражала. Она даже поймала себя на том, что начинает сердиться.

Доехав до нужной станции, поднялись на эскалаторе, вышли на улицу.

— Куда теперь? — спросил мужчина.

Значит, все-таки провожает... Ну и славно. И очень кстати: во втором часу ночи Вера не рискнула бы ходить по своему району одна.

— Теперь пешочком минут двадцать, троллейбусы уже не ходят.

Тротуары были скользкими, и Вера ждала, что незнакомец предложит взять его под руку, но он не предложил, просто шел рядом, увлеченный беседой. Внезапно в голову пришла мысль: если этот человек живет не здесь, а в другом районе города, то как он собирается попасть домой? Надеется поймать такси? Но если у него есть лишние деньги, то почему он полчаса мерз в Бескудниково на остановке с риском опоздать на последний поезд метро?

Вера Леонидовна не успела додумать мысль до конца, потому что они подошли к ее подъезду.

— Пригласите? — спросил незнакомец.

И Вера с ужасом и растерянностью вдруг поняла, что именно этого и ждала. И хотела этого. Потому и сердилась, и раздражалась. Не на попутчика этого она сердилась, а на саму себя, на свои странные и такие неуместные побуждения и скрытые желания. Нет, ей не нужен был мужчина, и гормоны тут совершенно ни при чем. Ей не нужен был секс, от которого она изрядно подустала за годы своего последнего романа. Костя был замечательным, но ему нужна была жена, он хотел полноценную семью и детей, а Вера Потапова в роли его супруги себя не видела, да и

детей рожать поздно. С Костей они расстались мирно, и сейчас он уже живет с молодой женщиной, которая готова стать его женой и матерью его деток.

И даже душевное тепло — это не то, ради чего она готова впустить в свой дом незнакомца.

Ей нужна ситуация. Обстоятельства. Другая картина мира. Другая сторона жизни. Что-то совсем не похожее на диссертацию, работу, болезни и больницы, безденежье. Ей нужно хотя бы на два часа перестать быть подполковником милиции Верой Леонидовной Потаповой, старшим научным сотрудником, матерью невесты и хозяйкой неотрмонтированной квартиры.

— Приглашу, — кивнула она. — Если вы не боитесь разрушенного жилья. Я ремонт затеяла, но пока все застопорилось.

— Мы никого не побеспокоим?

Вера насмешливо посмотрела на него: опомнися! Раньше надо было спрашивать... Ну что ж, если он и вор или грабитель, то ему ясно дали понять, что брать в квартире нечего, кроме ведер с краской и обоев в рулонах.

— Вы ведь и без того уверены, что я живу одна, — ответила она, открывая дверь подъезда. — Между прочим, я даже имени вашего не знаю, а вы — моего.

Он шагнул следом за ней, взял за плечи, развернул к себе и крепко обнял.

— А так даже лучше, — прошептал он Вере в самое ухо. — Познакомиться мы всегда успеем.

«Ну вот, — подумала Вера, — все быстро и просто. Я совсем ничего о нем не знаю: ни как его зовут, ни чем он занимается, ни где живет. В Москве? Или приезжий, которому негде переночевать?»

Пока поднимались в лифте, она прислушивалась к себе, пытаясь уловить признаки возникновения той самой «химической реакции между мужчиной и женщиной», о которой так много написано в книгах. Никакой химии, никакой тяги к нему она не ощущала. Только огромную усталость и оглушительное желание убежать из повседневной серости в яркую картинку.

Она не зажгла свет в прихожей: едва они переступили порог квартиры, Вера оказалась в его объятиях. Она вдыхала чужой запах тела, чувствовала на себе чужие руки, торопливо, но довольно ловко раздевающие ее, слышала чужое дыхание и не переставала удивляться своему безразличию. Она впустила в дом незнакомца, она позволяет ему себя

обнимать и целовать и даже собирается лечь с ним в постель, не зная о нем ровно ничего, кроме того, что он умный и интересный собеседник. Она что, с ума сошла? А если он маньяк, специализирующийся как раз на дамах предпенсионного возраста? Тогда он ее просто убьет. Ну и пусть. Как будет — так и будет. Хорошо, что темно. Света из окон вполне достаточно, чтобы дойти до дивана и ни обо что не споткнуться. Хорошо бы, конечно, принять душ, но тогда придется включать электричество, и все разрушится.

* * *

Серая промозглость рассвета постепенно заполняла комнату, делая предметы хорошо видимыми. «Как фотобумага под действием проявителя», — подумала Вера, лежавшая с открытыми глазами рядом с мужчиной, с которым провела ночь, но имени которого так и не узнала. Мужчина спал крепко, и во сне его худощавое тонкое лицо казалось осунувшимся и недовольным.

Она тихонько вылезла из-под одеяла и направилась в ванную. Долго смотрела на себя в зеркало, пытаясь понять, может ли она все еще быть по-женски привлекательной. Не придя ни к какому решению, встала под душ, намылила шампунем волосы. Хотелось смыть с себя то, что произошло.

Яркой картинкой не получилось. Нет, мужской силой незнакомец обделен не был, и в этом смысле все выглядело вполне достойно. Достойно, но очень обыкновенно. И скучно. Желание в Вере так и не проснулось, но она умело изобразила все, что требуется по сценарию. Она надеялась, что хотя бы сама ситуация отвлечет ее. Ничего не вышло.

Она вытерлась, высушила короткие волосы феном, накинула халат и пошла на кухню варить кофе. «Буду милой, накормлю завтраком и выпровожу. И никаких «запиши телефон». Даже имя не спрошу, надеюсь, что он и сам не полезет знакомиться. Не надо мне всего этого», — решила Вера Леонидовна.

За время, которое она провела в ванной, в квартире стало заметно светлее: оказалось, что под душем она простояла очень долго. Вере хотелось выпить первую чашку кофе в молчаливом одиночестве, но мужчина, уже одетый, появился на кухне как раз в тот момент, когда шапка пенки стала подниматься над краями джезвы.

— И как тебе моя разлука? — спросила Вера, не оборачиваясь, чтобы не упустить кофе. — Впечатляет? Сейчас скажешь, что если бы знал, не пошел бы?

— Нормально, — откликнулся он. — Я сам не в хоромах живу. Девять метров на троих, общежитие. Между прочим, с добрым утром. И между прочим, меня зовут Андрей.

Вера резко поставила джеззу на деревянную разделочную доску, часть кофе выплеснулась и стала стекать на стол. Руки затряслись, дыхание перехватило.

Андрей. Общежитие. Девять метров на троих.

Теперь все сложилось. Вот почему она, как ни заставляла себя, так и не смогла накануне испугаться: она узнала голос. Она же буквально за три часа до этого разговаривала с ним по телефону. Узнала, но не осознала этого. Просто весь ее мозг настроился на то, что этот человек — знакомый, и потому бояться его не нужно.

Андрей Хвыля привез Люсю в больницу на ее машине. И Люся отправила его домой, точно так же, как отправила и Веру: ей хотелось побыть одной. Поэтому Андрей и оказался на той остановке.

— Что с тобой? — с тревогой спросил он. — Обожглась? Или что-то не так?

Она медленно села за стол, обхватила себя руками.

— Все в порядке.

Помолчала и добавила:

— Меня зовут Вера. Я подруга Люси. Не самая близкая, но очень-очень давняя. Это я тебе звонила вчера в общежитие. Моя дочь собирается замуж за Люсиного сына. Надеюсь, ты понимаешь, что тебе лучше уйти прямо сейчас. Кофе не предлагаю.

Он замер на мгновение, сделал шаг назад, потом буквально рухнул на табурет, стоящий у стены, а не возле стола.

— Не может быть...

Голос его был слегка осипшим то ли он волнения, то ли после сна.

— Может. Если ты боишься, что я расскажу Люсе, то напрасно. Эта история меня не украшает, так что делиться впечатлениями я ни с кем не собираюсь. Господи, — она сжала виски ладонями, — переспать с любовником своей подруги! Трудно вообразить что-нибудь более пошрое. Уходи, Андрей. Будем надеяться, что нам никогда больше не придется столкнуться.

Он попытался улыбнуться, но губы судорожно скривились, отчего тонкие черты его лица приобрели вид некрасиво изломанных линий.

— А если Люся захочет нас познакомить? Как тогда?

— До сих пор не хотела, — сердито ответила Вера. — Хотя от мужа ушла полгода назад. А к тебе пока так и не пришла. И, как я понимаю,

теперь уже вряд ли придет.

— Почему? Потому что я сволочь и бабник?

— Нет, не поэтому. Просто потому, что ты сам этого не хочешь. Хотел бы — давно уже объяснился бы с Аллой. А ты продолжаешь с ней жить. Кстати, как тебе удалось не ночевать сегодня дома?

— Я смотрю, ты полностью в курсе наших дел. — Андрей уже почти овладел собой, справился с ударом и даже пытался язвить. — Впрочем, Люся с Сашей рассказывали о тебе, говорили, что ты была следователем, так что ничего удивительного. Я сказал Алле правду. Сашу Орлова увозят в больницу, мне нужно разыскать Люсю и привезти ее туда. Когда вернусь — не знаю, по ситуации.

Вера испытала непонятное облегчение. Она даже смогла распрямить спину и посмотреть в глаза своему случайному любовнику.

— Знаешь, ты не сволочь. И ты не бабник. Ты просто идиот.

— Любопытный вывод. И из чего он следует?

— Я думаю, ты узнаешь это сегодня же вечером. Или даже днем. Твоей жене достаточно позвонить Люсеньке, чтобы узнать, как дела у Саши, и тут же выяснится, что ты ушел из больницы еще до полуночи. И к часу ночи должен был быть дома. Ладно, это не мое дело. Уходи.

Хвыля молча вышел в прихожую. Через минуту хлопнула входная дверь. Вера так и сидела за столом.

«Кофе, наверное, остыл, — равнодушно подумала она. — Надо сварить новый. Одеваться и идти на работу. Не хочу. Не пойду. Нечего мне там делать. Нечего... А диссертация? Нет, придется идти. Каждый день дорог».

Она то и дело посматривала на часы, чтобы не упустить момент, когда можно будет позвонить Танюшке: дочь любила поспать, но зато собиралась быстро, и будильник у нее звенел за двадцать минут до выхода из дома. Этих двадцати минут ей хватало на то, чтобы умыться, одеться и на ходу сжевать бутерброд. После переезда к Орловым Татьяна начала подниматься за час до выхода, чтобы приготовить мужчинам завтрак, но сегодня она одна: Саша в больнице, Борис на дежурстве, раньше одиннадцати утра дома не появится. Значит, девочка будет спать до упора. Конечно, маловероятно, что у Танюшки есть какие-то новости. Если что — Люся позвонила бы в первую очередь Вере, а не своей будущей невестке. Раз ночью звонка от Люси не было, значит, все более или менее.

Она рассчитала правильно: успела поймать Татьяну дома и выяснила, что Людмила Анатольевна только что звонила. У Орлова очаговый инфаркт, сегодня его переведут в отделение кардиологии, в палату интенсивной

терапии, куда по идее его должны были положить еще вчера, при поступлении в больницу, но возникли какие-то проблемы технического характера не то с отоплением, не то с электроснабжением, поэтому его поместили в отделение реанимации.

— Объяснили бы все толком сразу, я бы хоть не так испугалась, — со злостью говорила в трубку Таня. — У меня от одного слова «реанимация» обвал сознания начинается, а «интенсивная терапия» все-таки не так страшно, потому что терапия же.

Вера попыталась заступиться за медиков:

— Солнышко, когда по «Скорой» привозят тяжелого больного, врачи в первую очередь думают о том, как спасти его жизнь, а не о чувствах родственников, и это совершенно нормально. Как ты вчера добралась? Без приключений?

Вопрос был с подвохом. Сначала в больницу приехала Люся со своим режиссером, потом, спустя минут десять, оттуда ушла Танюшка. То есть Хвыля должен был оказаться на остановке в любом случае раньше девушки. Так почему же получилось, что Вера застала на остановке Андрея, а Тани там не было? На чем она уехала, если Хвыле пришлось ждать автобус полчаса? Вера Леонидовна, конечно, предполагала, что Таня опять «голосовала», несмотря на постоянные напоминания матери о том, что поздно ночью молодой женщине просто опасно садиться в машину к случайному водителю. Но было любопытно узнать, признается ли дочь.

— Попутку поймала, — ответила Татьяна. — Повезло, что лишний рубль завалялся. Но я только до метро, честное слово.

— Бить тебя некому, — вздохнула Вера. — Говоришь тебе, говоришь, предупреждаешь — как об стенку горох. Боря нашелся? Ты ему сказала?

— Да, ему дежурный, оказывается, все-таки передал, что я звонила. Борька сутки «сдаст» и поедет к отцу. А я после работы вечером подъеду.

— Какой смысл ему ехать? Его все равно не пустят ни в реанимацию, ни в интенсивную терапию.

— Он хочет с доктором сам поговорить, — пояснила Таня. — Тете Люсе не верит, и мне тоже. Ты же знаешь Борьку, он изначально убежден, что женщины обязательно что-то напутают или неправильно поймут. Он вечно за мной все перепроверяет. Мамуля, я побежала, а то опоздаю.

Вера положила трубку и скупой улыбнулась. Вот такой он, Борис Орлов... И дело совсем не в том, что он предвзято относится к женщинам, отнюдь. Вера сама много лет была следователем и прекрасно знает по себе, как быстро формируется привычка ничего не воспринимать и ничему не верить «с чужих слов». Есть даже такое понятие в теории доказательств,

как «непосредственность восприятия». Следовательно должен увидеть и услышать все сам.

Настроение стало лучше. Саша жив, и угрозы жизни на данный момент нет, хотя положение серьезное, как передала Татьяна. Вера оделась, тщательно нанесла макияж и вышла из квартиры.

На лестничной клетке, на подоконнике одним пролетом ниже, сидел Андрей. Почему-то ей даже в голову не приходило, что он может не уйти. Когда складывается такая странная и не очень элегантная ситуация, ее участники обычно спешат как можно скорее покинуть место событий и унести ноги подальше. Увидев Веру, Хвыля встал и легко взбежал вверх по ступеням.

— Извини, один вопрос, можно? Я не задержу тебя надолго.

— Давай, — кивнула она недовольно, — только быстро, у меня мало времени.

— Скажи... Вернее, представь, что Люся нас с тобой все-таки знакомит. Ну, допустим, так сложится помимо нашей воли. Как бы ты себя чувствовала? Какие мысли были бы? Какие ощущения?

Вера пожала плечами.

— Станный вопрос... Не знаю. Мне не приходилось бывать в подобных обстоятельствах.

— Что касается меня самого, то про себя могу более или менее точно спрогнозировать, что буду думать и чувствовать, — продолжал он, не замечая, как в глазах Веры Леонидовны загорается недобрый огонек. — А вот женщина... Твоего возраста и статуса... Никак не могу поставить себя на твое место, не получается.

Как все оказалось просто! Случившееся ночью и утром для режиссера Андрея Хвыли станет материалом для будущего спектакля. Пьесу ему напишет его дружок Рустамов, о котором супруги Орловы много рассказывали. А может быть, Андрей и сам напишет, с него станется. Только вот женскую роль ему трудно прописать. Консультант понадобился.

Она резко отшатнулась и шагнула к лифту. Нажала кнопку вызова и процедила сквозь зубы:

— Если ты посмеешь это сделать, я тебя сгною. Вместе с твоим другом-драматургом. Как говорится, был бы человек, а статья найдется.

— Ты не...

Конец фразы обрубил автоматически сдвинувшиеся створки двери лифта.

«Умирать не хочется...»

«Пусть эта невыносимая боль в груди уже как-нибудь закончится, все равно как...»

Какая из этих двух мыслей была ярче и интенсивнее, Орлов не мог вспомнить, как ни силился. Они жили в нем одновременно, переплетаясь и перепутываясь, до тех пор, пока под действием препаратов не ушел болевой синдром. Тихий давящий ужас, который охватил Александра Ивановича в момент приступа, сменился вялым раздражением от собственной беспомощности, к которой он не привык. Нельзя вставать. Нельзя сидеть в постели, можно только лежать пластом и не шевелиться. Нельзя курить. Ничего нельзя. Даже в туалет сходить. «Неужели теперь так будет всегда?» — обреченно думал Орлов, лежа на койке сперва в реанимации, потом в палате интенсивной терапии. Беспомощность пугала не только тем, что он превратится в обузу для своих близких, но и унижительностью, как ему казалось, самой ситуации: женщины-санитарки подкладывают ему судно. «Лучше бы я умер, — то и дело мелькало у него в голове. — И зачем только меня откачали?»

На третий день врач сказал:

— Если все будет нормально, завтра переведем вас в общую палату, а на сегодня я назначаю вам клизму, нужно очистить кишечник, а тужиться вам нельзя ни в коем случае.

Орлова охватило отчаяние: еще и это! В палате четыре койки, все заняты, кому-то из больных ставили клизму вчера, кому-то позавчера, вот теперь и его очередь подошла пройти эту отвратительную процедуру на глазах у соседей. Впрочем, когда клизму ставили другим, Александру Ивановичу было все равно, потому что надо так надо, и не испытывал никаких эмоций. Он вообще не понимал, как можно реагировать на такое, когда еще гнездится в уголке сознания, теплится недавно пережитый страх смерти, подает голос при каждом вдохе — «А вдруг сейчас опять выскочит из-за угла эта чудовищная нестерпимая боль?» — и трепещет при каждом выдохе: «Слава богу, на этот раз обошлось».

Однако другие — это другие. А вот ему самому происходящее казалось унижительным, он стеснялся и мучился. Но чувства эти были какими-то тусклыми, не острыми. У него не было сил даже на эмоции.

После трех суток в палате интенсивной терапии Александра Ивановича перевели в обычную палату в отделении кардиологии.

— Не меньше трех недель придется полежать у нас, а то и месяц, — строго изрекла лечащий врач — симпатичная и очень серьезная женщина в возрасте «чуть за тридцать». — Потом вас перевезут в кардиологический санаторий.

— А после санатория? — по-детски нетерпеливо спросил Орлов. — Можно будет начинать жить обычной жизнью?

— Ну, это вы поторопились, — скупой улыбнулась кардиолог. — Реабилитация займет около полугода, и только при условии жесткого соблюдения режима. Четыре месяца на больничном пробудете, потом понемножку можно начинать работать. Никаких нагрузок, ни физических, ни эмоциональных. Волноваться нельзя категорически. А пока — лежать, лежать и еще раз лежать. Даже садиться в постели я вам разрешу не раньше чем на пятый день.

В первый момент ответ врача огорошил Орлова, но уже через минуту Александр Иванович, к собственному удивлению, понял, что испытывает облегчение. Можно никуда не ходить, ни с кем не разговаривать, ничего не делать. Не сидеть в консультации на приеме, не принимать защиту, не выступать в суде, не писать кассационные жалобы на приговоры. Просто лежать и думать.

Думать о своей жизни. О скорой свадьбе Бориса и Танюшки. О будущих внуках. Об Алле и ее сыне.

И о Раевских, семья которых за последние два месяца стала ему знакомой и почти близкой. Остро ощущая собственную беспомощность, Александр Иванович вдруг стал постоянно вспоминать настоящего Сашу Орлова, тяжело раненного, лежащего в лесу, такого же беспомощного и слабого. А если бы Саша выжил? Прошло сорок лет. Сашка мог бы их прожить. Интересно, как сложилась бы его жизнь? Закончил бы юридическое образование и стал адвокатом, как и мечтал? Или занялся бы чем-то другим? На ком женился бы? Каких детей воспитал? Саша Орлов, потомок Гнедичей и Раевских...

Александр Иванович с присущей ему тщательностью изучил все собранные Люсей материалы, прочитал каждый документ по несколько раз, все время вспоминая странную записку, переданную приехавшей из Парижа Анной Коковницыной, и примеряя текст к тому или иному событию в жизни семьи. Кто написал эту записку? Кто ее хранил? И зачем? Каким образом она попала к Коковницыным? Имеет ли она какую-то связь с кольцом, на котором видна монограмма «ГГ»? Как можно было понять из скурых упоминаний в частной переписке середины прошлого века, Григорий Гнедич трагически погиб от рук разбойников, промышлявших на

окраинах Москвы. Его младший брат Павел оставил службу в Министерстве иностранных дел, поступил на юридический факультет университета, впоследствии сделав достойную карьеру преподавателя и ученого; никогда не был женат и не имел детей. Младшая сестра Варвара вышла замуж за графа Раевского, утратила право на княжеский титул, зато обрела любящего мужа и вырастила пятерых детей. О трех дочерях Раевских сведений оказалось совсем мало: Людмила Анатольевна интересовалась в основном сыновьями — Николаем, который получил юридическое образование в Императорском училище правоведения, и медиком Игнатием, прямым предком Александра Орлова. Об одной из дочерей Варвары и Владимира Раевских известно, что она решила посвятить себя служению Богу и ушла в монастырь, другая же осталась старой девой и детей не имела, да и прожила недолго. Третья дочь вышла замуж, рано овдовела, вступила в новый брак — и на этом ее следы затерялись, даже фамилия по второму мужу неизвестна.

У старшего сына Варвары и Владимира Раевских, Николая Владимировича, было две дочери: родная, Екатерина, и приемная, Александра Рыбакова. Екатерина в начале двадцатого века уехала во Францию, в Россию больше не возвращалась, и как сложилась ее судьба — неизвестно. Что же касается Александры, то в материалах Люси нашлось несколько выписок из газетных заметок того времени, в которых упоминалась сначала певица Сандра Фишер, «удивительный феномен из России, исполняющая настоящий американский джаз», а впоследствии — благотворительница Александра Фаррел, супруга крупного нефтепромышленника, в девичестве Рыбакова, более известная в Америке как Сандра Фишер. «Миссис Фаррел давно оставила сцену и полностью посвятила свою жизнь мужу Джеральду Фаррелу, сыновьям-близнецам и заботе о больных и страждущих». Наверное, найти потомков Александры и Джеральда Фаррелов труда не составило бы, но раз дочь приемная, значит, это не кровная родня. Вероятно, для Анны Коковницыной этот вопрос был принципиальным.

У Игнатия же Раевского родились два сына: Алекс, ставший юристом, как его дядя Николай Раевский и двоюродный дед Павел Гнедич, и Валерий, пошедший по стопам отца и выбравший медицину. Валерий Игнатьевич отправился вместе с отцом в Латинскую Америку с какой-то медицинской миссией для оказания врачебной помощи местному населению во время страшной эпидемии, заразился сам и умер в чужих краях, не успев завести детей. А вот Александр Игнатьевич остался в России. Его старшая дочь Ольга и есть мать настоящего Сашки Орлова.

Младшие же дети, насколько можно было судить из собранных материалов, были во время Первой мировой войны вывезены их матерью не то в Германию, не то в Австрию. Почему Анна Коковницына не попыталась найти их потомков? Ведь они точно такие же родственники, как и сын Ольги Раевской-Орловой. Наверняка искала, но почему-то не нашла, ведь гражданке Франции куда проще найти кого-то в Австрии, чем прикладывать гигантские усилия к поиску человека в СССР, а потом еще и поездку организовывать.

И все-таки что это за записка? Может быть, проба пера Екатерины Раевской, о которой известно, что она «баловалась» написанием стихов? Где стихи, там и проза... Зачем было хранить этот листок? Что в нем такого особенно ценного? Помнится, Люсенька говорила, что судебные заседания частенько посещал Федор Михайлович Достоевский, значит, он вполне мог быть знаком с юристами того времени — следователями, прокурорами, судьями и адвокатами. Может быть, и с Раевскими был знаком? И эти несколько строк принадлежат великому писателю?

Орлов чувствовал, что в его умопостроениях зияют огромные дыры и логические неувязки, но у него не было сил продумывать все как следует. Мысли о семье Раевских скользили, словно по поверхности воды, и растворялись в дымке. Александр Иванович весь сосредоточен был на новом для себя ощущении жизни, бытия. Спасибо, что судьба дала ему прожить еще один день. Спасибо, что прошла еще одна ночь — и он проснулся, не умер во сне. Как хорошо, что сделан вдох, а боль не появилась. Какое счастье видеть воробья, скачущего за окном по подоконнику. Как приятно, что у него такие славные, такие понимающие соседи по палате: не трогают его, не пристают с вопросами, сами разговаривают вполголоса, стараются не шуметь. Как замечательно, что подойдет время — шестнадцать часов — и в палате появится кто-то из близких: Борька, Люсенька, Танюшка, Веруня Потапова. Может быть, Алла. Может быть, даже с сыном Мишкой, его внуком. Андрей, конечно, приходить в больницу не будет, это понятно, особенно вместе с Аллой. Истинную причину Хвыля своей жене объяснить не может, а встречаться с Орловым, да еще с риском застать у его постели Люсю, он побаивается. Глупый! Если бы он сам прошел через тот ужас, который пережил Александр Иванович, если бы постоял на пороге смерти и посмотрел ей в глаза, то понимал бы, что Орлов сейчас готов всех любить и всех простить.

В шестиместной палате Орлов был единственным «строго лежащим». Одному его соседу, тоже с инфарктом, уже разрешили садиться, у остальных четвертых и заболевания были другие, и режим посвободнее:

кому-то можно было передвигаться по палате, кому-то — по всему отделению. Каждое утро после завтрака приходила веселая толстушка — инструктор лечебной физкультуры, наполовину узбечка, полное имя которой — Малика — было давно и прочно переделано в привычное русскому слуху «Лялечка». Александр Иванович с удивлением узнал, что, оказывается, лечебная физкультура может заключаться всего лишь в дыхательных упражнениях и осторожных движениях стопами. В его прежних представлениях слово «физкультура» было связано с активностью, наклонами, махами руками и ногами, прыжками и приседаниями.

Завтрак, утренний обход, физкультура с Лялечкой, обед, посещение родственников, ужин, вечерний обход — больше ничего не происходило. Между этими точками бытие проваливалось в какую-то яму, наполненную полудремой и не додуманными до конца мыслями.

Как и обещала врач, на пятый день Орлову разрешили садиться в постели. Для него это оказалось целым событием, повернувшим мысли в новое русло. «Вот я уже сижу, потом мне разрешат вставать, ходить, потом я вернусь в прежнюю жизнь, которую судьба мне для чего-то сохранила. А коль сохранила, то нужно в ней участвовать. Столько дел предстоит! Борькина свадьба, потом решение жилищного вопроса, размен, переезд... Новая мебель нужна будет... Но это все только в том случае, если Хвыля после получения квартиры уйдет от Аллочки. Если нет, то и разменивать особо нечего, из нашей «трешки» нужно будет выкроить что-то, чтобы и молодых отделить, и Люсеньку обеспечить, и меня куда-то девать. Нет, это все выглядит малореальным. Если только мне самому в коммуналку перебраться, тогда, может быть...»

Время посещения больных здесь соблюдали с необыкновенной и непонятной Орлову строгостью, и в разрешенное время приходиться могли в основном те, кто не работает. Работающим приходилось либо отпрашиваться у начальства, либо бежать сломя голову, чтобы успеть повидать того, кто в больнице, хотя бы на 10–15 минут. Борис со своим ненормированным рабочим днем до закрытия отделения никак не успевал, Люся могла приходиться только тогда, когда у нее не было занятий на вечернем отделении, Танюшка прибегала на те самые 15 минут, зато Вера Потапова приходила каждый день к 16 часам, как только начинали пускать посетителей.

— У нас теперь режим свободный, можно вообще не ходить на службу, — смеялась она. — Ничего случайного в жизни не бывает, Санечка. Я все думала: почему так сложилось, что нас вывели за штаты, а наш Центр

ликвидируют? Кому мы мешали? Теперь стало понятно, что все неспроста: видно, там, на небесах, кто-то знал, что ты окажешься в больнице, и постарался устроить, чтобы было кому к тебе приезжать. Вот скажи мне, кто придумал такое время посещений? Специально, чтобы работающим людям было неудобно, что ли?

Александр Иванович умиленно улыбался, ел очищенный Верой и заботливо разломанный на дольки апельсин и ловил себя на том, что готов расплакаться от благодарности.

— Веруня, мне так неудобно, что ты каждый день тратишь время на эти поездки, — бормотал он, чувствуя спазм в горле.

— Мы с тобой теперь не только старые друзья, но и будущие родственники, — отвечала она. — Сваты. Так что никакого стеснения быть не должно. А мне навещать тебя — в радость, я совсем закисло в своем однообразии. С работой никаких перспектив. Буду усиленно заниматься диссертацией, а там посмотрим. На улицу выкинуть меня не могут, что-нибудь да предложат, пусть даже инспекцию по делам несовершеннолетних в Калининской области, но если мне удастся к тому моменту пройти хотя бы предзащиту, то уже можно будет на что-то рассчитывать.

После перевода из интенсивной терапии в общую палату Орлов ждал Аллу, но она не пришла ни в первый же день, ни во второй. Ему очень хотелось спросить Люсю, знает ли Алла о том, что он в больнице, но Александр Иванович боялся своим вопросом спровоцировать очередную отповедь на тему «молодой любовницы». И все-таки не утерпел и спросил, когда Людмила Анатольевна уже поднялась, чтобы уходить.

— Андрей позавчера получил ордер на квартиру, — ответила Люся. — Так что Аллочка твоя теперь бегаёт по магазинам в поисках хоть какой-то мебели. Ну, и всего прочего, само собой. Вероятно, ей теперь не до тебя. Не обольщайся, Орлов, старые больные мужики молодым женщинам не нужны.

Он не справился с собой и заплакал. Слышать эти несправедливые слова было больно. Людмила Анатольевна снова опустилась на стул возле койки, взяла его за руку.

— Прости, Саша, — виновато произнесла она, — у меня просто вырвалось... Не знаю, какой бес в меня вселился. Я не имею права говорить такие вещи. Прости меня, пожалуйста.

Конечно, он простил. В своем нынешнем состоянии он прощал всех. Какая разница, кто и что сказал? Главное, чтобы все были счастливы. «Пусть бы я умер, — думал Александр Иванович, — если бы это помогло Аллочке быть счастливой. Пусть заберут мою жизнь, а ей дадут того

мужчину, с которым ей будет хорошо. И у Люсеньки пусть все сложится с Андреем. Я был ей плохим мужем, а он будет хорошим. Я так хочу, чтобы у всех было все в порядке!» За сына душа у Орлова не болела: образование получено, с работой все отлично, невеста замечательная. А вот перед дочерью он чувствовал себя виноватым: его, родного отца, не было рядом, когда она родилась, когда росла, когда выросла и стала пробиваться в жизни, когда ухаживала за тяжело больной матерью, когда хоронила ее, когда рожала Мишку, его внука... И даже теперь, когда муж ей изменяет, а она, не зная об этом, бегают по магазинам в поисках вещей, при помощи которых собирается вить гнездо в долгожданной квартире, — даже теперь его нет рядом. А что, если Хвыля в самые ближайшие дни скажет Аллочке, что уходит от нее? И чтобы она пока не покупала новые вещи, потому что квартиру все равно надо разменивать? Для дочери это окажется страшным ударом, а Орлова снова не будет рядом с ней...

Алла появилась в палате как раз в тот день, когда Александру Ивановичу разрешили садиться. Возбужденная, счастливая, она взахлеб рассказывала о том, как они с Андреем ездили смотреть квартиру и как она пытается найти хоть какую-то более или менее приличную мебель, но в магазинах ничего нет, на все нужно записываться и месяцами ждать, когда подойдет очередь, но это ничего, они подождут, поспят на надувных матрасах или на раскладушках, в качестве столов можно использовать коробки и доски, а сидеть на полу, и это все такая ерунда, потому что главное — квартира, и она теперь есть! Дочь светилась от воодушевления, а Орлов слушал ее и тихо радовался, что она пришла только сегодня, когда он уже может сидеть, и не видела его беспомощным и раздавленным. Возможно, в словах Люсеньки была правда — никому не нужны старые больные мужики: ни в качестве любовников, ни в качестве отцов, ни в качестве друзей. И вообще, старые больные люди не нужны никому. Он не может позволить себе развалиться на части. Он не имеет права стать обузой для тех, кого любит. Они ведь не бросят его, ни Борька с Танюшей, ни Вера, которая меньше чем через два месяца официально станет его родственницей, ни Люсенька, ни Алла. Будут тянуть на себе все тяготы, терпеть... Не хочет он для себя такой роли.

— Занимайся квартирой, не надо ко мне ездить, — сказал он Алле. — Не трать время попусту, меня и так каждый день навещают.

Алла пыталась настаивать и обещала приезжать хотя бы раз в три дня, но Александр Иванович проявил твердость. Он ни в коем случае не хотел бы, чтобы дочь столкнулась здесь с Людмилой Анатольевной, которой такая встреча будет, что очевидно, крайне неприятна. Да и Алла, узнав, что

Люся ушла от Орлова, стала испытывать к бывшей подруге сильнейшую неприязнь, искренне не понимая, как можно было так поступить с этим чудесным человеком, таким добрым, умным и заботливым. С того дня, когда от Орлова ушла жена, Алла с Люсей ни разу не встречались.

— Ну и везуха тебе, Иваныч, — добродушно проговорил лежащий на соседней койке Толик, сорокалетний таксист, — бабы к тебе ходят — одна другой лучше. То жена, то невестка, то коллега. А это кто была? Подруга, что ли?

При последних словах Толик выразительно подмигнул.

— Именно подруга, — миролюбиво ответил Александр Иванович. — Они с мужем — друзья нашей семьи.

— А муж где? — продолжал допытываться настырный сосед. — Что-то я его тут не видел. Чего он тебя не навещает?

— Он в отъезде, в командировке, — соврал Орлов.

— Был бы я мужем такой красоти, я б ни в какие командировки не ездил, — заявил Толик. — Таковую разве можно одну оставлять? Враз ведь уведут, глазом моргнуть не успеешь.

Сосед по палате помолчал немного, о чем-то размышляя и покачивая головой, потом снова заговорил:

— А знаешь, Иваныч, какая из твоих баб мне больше всех нравится? Ни за что не угадаешь! Вот та стриженная, которая каждый день ходит. Хотя завтра женился бы на ней, вот ей-богу.

— Да она старше тебя лет на десять, если не больше, — улыбнулся Орлов.

Толик пожал плечами.

— И какая разница? В самом соку бабешка, фигурка ладная, ножки как конфетки, личико красивое, а то, что старше — так это даже и лучше для семейной жизни. Значит, ума нажила, не будет о глупостях думать.

Толик, дважды разведенный и плативший алименты в общей сложности на троих детей, обожал порассуждать о женщинах и о семейной жизни. Заболевание сердца не только не пригасило, но, напротив, обострило его интерес к любовной стороне мужского бытия. Он был самым разговорчивым обитателем палаты, но его бесконечные шуточки, прибаутки и рассказы никого не раздражали, ибо этот человек излучал на окружающих столько доброты и искреннего дружеского расположения, что сердиться на него было просто невозможно.

Здесь, в больнице, люди сближались быстро и без оглядки на различия в социальном и возрастном статусе. В первые дни после перевода из интенсивной терапии к Орлову относились бережно, понимая, как ему

плохо и как он слаб. Но едва Александр Иванович начал приходить в себя и постепенно оживать, как сразу оказался втянутым в общение с сопалатниками и сам не заметил, как уже вместе со всеми обсуждал причины, по которым у одной медсестры рука легкая и уколы получают не болезненные, а у другой тот же самый укол просто невозможно вытерпеть и на его месте обязательно образуется шишка. Почему у дежурного врача во время вечернего обхода было такое сердитое выражение лица? Неприятности на работе или дома? Говорят, у него сын проблемный, уже несколько приводов в милицию было... Правда ли, что цену на водку могут поднять? Какие шансы у московского «Спартака» в нынешнем сезоне? Через сколько дней после выписки можно начинать вести привычный образ жизни? А то неделю назад один мужик из соседней палаты выписался, а вчера его снова положили: он с первого же дня после больницы начал курить, как привык, по пачке в день, и по чекушке за ужином окорачивать. Но может быть, дело и не в этом, а в том, что его на работе расстроили, а волноваться-то нельзя...

Дни текли монотонно и однообразно, но все равно текли, и вот спустя четыре недели наступил момент, когда Орлова перевезли в специализированный кардиологический санаторий. Борис собрал в чемодан все необходимое и договорился с фельдшером, сопровождавшим Орлова:

— Я поеду с вами и с вами же вернусь обратно. Хочу посмотреть, где этот санаторий находится, а то потом не найдешь.

Фельдшер проявил понимание. Санаторий находился не очень далеко от Москвы, но в таком месте, куда самостоятельно не доберешься. Нужны как минимум две вещи: машина и хорошее знание маршрута.

Молодой следователь Орлов умел, как оказалось, договариваться не только с симпатичными девушками и фельдшерами. В санатории он, устроив отца в палате и познакомившись с его соседом, немедленно развил бурную активность, совершенно очаровав и покорив весь медицинский и административный персонал женского пола. Итогом этой деятельности оказались несколько ценных для Бориса договоренностей: во-первых, ему дали номер телефона и позволили ежедневно звонить лечащему врачу и задавать вопросы о самочувствии отца; и во-вторых, пообещали ни в коем случае не позволять Александру Ивановичу пользоваться телефонами санатория, чтобы он никуда не звонил во избежание риска получения новостей, которые заставят его волноваться. В каждом корпусе имелся телефон-автомат. Разумеется, ни один из них не работал. Чтобы связаться с кем-то в Москве, приходилось упрашивать персонал разрешить воспользоваться стационарным телефоном, и вот эту возможность Борис

Орлов своему отцу постарался перекрыть наглухо.

— Все, что нужно, мы с мамой тебе сами расскажем, — решительно произнес он в ответ на слабую попытку Александра Ивановича возмутиться. — Тебе волноваться нельзя. Как только у мамы будет свободный день, мы приедем вместе, я покажу ей дорогу. Навещать тебя будем часто, заскучать не успеешь. Так что, пожалуйста, пап, я очень тебя прошу, не используй силу своего знаменитого обаяния, чтобы уговорить местных дам нарушить слово, которое они мне дали. Хорошо? Обещаешь?

Орлов, конечно, пообещал, но выполнять обещанное и не собирався, намереваясь все-таки устроить так, чтобы можно было звонить в Москву. Но уже на следующий день вдруг понял, что звонить не хочет. Некому. И незачем. Ни сыну, ни бывшей жене, ни Танюшке, ни Вере он позвонить все равно не может: Борька сразу взбеленится и устроит разбирательство с теми, кто пустил отца к телефону. Заведующему юридической консультацией? А для чего? Все равно еще три месяца сидеть на больничном, и что бы на работе ни происходило, сделать Орлов ничего не сможет. Алле? Это сложно, обычно она всегда звонила сама, когда было удобно и под рукой оказывался чей-нибудь телефон. Кому-то из многочисленных знакомых и приятелей звонить тоже необходимости не было: рассказывать о своей болезни не хотелось, а делать вид, что здоров и благополучен, как-то глупо, все ведь знают о его инфаркте. Спросить, как у них дела? Но Александр Иванович внезапно осознал, что ему неинтересно. Ему не нужны чужие дела и чужие проблемы. Его интересует только его семья, его ближний круг. И вообще, ему и без этих телефонных звонков есть о чем подумать.

В санатории жизнь текла так же размеренно, как и в больнице: ежедневный врачебный контроль, лечебная физкультура, таблетки. Но добавились прогулки, сначала по десять минут, потом по двадцать, по полчаса... Весна набиралась сил, наливалась соком, и Орлов, все еще чувствуя скованность и опасение, что боль вернется при любом неверном движении, медленно и осторожно вышагивал по проложенному между деревьев терренкуру, наслаждаясь прозрачной влажностью апрельского воздуха. Борька приезжал в будни, если после суточного дежурства получал «отсыпной» день, или в выходные вместе с Танюшкой, машину одалживал у кого-то из друзей. Пару раз в неделю навещала Люсенька, и тогда они вместе ходили на прогулку и обсуждали подготовку к свадьбе сына. Александр Иванович с удивлением обнаружил в себе сентиментальность, о которой прежде и не подозревал и которая заставляла его вспоминать в присутствии Люси события двадцатилетней давности.

— А помнишь, как мы с тобой после каждой моей удачной защиты ходили в ресторан? — спрашивал он. — Господи, денег совсем мало было, на спиртное не хватило бы, но нас это совершенно не смущало, мы заказывали кофе, пирожные и бутылку газировки, чокались бокалами с водой и чувствовали себя королями жизни. Помнишь?

— Конечно, помню, — улыбалась Людмила Анатольевна. — И помню, как презрительно и негодуяюще смотрели на нас официантки: заказ-то копеечный, даже если и обсчитает, то максимум копеек на тридцать, для нее это не навар. Официанты любят большие заказы, на которых можно наварить хотя бы трешку, а лучше — пятерку. И я ужасно стеснялась этих их взглядов и откровенного пренебрежения, чувствовала себя воровкой или бродяжкой, пробравшейся в приличное общество. Но потом ты их всех очаровал.

— Ну что ты, — смущался Александр Иванович, — просто они привыкли к нам, запомнили, мы стали вроде как «свои», мы же всегда в один и тот же ресторан ходили.

— Очаровал-очаровал, — смеялась Люсенька. — Против твоего обаяния защиты нет даже у самых прожженных официанток советского общепита.

— А помнишь, — продолжал Орлов, — как мы путались сначала, когда в шестьдесят первом году была денежная реформа? Когда прикидывали, можем ли позволить себе покупку, каждый раз или зарплату забывали разделить на десять, или стоимость покупки умножали на десять, чтобы прикинуть, как это выглядит «на старые деньги», сопоставляли с новой зарплатой и приходили в ужас, потом соображали, где ошиблись, и долго хохотали.

— Ой, я до сих пор забыть не могу, как хотела купить туфли на шпильках, они тогда только-только в моду вошли, и в универмаге возле нашего дома их выбросили, покупатели толпой налетели, а я цену по привычке на десять умножила и ахнула: получилось больше моей зарплаты. Расстроилась ужасно, повернулась и вышла из очереди, чуть не плакала от досады. Уже на улицу вышла и вдруг поняла, что ошиблась от волнения, зарплату-то я уже по-новому посчитала. Побежала назад, в очередь меня теперь не пускают, я говорю, что стояла и просто отходила, а тетки орут, что меня там не видели. В общем, встала в конец, достоялась, а моего размера уже не было. Помнишь, как я рыдала дома от обиды? Так мне хотелось эти модные туфельки!

— Но ты потом их все-таки купила, — заметил Орлов.

— Не их, — возразила Люся, — другие. Те, первые, были золотистые в

цветочек, просто волшебные какие-то, а потом удалось достать только белые.

— И мы с Потаповыми пристроили детей к маме Генки Потапова, — подхватил Александр Иванович, — и пошли вчетвером в кино, смотрели сатирические короткометражки с Никулиным, Вициным и Моргуновым, а когда вышли, Генка начал ругаться, что это свинство и что сюжет про пса Барбоса нагло украден у Джека Лондона. Он весь кипел от возмущения, но ситуацию спасли как раз твои белые туфельки на шпильках.

— Точно! — рассмеялась Люся. — Мы поднимались из метро на эскалаторе, и тонкий каблук попал в прорезь. Я так испугалась, что каблук отломится — и конец моим модным туфлям! А Генка нагнулся и как-то очень ловко вытащил, даже кожу на каблуке не ободрал. И после этого про плагиат уже не вспоминал. А помнишь, лет двадцать назад красная и черная икра еще свободно продавались в магазинах и не являлись дефицитом, и мне ужасно хотелось, когда мы звали гостей, украсить стол какими-нибудь тарталетками или хотя бы блинами с икрой, а ты...

— А я ворчал, что это дорого, и уговаривал тебя приготовить более дешевые, но не менее нарядные блюда. И мы с тобой чуть не поссорились однажды из-за цветового решения: ты хотела, чтобы в центре стояло блюдо с «мимозой», а вокруг — разнообразные салаты со свеклой, и получился бы такой цветок с бело-желтой серединкой и малиновыми лепестками. Я кричал, что цветочки — это пошлость и надо ставить мясную и рыбную нарезку. И ты тогда ловко поставила меня на место, сказав, что я непоследователен и что если икра — дорого, то почему я возражаю против салатов с копеечной свеклой. В общем, я тогда устыдился и заткнулся.

Все эти разговоры были Орлову радостны, но одновременно почему-то вызывали чувство стыда. Разве имеет он право предаваться общим приятным воспоминаниям с женщиной, которая ушла от него? Разве допустимо делать вид, что у них все хорошо и они вдвоем перебирают счастливые или смешные моменты своей долгой совместной жизни, если Люсенька назвала его плохим мужем, не живет с ним и любит другого мужчину? «Наверное, я подспудно надеюсь, что она вернется, — грустно думал Александр Иванович. — Поймет, как много хорошего было у нас за эти годы. Поймет, что нельзя просто так взять и выбросить это из своей жизни, из своей памяти, из своего сердца. Но если она вернется, я все равно останусь плохим мужем, потому что не могу быть хорошим. Я не могу быть искренним и честным с ней, и Люся очень скоро поймет, что ничего не изменилось. Захочет ли она снова мириться с этим? Или через короткое время опять уйдет?»

Иногда Орлов набирался храбрости и спрашивал о Хвыле: переехал ли режиссер в новую квартиру, поговорил ли с Аллой. Люся каждый раз сдержанно улыбалась и отвечала одно и то же:

— Никаких разговоров о Хвыле, тебе нельзя волноваться. Считай, что этого человека нет в твоей жизни. Не думай о нем, не вспоминай. Вот поправишься — тогда поговорим.

Людмила Анатольевна выглядела спокойной и ничем не озабоченной, и Орлов никак не мог сделать вывод, что же там происходит на самом деле.

— Я больше нервничаю от неизвестности, — сердился он. — Лучше скажи, как есть.

Но Люся была непреклонна.

— Никаких разговоров о мужчине, которого ты рассматриваешь как своего соперника. Эта тема запрещена для человека, только что перенесшего инфаркт. И, Саша, прости меня за ту вспышку в больнице, я не имела права так себя вести.

Он тут же бросался утешать жену, уверяя ее, что «ничего страшного», и так и не понимая до конца, нужно ли в мыслях называть ее «бывшей» или все-таки просто женой. Они так и не развелись официально, но в этом и не было необходимости. Сын совершеннолетний, имущественных претензий нет, разводиться им придется не в суде, где все долго и непросто, а в ЗАГСе, много времени и сил это не потребует. Как только возникнет нужда — они тут же оформят развод.

Александр Иванович медициной не занимался уже сорок лет, но из того, что успел узнать от отца и из обучения в мединституте, хорошо представлял себе, почему ему нельзя волноваться. В крови появляются бляшки, которые откладываются на стенках сосудов, из-за чего просвет сосудов постепенно сужается. До тех пор, пока это сужение не достигнет критического значения, опасность минимальна. Как только допустимый порог пройден, возникает высокий риск беды: при волнении, переживаниях, стрессах в надпочечниках выделяется адреналин, который ведет к резкому мгновенному сужению сосудов. Если сосуды чистые и здоровые, то ничего плохого не происходит. Если же просвет сосуда уже сужен отложившимися на стенках бляшками, то при выбросе адреналина этот просвет может сократиться настолько, что перестанет пропускать кровь. Участок мышечной ткани сердца, который перестал снабжаться кровью, омертвевает, начинается некроз. Восстановить этот участок, вернуть его к жизни невозможно. При повторном инфаркте омертвевает еще один участок, при третьем — еще один... И на сердечной мышце просто не останется живого места. Тогда наступает смерть. Когда просвет сужается

полностью, то возникает инфаркт, когда не полностью — стенокардия. Именно от стенокардии Орлов страдал последние несколько лет, знал об этом, но все равно к врачам не ходил и режим не соблюдал.

В один из последних приездов, за два дня до окончания срока пребывания в санатории, Людмила Анатольевна спросила:

— Саня, а те материалы по Раевским, которые ты просил... Ты их прочитал?

— Конечно, и не один раз.

— И как тебе? Какие-то мысли появились? Или ты просто из любопытства хотел посмотреть?

Он не мог объяснить. Не мог сказать правду. Но одним впечатлением все-таки не смог не поделиться:

— Знаешь, я вот читал, читал и думал: вроде они все были хорошими людьми, никому не делали зла, ни о ком плохо не отзывались, не интриговали. И о них самих тоже никто худого слова не написал ни в частной переписке, ни в мемуарах, ни в прессе. Такие достойные люди, неглупые, судя по всему, честные, порядочные... А ни у кого из них жизнь не сложилась ярко, никто следа в истории не оставил. Ведь посмотри, кто из юристов у нас на слуху: Кони, Плевако и Таганцев, больше мы ни о ком и не вспоминаем. Никаких упоминаний в истории права ни о Гнедиче, ни о Раевских. То ли карьеру никто из них не сделал, то ли что... Наверное, чтобы остаться в истории, недостаточно быть честным и порядочным.

— Тут ты прав, — усмехнулась Людмила Анатольевна. — Чтобы остаться в истории, одной честности и порядочности явно недостаточно. Хорошо, если есть яркий талант, как у тех юристов, которых ты назвал. Но чаще всего нужно быть сволочью и интриганом, ну, в самом крайнем случае, авантюристом или уж откровенным идиотом. Ты обратил внимание на упоминания о купце Ерамасове?

— Это тот, с которым был роман у Сандры Рыбаковой?

— Именно тот. Знаешь, сколько денег он много лет давал революционерам? Мы помним только Савву Морозова, а ведь он финансировал революционное движение всего два-три последних года жизни, и не по убеждению в правоте социалистических идей, а просто из разочарования во всех остальных идеях и из любви к актрисе Андреевой, любовнице Горького. А Ерамасов поддерживал революционное движение, потому что верил в него, верил искренне, хотел всеми силами содействовать тому, чтобы труд на производстве из рабского превратился в свободный и продуктивный, и деньги давал больше двадцати лет. Но о Ерамасове все забыли. После победы революции он стал не нужен, более

того, он стал идеологически невыгоден, потому что олицетворял собой ситуацию, при которой не все купцы и промышленники — капиталистические гниды. Нашей идеологии достаточно было одного Саввы Морозова, два или больше подобных типажа — это уже перебор. Так вот, Савва был человеком громким, вокруг него и его жены Зинаиды, которую он увел у родного племянника, постоянно возникали скандалы, разговоры, сплетни. Даже смерть Морозова покрыта тайной, принято считать, что он покончил с собой, но есть очень много оснований сомневаться в этом. А Ерамасов — тихий скромный интеллигентный человек, поддерживавший социалистов без шума и пыли. Если тебе интересно, то о его заслугах перед советской властью помнили только сестры Ленина, именно они после смерти Владимира Ильича написали Сталину письмо с просьбой назначить Ерамасову хоть какую-то пенсию, потому что у бывшего купца все отняли и он прозябал в нищете. Больше никто и не почесался. Деньги брали с удовольствием, а поблагодарить — кишка тонка оказалась.

Этот разговор еще долго крутился в голове у Александра Ивановича. В самом деле, ведь хорошие люди... Почему же ни у кого ничего не вышло? Жизнь сложилась ярко только у Сандры, но она все-таки Рыбакова, а не Раевская, она другой крови. Следы всех прочих потерялись, память о них истерлась, как много лет используемый ластик.

Когда настал день отъезда домой, в Москву, Орлов понял, что боится. Семь недель — срок достаточный, чтобы и соскучиться, и отвыкнуть. Александру Ивановичу казалось, что там, дома, начнется какая-то новая, совершенно незнакомая жизнь, которую он не понимает и к которой не готов.

— Ни о чем не волноваться и ни о чем не беспокоиться, — напутствовала Орлова лечащий врач, немолодая женщина, с которой у него отношения сложились вполне добрые, почти приятельские. — Вы человек разумный, держать себя в руках умеете, так что я очень на вас надеюсь.

«Знала бы ты, какая у меня на самом деле жизнь, — мысленно ответил ей Орлов, пожимая на прощание теплую сильную сухую руку, покрытую морщинистой кожей. — При моих обстоятельствах никак невозможно ни о чем не волноваться. Я сам сорок лет назад сделал так, что теперь покоя мне не будет до самой смерти».

На следующий день после того, как Александра Ивановича увезли на «Скорой» и положили в больницу, Татьяна Потапова впервые в жизни начала ощущать себя настоящей хозяйкой дома. До того, как переехать к Орловым, она с самого рождения жила в однокомнатной квартире, сначала с мамой и папой, потом только с одной мамой, и всегда помнила, что настоящая хозяйка — мама, а она, Танюшка, просто получила разрешение здесь жить и вместе с этим разрешением — обязанность помогать. Все вопросы решала мама, и она же делала все распоряжения. У Орловых Татьяна оказалась единственной женщиной в квартире, но все равно постоянно помнила о том, что хозяин здесь — отец Бориса, а она живет только потому, что ей «разрешили». И ни ее хозяйственность, ни умение готовить, ни тщательно поддерживаемый ею порядок в этой квартире, ни положение будущей жены и невестки ничего не могли изменить в ее мироощущении. Она младшая, а потому бесправная.

Однако наутро после госпитализации Александра Ивановича в сознании Татьяны начали происходить перемены, сперва незаметные, маленькие, казавшиеся ей даже немного смешными. Например, она, едва проснувшись, стала привычно прикидывать, какие из домашних дел выполнить прямо сейчас, а какие оставить на вечер, когда вернется с работы, и вдруг сказала себе: «Когда захочу — тогда и сделаю, все равно Александра Ивановича не будет, и я ему не помешаю. Борька на дежурстве, завтрак можно не готовить, мне самой и чашки кофе хватит, значит, можно еще поспать». Вечером, по дороге с работы, она зашла в магазин за продуктами и, выбирая между мороженым хеком и такой же мороженой треской, вдруг подумала, что раз она не любит рыбу, то можно же ее и не готовить. Рыбу любит Александр Иванович, и для него Татьяна всегда старалась изобрести что-нибудь вкусненькое и небанальное, собирая рецепты у всех подруг и знакомых, а также в журналах и книгах по домоводству. При мысли о том, что на ужин можно просто поджарить свою любимую яичницу с колбасой, которую они с Борькой оба обожают, девушка счастливо улыбнулась.

Через неделю ей пришла в голову идея пригласить гостей. При Александре Ивановиче это казалось ей невозможным, ведь он немолодой и очень занятой человек, молодежная компания нарушит его покой и привычный уклад жизни. Борис идею одобрил, позвали двух близких подруг Татьяны, одну с кавалером, другую с мужем, и двух друзей Бориса с дамами сердца. Впрочем, деление гостей на «Таниных» и «Бориных» было весьма условным и сильно устаревшим, ибо круг друзей давно уже стал у них общим, и одна из одноклассниц Татьяны теперь даже встречалась с

товарищем Бориса, оперативником. Таня красиво накрыла на стол, приготовила самые нарядные салатики, какие умела, запекла в духовке купленную ради такого случая на рынке баранью ногу и весь вечер чувствовала себя полноправной хозяйкой дома, принимающей гостей. Когда все разошлись, она отправила Бориса спать и принялась с удовольствием мыть посуду, повторяя про себя: «Могу и не мыть, оставить на завтра, а могу и сейчас помыть, я сама решаю, когда мне мыть посуду, только сама, ни на кого не оглядываюсь...»

Вот и сегодня, за два дня до возвращения Александра Ивановича из санатория, Татьяна и Борис ждут гостей. Собраться решили в пятницу после работы, посидеть на славу, пообщаться, потанцевать, чтобы в субботу отоспаться, а в воскресенье начать готовиться к приезду Орлова-старшего: сделать генеральную уборку, соорудить праздничный обед и испечь любимый пирог Борькиного отца, искусству изготовления которого Таню еще давным-давно обучила Людмила Анатольевна.

Рядом с проектным институтом, в котором работала Татьяна Потапова, был гастронм с хорошим снабжением, и девушка старалась по возможности покупать продукты именно там, иначе возникал риск остаться без самого необходимого: прилавки в магазинах, расположенных рядом с домом, с каждым месяцем становились все более унылыми, а очереди — все длиннее. Стоя в набитом вагоне метро с тяжеленными сумками, Таня весело улыбалась, представляя, как сейчас придет домой, начнет готовить угощение, накрывать на стол... Ребята соберутся к девяти часам, она как раз все успеет. Да и Борис обещал постараться прийти пораньше, не задерживаться, он ей поможет, если будет нужно.

Борис... Надо же, как бывает! Они знают друг друга с детства, практически с самого рождения. И когда Борька почти четыре года назад высказал свою невероятную идею «сделать вид», никто из них и не предполагал, как все обернется. Они сходили на концерт Элтона Джона, сдали госэкзамены, провели вместе замечательный отпуск в Сочи, потом в течение нескольких месяцев посмотрели все самые интересные спектакли в «Ленкоме» и в Театре на Таганке, а также множество зарубежных кинофильмов, которые никогда не выйдут в прокат на советских экранах. Ничто, как говорится, не предвещало... Или все-таки предвещало, просто они не заметили? Прошло четыре года, и вот уже Татьяна живет у Орловых, а через полторы недели состоится ее свадьба с Борисом.

Таня Потапова никогда не задумывалась о том, любовь ли это, но знала совершенно точно: ни с кем и никогда ей не будет так хорошо, как с Борькой Орловым. Так спокойно, надежно, уютно, как бывает только рядом

с человеком, знающим тебя «до доньшка» и принимающим. Девушка хорошо помнила собственные ощущения, которые испытывала, когда влюблялась. Нет, с Борькой не было ничего похожего. Ни нервной дрожи, ни волнений до обморока, ни бессонных ночей. Может быть, как раз об этом говорила всегда ее мама, когда называла Таню рассудительной и трезвомыслящей? Да нет, дело наверняка в другом, ведь Татьяна знала, что на самом деле она человек очень эмоциональный и под влиянием внезапно возникающего порыва может совершить любой поступок, но... Через несколько минут, а иногда и секунд включался разум. Самое главное — удержать себя и не натворить дел именно в эти короткие мгновения, пока буря эмоций еще бушует. Несколько раз споткнувшись о последствия собственной порывистости, Татьяна стала стараться контролировать себя и не выпускать вожжи из рук. Не кидаться в тот же момент что-то сообщать, кому-то помогать, кого-то мирить... Подышать и подумать. Прикинуть, оценить, увидеть последствия. Именно поэтому окружающие, в основной своей массе, считали Таню Потапову холодной и расчетливой, и только самые близкие знали, какова она на самом деле и что происходит в ее сердце и ее голове.

Первой перемену в отношениях Тани и Бориса заметила, конечно же, мама, Вера Леонидовна. Кто же знает Татьяну лучше мамы?! Никто другой ничего заметить и не мог. Людмила Анатольевна, как теперь стало件нятно, была увлечена новыми знакомствами и новыми отношениями с режиссером Хвyleй, а Александр Иванович, как почти все мужчины, вообще не был особо наблюдательным по части тонких проявлений чувств. Если уж он за три года не понял, что жена влюблена в другого мужика, то куда ему уследить за развитием отношений сына с девушкой. И все-таки жаль, что так получилось с Людмилой Анатольевной! Таня очень любила маминих друзей Орловых, ей казалось, что это так классно, когда жена — олицетворение дома и очага, прекрасная хозяйка, превосходная кулинарка, гостеприимная, всегда веселая и живая, а муж — эдакий барин, неспешный, вальяжный, снисходительно-добродушный и ужасно умный. Когда прошлой зимой они с Борисом решили пожениться, Таня радовалась тому, что ее жених — сын маминих друзей, замечательных людей, и ее семья станет счастливым исключением из правила, растиражированного не только анекдотами, но и книгами, и кинофильмами, показывающими далеко не самые простые отношения мужа с тещей, жены со свекровью, а также свекрови и тещи между собой. Нет, у нее в семье так не будет никогда! Мама давно дружит с дядей Сашей и тетей Люсей. Даже если придется жить у Орловых, она, Таня, не допустит, чтобы возникла

проблема двух хозяек на одной кухне. Да и вообще: разве с такой чудесной, такой милой и доброй тетей Люсей могут возникнуть хоть какие-то проблемы?

А тетя Люся ушла к любовнику... Бросила дядю Сашу. Переждав и «передышав» первый всплеск эмоций, гнавший Таню немедленно ехать в институт, где работала Людмила Анатольевна, найти ее и уговорить вернуться, девушка приняла простое решение: если тетя Люся полюбила другого мужчину, это не делает Борькину маму хуже, ведь ни один человек, по определению, не может стать плохим из-за того, что любит кого-то, поэтому относиться к Людмиле Анатольевне Татьяна будет точно так же, как прежде, а принятое ею решение будет уважать как решение человека немолодого, разумного и сознательного. Татьяна Потапова, конечно, понимала разницу между «влюбился» и «бросил», но вполне трезво рассудила, что бросать жену с маленькими детьми, если влюбился в другую, — да, нехорошо и достойно порицания, а уйти от здорового взрослого мужчины, самостоятельного, имеющего заработок и не обремененного никакими семейными проблемами, совершенно допустимо. Тем более сам этот мужчина, как сказал Борис, тоже завел роман с актрисой Аллой Горлицыной, значит, жену не особо любит и ее уход воспримет спокойно. Борька, конечно, ужасно расстроился, и Таня очень ему сочувствовала. Но уже через пару месяцев все как-то успокоились и примирились с новой ситуацией. Рухнул привычный образ жизни и привычный образ родителей как прекрасной пары, только и всего, а в остальном-то — ничего страшного!

По дороге от метро до дома Татьяна зашла в овощной магазин за луком и консервированным горошком — последними недостающими компонентами для запланированных салатов. Все остальные овощи были отварены еще накануне, кроме тех, разумеется, которым полагалось по рецептуре оставаться сырыми.

— Девушка, где вы колбасу брали? — спросила бегущая по улице навстречу запыхавшаяся женщина, жадными глазами впившаяся в торчащий из Таниной сумки батон «Любительской». — В «стекляшке»?

«Стекляшкой» называли небольшой гастроном за углом.

— Нет, это на Смоленской, — ответила Таня.

— Ах, жалко как, — с досадой произнесла женщина, — мне колбаса нужна, я уже все магазины в нашем районе оббегала — нигде ничего.

Татьяна перехватила сумки поудобнее и пошла дальше. В вопросе женщины не было ничего необычного. Почти все, кто занимался домашним хозяйством, на улицах шарили глазами по сумкам прохожих и, как только

замечали нужный продукт, спрашивали: «А где вы брали?...» Могли при этом еще спросить, много ли народу и большая ли очередь. Что ж поделать, если в магазинах пустоты на прилавках постепенно заменяют собой поддоны и лотки с жалкими остатками продуктов... Жизнь такая, все выкручиваются, как могут.

Дома она едва успела переодеться и повязать фартук, как появился Борис, тут же кинувшийся помогать. К приходу гостей накрытый стол радовал разнообразием красок и запахов. Яркая блондинка Леночка, одноклассница Тани, та самая, которая теперь встречалась с Борькиным другом, оперативником по имени Стас, предложила посвятить вечер проводам невесты.

— Все, Потапова, — громко и весело заявила подруга, — последние денечки гуляешь! Сыграете свадьбу — и ты впряжешься в быт по полной. Еще сто раз пожалеешь, что замуж вышла!

Все смеялись, было как-то легко и радостно, танцевали под записанные на магнитофон песни в исполнении Тото Кутуньо, Пупо, Рикардо Фольи... Итальянскую эстраду Татьяна любила, особенно нравилась ей песня, которую пел Клаудио Дамиани: «Quando l'amore non sér più» — «Когда любви больше нет». Итальянского языка Таня не знала, и сначала ей просто очень понравились мелодия и быстрый напористый ритм, но однажды к ним с Борисом в комнату вошел Александр Иванович, услышал песню, которая постоянно звучала с магнитофонной ленты, и с ходу перевел несколько строк: «ты не знаешь, что делать дальше, ты хочешь умереть, но жизнь на этом не заканчивается, у тебя еще будут дни, которые нужно прожить, земля все еще вертится, небо все еще голубое...»

— Вы знаете итальянский? — поразила тогда Татьяна.

— Никогда не изучал этот язык, — рассмеялся Александр Иванович. — Зато я добросовестно зубрил латынь в университете, и этих знаний вполне достаточно, чтобы через два слова на третье понимать итальянский.

Текст песни задел Татьяну за живое, и она попросила Орлова продиктовать ей ту строчку, которая в переводе звучала «жизнь на этом не заканчивается». В правописании Александр Иванович уверен не был, поэтому Таня записала итальянские слова кириллицей: так было легче запомнить. С тех пор фраза «Ma la vita non finisce qui» стала у нее одной из наиболее часто повторяемых, особенно когда возникали неприятности или проблемы.

Именно под эту песню и танцевала собравшаяся молодежь, когда раздался звонок в дверь. Длинный и настойчивый. Стас, целовавшийся на

диване с Леночкой, резко вскинул голову:

— Мы кого-то ждем?

— Нет, — удивленно ответила Татьяна. — Пойду посмотрю, кто там. Может быть, мы шумим и соседям мешаем...

Она распахнула дверь, не посмотрев в глазок: а чего ей бояться, когда за спиной полный дом народу, даже следователь и оперативник имеются. На лестничной площадке стояла красивая брюнетка в модном пальто. Алла! Татьяна даже не сразу сообразила, что это она, потому что видела Горлицыну всего пару раз, когда та заходила в гости к Орловым. Вернее, к Орлову, к Александру Ивановичу, потому что встречала ее Таня только после того, как стала жить в этой квартире.

Зачем эта женщина явилась? Что ей нужно, да еще в такое позднее время? Может быть, она думает, что Орлов уже вернулся из санатория, и пришла к нему?

— Александр Иванович приедет в понедельник, — осторожно произнесла Татьяна, надеясь, что гостья сейчас извинится, повернется и уйдет.

Алла стояла неподвижно и смотрела на нее какими-то странными глазами.

— Вы ведь к Александру Ивановичу пришли? — терпеливо повторила Таня. — Его еще нет, он будет только в понедельник.

В прихожую вышел Борис.

— Кто там, Танюха? Соседи?

Увидел Аллу и осекся.

— Алла Михайловна? Проходите, пожалуйста. Папы нет. Что-то случилось? С Мишкой?

Алла сделала пару неуверенных шагов вперед и, оказавшись в квартире, привалилась спиной к стене.

— У вас гости? — проговорила она с непонятной усмешкой. — Веселитесь? А меня муж бросил. Наконец-то он меня бросил. Дождались. Вот и на вашей улице праздник.

И только тут Таня поняла, что актриса изрядно пьяна. Борис подхватил пошатнувшуюся гостью и собрался было увести ее в свою комнату, но Алла неожиданно вырвалась.

— Хочешь меня спрятать, пай-мальчик? А я хочу к людям! Пусти меня, я хочу в компанию, я не могу одна, не могу, не могу...

Она разрыдалась. Из комнаты выглянул Стас.

— Помощь нужна? Что у вас тут?

— Все в порядке, ничего страшного, просто Алла Михайловна

немного расстроена. Сейчас она разденется, и мы придем.

Стас с недоверием глянул на рыдающую женщину.

— Если теперь это называется «просто немного расстроена», то хотел бы я посмотреть, как выглядит «убита горем», — хмыкнул он. — Давайте, мы вас ждем, там у Ленусика очередной тост созрел.

Алла перестала плакать, прошла в ванную, привела лицо в порядок и в сопровождении Бориса появилась в комнате. Татьяна настороженно смотрела на эту женщину, из-за которой в семье Орловых столько проблем: Боря предупредил, что о романе своего мужа с Людмилой Анатольевной она ничего не знает, для нее, как и для многих других, тетя Люся ушла от мужа ради любви к неизвестному мужчине.

— Друзья мои, — торжественно начал Борис, — позвольте представить вам нового гостя: актрису Аллу Михайловну Горлицыну.

— Ой, вы вправду актриса? — воскликнула Леночка. — А в каких фильмах вы снимались?

— Ни в каких, — с вызовом ответила Алла. — Я служу в театре. В кино не снимаюсь.

— А-а-а, — с разочарованием протянула Леночка. — Тогда понятно...

— Что тебе понятно, малышка? — презрительно усмехнулась Алла. — Ты думаешь, что если актер не снимается в кино, то это не актер, а фуфло?

— Так нас же учили, что из всех искусств для нас важнейшим является кино, — весело отпарировал Стас. — Это Ленин сказал, между прочим. И во всех кинотеатрах на плакатах во-от такими аршинными буквами написано, чтобы мы не забывали. А про театр Ленин ни слова не говорил. Значит, кино важнее и нужнее.

Алла молча кивнула и показала пальцем на бутылку с коньяком.

— Налейте даме, — потребовала она.

Борис пододвинул ей стул.

— Алла Михайловна, садитесь.

— Ничего, я выпью стоя, а потом отвечу этому прелестному юноше.

Но Борис почти насильно усадил ее за стол, Таня тут же поставила перед Аллой чистую тарелку, положила приборы. Горлицына выпила коньяк залпом и широко улыбнулась.

— Так вот, прелестный юноша, — она уставилась на Стаса заблестевшими глазами, — вы пали жертвой самой примитивной манипуляции. Владимир Ильич сказал буквально следующее: «Пока народ неграмотен, из всех искусств для нас важнейшим является кино». Разницу ощущаете? Речь шла только о том, что пока есть люди, которые не умеют читать и писать, доносить до них высокие идеи можно и нужно при

помощи кинематографа. Но эти времена давно миновали, в нашей стране всеобщая грамотность, так почему кино нужно считать важнейшим из искусств? Не литературу, не театр, не музыку или живопись, а именно кино? Хитрые и ловкие люди выдернули кусок фразы из контекста и выдают за великую истину, а вы все повторяете, как выдрессированные попугаи. Первоисточники надо читать, прелестное дитя, а не плакаты цитировать.

— Ну, так во всех учебниках написано, — начал оправдываться кто-то из гостей. — А вы откуда знаете, что Ленин именно так говорил? Где это написано? Вы своими глазами видели? Сами читали?

Алла молча налила еще рюмку коньяку и снова выпила залпом. Глаза ее быстро утрачивали блеск, и Таня поняла, что эта последняя рюмка было явно лишней: актрису «поташило».

— А это все и еще много другого интересного мне рассказал мой любимый муж, который вращается в кругах диссидентов, — ответила Горлицына. Дикция утрачивала внятность и четкость с каждым словом, и Татьяна с ужасом представила себе, что будет дальше. — Знаете, кто такие диссиденты? Это такие плохие ребята, которые ничему не верят и все подвергают сомнению. Нет, они власть не критикуют, ни в коем случае, они просто сом-не-ва-ют-ся. И все перепроверяют. Вот и мой муж такой же. Тот самый муж, который вчера объявил мне, что разводится со мной. То есть он меня бросил, если вам так понятнее. И знаете, почему он меня бросил? Ради кого?

— Алла Михайловна, — с угрозой в голосе проговорил сидящий рядом с ней Борис. — Не нужно.

— Да нет уж, я скажу, пусть все знают.

— Алла Михайловна!

— А мне нечего стыдиться! Мой муж меня бросил, потому что у него роман с Люсенькой. Ну, что вы на меня так смотрите?

Актриса обвела присутствующих помутневшим взглядом.

— А-а, я догадалась! — Она пьяно рассмеялась. — Вы же не знаете, кто такая Люсенька! Потому что это только для меня она Люсенька, а для всех вас она — Людмила Анатольевна Орлова, мамочка вашего друга Бореньки.

— Ни фиги себе! — выдохнул Стас и посмотрел на Бориса: — Что, правда, что ли?

— Стас, ну хоть ты не начинай, а? — попросил Борис. — Алла Михайловна, вам надо поесть. Давайте я вам положу...

Он принялся накладывать в ее тарелку мясо, гарнир и салаты в

надежде на то, что еда отвлечет нетрезвую гостью и заодно ослабит действие алкоголя. Наклонившись к Алле, он медленно и четко прошептал ей в самое ухо:

— Возьмите себя в руки, иначе мне придется всем сказать, что вы любовница моего отца. Вы не имеет никакого права устраивать здесь сцены. Среди нас нет ни одного человека, который был бы перед вами виноват. И ешьте, пожалуйста, как следует, а то вас совсем развезет.

Из глаз Горлицыной полились слезы, оставляя на щеках новые потеки туши взамен недавно смытых в ванной.

— Прости, — всхлипнула она, — я не хотела... Просто мне так страшно... Так больно... Так одиноко... Мне ведь даже поделиться не с кем... Андрюшу главным режиссером назначили, квартиру дали, нас все ненавидят, нам все завидуют... Если я начну делиться своим горем, они будут только счастливы... И еще глупость эта про то, что я любовница Саши... Андрюша тоже вчера это говорил... Глупость какая... Глупость...

Она заплакала, на этот раз тихо и горько. Над столом повисла напряженная и неловкая тишина. Татьяна обвела глазами гостей, поймала внимательный и заинтересованный взгляд Стаса, устремленный на Аллу. Остальные старались не смотреть на плачущую женщину. «Ну, вот и все, — огорченно подумала Таня. — Веселью конец. Надо же, чтобы так случилось: пришла Алла и все испортила! А такая хорошая была вечеринка...»

— Ленусик, — обратилась она к подруге, — помоги, пожалуйста, убрать посуду, будем чай накрывать.

Верная подруга Леночка тут же уловила желание Татьяны переломить царившее в комнате настроение опасливого уныния и с готовностью подхватила:

— А что у нас к чаю? Тортики-пироженки? Или печенье-конфетки? Народ! Пока Танюха не огласила десертное меню, принимаю ставки! Заключайте пари! Кто за то, что нам подадут торт? А кто за пирожные?

Примолкшие гости сразу оживились, начали заключать пари, называя ставки: рубль, рубль пятьдесят, два рубля... Татьяна с подругой быстро очистили стол от грязных тарелок и остатков еды и сменили скатерть. Когда на кухне выкладывали на блюдо и резали на порционные куски торт, Лена спросила:

— Слушай, а эта актриса — она что, в самом деле любовница Борькиного папаши?

Татьяна пожала плечами. До последнего часа она была в этом уверена, ведь так сказал Борис. Но сейчас ее почему-то одолели сомнения.

— Не знаю, Ленусь, я свечку не держала. Но Борька говорил...

— А он что, держал? — фыркнула Леночка. — Получается, Борькина мамаша связалась с мужем, а папаша — с женой? Чего ж эта Алла так убивается, если у самой рыльце в пушку? Нет, Танюха, помяни мое слово, нет между ними ничего. Не родилась еще баба, которая придет к сыну своего любовника жаловаться, что ее законный муж бросил. Так не бывает.

— Вот и мне кажется, что не бывает, — согласилась Таня, облизнув нож, к лезвию которого пристал крем с торта. — Просто Александр Иванович очень хорошо относится к Алле, как старший товарищ, что ли... Заботится о ней, переживает, когда у нее проблемы, с сыном ей помогает. Они же дружили семьями — Алла с мужем и Борькины предки. И почему нельзя хорошо относиться к человеку противоположного пола, чтобы кругом не начали тут же в любовники записывать? Ну что, понесли?

Она подхватила блюдо с тортом, Леночка взяла поднос с чайной посудой, и девушки вернулись в комнату.

За время их отсутствия обстановка изменилась довольно заметно: все расслабились, верхний свет притушен, горит только торшер, две пары переминаются в медленном танце. Одна из этих пар — Алла Горлицына и Стас. Сердце у Татьяны тревожно екнуло, первым же порывом было зажечь люстру и каким-нибудь громким заявлением переключить внимание на себя, чтобы разрушить интимность, явно возникающую между кавалером подруги и незваной гостьей. Но уже через пару секунд, пока девушка ставила блюдо на стол, пришла отрезвляющая мысль: «Не лезь не в свое дело; если Леночке это не нравится, она или сама что-нибудь предпримет, или пожалуется тебе и попросит помочь, вот тогда и выступай со своими благими намерениями; может быть, между Аллой и Стасом нет никакой интимности, тебе просто показалось, ну, танцуют люди, что в этом плохого? А ты сейчас влезешь и будешь выглядеть смешно».

Она попыталась поймать взгляд Бориса, чтобы по его выражению понять, права она или ошибается, но жених был увлечен беседой с другим гостем. По обрывкам доносившихся слов Таня догадалась, что речь идет о выдворении сотрудников советского посольства из Франции в связи с обвинением их в шпионаже.

Татьяна Потапова очень старалась как-то выправить ситуацию, ведь ей так нравилось чувствовать себя гостеприимной хозяйкой, и сегодняшнее мероприятие было последним: через два дня вернется Александр Иванович, а когда удастся получить отдельное жилье — неизвестно. Но через некоторое время ей пришлось признаться самой себе, что вечер загублен окончательно. Стас буквально прилип к Алле, которая с каждой

минутой становилась все трезвее, Леночка мрачнела на глазах, остальные видели и понимали, что происходит, им было неловко и неудобно и хотелось поскорее уйти.

Алла от торта отказалась, выпила три чашки очень крепкого чаю и окончательно пришла в себя. Теперь она выглядела такой же красивой, как и раньше, и слова произносила хорошо поставленным голосом и с безупречной дикцией.

— Спасибо вам, Борис и Татьяна, — с чувством и очень выразительно произнесла Алла. — Вы меня спасли, дали возможность сделать глубокий вдох, удержали на краю бездны. Спасибо, что не выгнали. И вам всем, — она одарила улыбкой каждого из гостей, — огромное спасибо за то, что приняли в свой круг и не дали пойти на дно. До свидания!

Она вышла в прихожую, следом за ней вышел Борис, чтобы подать пальто. Неожиданно с места сорвался Стас.

— Алла Михайловна, я вас провожу!

Татьяна, только что испытывавшая огромное облегчение оттого, что Алла наконец уходит, обмерла от ужаса. Бедная Ленка! И за что ей такое унижение?

— Ну что вы, — донесся из прихожей голос актрисы, — не нужно, я прекрасно доберусь сама.

— Уже очень поздно, — настаивал Стас, — вы не должны...

Окончания разговора Таня не услышала: Лена пулей выскочила из комнаты, и пришлось бежать за ней в ванную, где девушка отчаянно разрыдалась. Хлопнула входная дверь. Таня сидела рядом с подругой на краю ванны. Леночка уткнула лицо в Танино плечо, и та чувствовала, как коже становится мокро и горячо от слез, намочивших тонкий трикотаж водолазки. Обнимая обиженную Леночку и поглаживая ее по спине, Татьяна Потапова с грустью думала о том, что праздник не удался.

— *Ma la vita non finisce qui*, — вполголоса пробормотала Татьяна. — Но жизнь на этом не заканчивается...

— Ты ничего не понимаешь! — отчаянно выкрикнула Лена. — Ты не понимаешь, как мне больно! У тебя самой все в порядке, замуж выходишь! А я... Вот так, на глазах у всех... Уйти с этой...

Тане очень хотелось проявить сочувствие и понимание, и она открыла было рот, чтобы неодобрительно высказаться в адрес Аллы Горлицыной, но привычно остановила себя и сделала глубокий вдох. А правильно ли это? Правильно ли поддерживать Ленку в этих мыслях и чувствах? Да, подруга ждет именно поддержки и понимания, но надо ли в данном случае идти ей навстречу?

Рассудительность Татьяны Потаповой подсказала ей простой аргумент, совершенно очевидный для нее, выросшей рядом с мамой-следователем и собирающейся замуж тоже за следователя:

— Ленусь, Стас поступил как нормальный милиционер. Отпускать поздно ночью на улицу хорошо одетую пьяную тетку — это большой риск того, что завтра придется разбираться с ее ограблением, изнасилованием или, не дай бог, с трупом. Кому это надо? Вот поверь мне, ничего между ними сегодня не случится, Алла Михайловна живет в общежитии, в маленькой комнатке, с сыном и мужем...

— Она сказала, что муж ее бросил, — упрямо возразила Лена.

— Но сын-то остался. А он уже большой парень, школу в этом году заканчивает. Так что к себе Алла никого привести не может. Стас, насколько мне известно, тоже живет с родителями. Куда им деваться? Проводит Стас ее до общаги и распрощается, а завтра позвонит тебе с самого утра как ни в чем не бывало, вот увидишь.

Лена подняла голову и посмотрела на Татьяну недоверчивым взглядом из-под припухших от слез век.

— А с чего это Стасу так беспокоиться о ней? Ну и пусть бы ее ограбили, пусть бы даже и убили, ему-то что?

— Да ему-то ничего, — уверенно ответила Таня, — ему по барабану. Но Борькин отец серьезно болен, ему ни в коем случае нельзя волноваться. А представь, что будет, если он в понедельник вернется из санатория и узнает, что с Аллой что-то случилось. Второй инфаркт обеспечен. Они же очень близкие друзья, Александр Иванович за нее переживает. Даже не знаю, как сказать ему, что Аллу муж бросил. И скрывать нельзя, все равно ведь узнает, и говорить страшно. Так что спасибо Стасу, что он подумал и о Борькином отце, и о нас.

— Ага, — всхлипнула Лена, — и об Алле этой подумал. Только обо мне никто не подумал. Я всегда у него на последнем месте.

Татьяна вздохнула, обняла подругу крепче.

— Ленусь, просто это такие люди. Вот поверь мне, у следователей и оперов семья и близкие никогда не бывают на первом месте. Иначе они просто не смогут работать.

— Значит, ты еще замуж не вышла, а уже знаешь, что не будешь для Борьки на первом месте? — не поверила Лена.

— Конечно, знаю, — улыбнулась Татьяна.

— И зачем тебе такой муж?

— Лен, ну я же выхожу замуж не для того, чтобы быть для кого-то на первом месте.

— А для чего тогда?

Удивление Леночки было совершенно искренним. Она действительно не понимала, полагая, что сама она — бесценный подарок, который вручают прекрасному принцу с одной-единственной целью: чтобы он этот подарок поставил на постамент, сдувал с него пылинки и целыми днями восхищался. Такую позицию Таня, не привыкшая считать себя «подарком», никогда не разделяла, но любила свою подругу и ценила в ней множество других качеств.

— Хочу быть рядом с Борькой и вырастить вместе с ним наших детей, — ответила она. — Я много лет была дочерью следователя, хорошо помню, как мало мама бывала дома, а когда и бывала, то думала в основном о работе, так что ни на что особо не надеюсь. Но я привыкла к такой жизни, приспособилась к ней, и меня все устраивает.

— Все равно не понимаю. — Леночка окончательно перестала плакать и сердито помотала головой. — Какой смысл выходить замуж за парня, которого вечно нет дома. Он тебе и с детьми помогать не будет, а ты же хочешь, чтобы вы их вместе вырастили. Будешь все время одна, как мать-одиночка.

Ну как ей объяснить, что вместе — это не обязательно взявшись за руки идти в ногу. Вместе можно быть и на расстоянии. Вместе можно быть, даже не встречаясь неделями и месяцами. Татьяна Потапова была уверена в собственной правоте, но доказывать свои идеи Леночке почему-то не хотелось.

Она поднялась и потянула подругу за собой.

— Пойдем, Ленусик.

* * *

Ее привязывала к нему сильная физическая страсть, горестная, как запой.

Из защитительной речи С. А. Андреевского на судебном процессе по делу Мироновича

Наша любовь — это какая-то адская смесь острой водки и святой воды.

Из защитительной речи С. А. Андреевского на судебном

процессе по делу Иванова

— Что будем делать с Аллой? — спросила Татьяна, вытягиваясь в постели рядом с Борисом.

— А что с ней нужно делать? — не понял тот. — Стас...

— Да при чем тут Стас? Я про Александра Ивановича думаю. Слушай, Алла что, пьющая?

— Вроде не замечал. И предки никогда об этом не говорили.

— Беда... — Таня помолчала. — Вот представь: Александр Иванович вернется, а Алла в запое. Надо что-то предпринимать, чтобы оградить его.

— И что ты предлагаешь? Телефон отключить? Дверь не открывать?

— Ну, Борь, я серьезно. Может, нам поговорить с Аллой?

— О чем? Что пить — нехорошо?

— О том, что Александра Ивановича нельзя волновать.

— Ты думаешь, она сама этого не понимает? — усмехнулся Борис. — Но для нее сейчас уход Хвыли — самое главное, и папино здоровье ее интересует меньше всего. И кто мы с тобой для нее? Дети, зеленые сопляки. Она нас не услышит, даже если мы будем изрекать великие истины.

— Да перестань! Ты же следователь, людей в тюрьму отправляешь, и многие из них старше тебя. Какой же ты сопляк? И мы совсем не дети, между прочим, мы взрослые самостоятельные люди.

— Мы-то — да, и мы это знаем. А вон они не знают и считают нас детьми. Танюха, заканчивай уже бороться с ветряными мельницами, предков и все их поколение нам все равно не переделать, они так и будут до самой нашей старости нам на мозги капать.

Татьяна чуть приподнялась на подушке, оперлась на нее локтем и насмешливо посмотрела на жениха.

— И ты готов смириться? А как насчет того, чтобы побороться за свое право считаться взрослым и принимать решения?

— На работе я их и так каждый день пачками принимаю, — вздохнул Борис. — А ни за что другое я бороться не собираюсь, потому что давно принял как истину: есть вещи, которых я действительно не понимаю. Я эту мысль интериоризировал.

— Ты... Что сделал? — не поняла Таня.

— Ин-те-ри-о-ри-зи-ро-вал, — по слогам повторил Борис. — Принял внутрь себя и осознал как свою собственную.

— Слово какое-то... Где ты его выкопал?

— В учебнике по криминологии, американском, его у нас в переводе

издавали, я и прочитал.

«Ты молодой еще, тебе не понять...» Как часто слышал следователь Орлов эти слова от тех, кого допрашивал! Сначала подобные высказывания возмущали, просто до бешенства: он окончил университет, имеет какой-никакой опыт работы, за плечами немало раскрытых преступлений и доведенных до суда уголовных дел, так почему это он не может чего-то там понять? Ему казалось, что нормально устроенный и не отягощенный болезнями мозг в состоянии понять все, что угодно.

В этой уверенности Борис пребывал ровно до того дня, когда выехал по дежурству на очередную «бытовуху»: муж напился, скандалил и бил жену. Милицию вызвали соседи. Случай был обыкновенным, без таких вызовов не обходилось ни одно дежурство. Участковый уже топтался возле подъезда, ожидая дежурную группу.

— Петренко опять нажрался в хлам, жену бьет, известное дело, — уныло проговорил участковый. — А она его выгораживает и заяву писать отказывается. За последние пару лет раз пять уже такое было. Один раз даже удалось уговорить ее заявить на мужа, так на следующий день прибежала и рыдала, мол, отдайте заявление обратно, не сажайте, пожалейте.

— А чего ж не привлекаете? Неужели нельзя надавить на нее, чтобы заявление подала и не забирала потом?

Вопрос был риторическим, Борис и сам это понимал. Слова «попугайте только, а сажать не надо» он слышал от избитых жен как минимум раз в неделю. Все как всегда.

— Да бабу жалко, хорошая она. А Петренко этот — козел редкостный, он же ее убьет, если мы его закроем. По побоям срок-то крошечный, мухой пролетит, вот Петренко и заявится обратно к жене. А могут и не закрыть, условно дать, с работы ходатайство напишут, на поруки возьмут. Страшно даже представить, что он с женой сделает. Она потому и не вызывает нас никогда, это уж только когда соседи крики услышат и испугаются — нам звонят.

Такой разговор тоже был обычным: милицию вызывали на домашний дебош с единственной целью — утихомирить буяна хоть на пару часов. О том, чтобы привлечь его к ответственности и наказать, жены драчунов, как правило, и не помышляли. Поднимаясь по лестнице, следователь Орлов готовился увидеть привычную картину: дым коромыслом, пьяный мужик, расхристанный и распоясавшийся, плачущая жена в халате, под глазом фингал, на скуле ссадина, руки в синяках, вонь перегара, табачного дыма, немойтой посуды и остатков еды в консервных банках, забившиеся в угол

или под стол малыши. Ему казалось, что в таких ситуациях он все давно понял: страх. Страх перед тем, что будет «потом», удерживал этих несчастных женщин от того, чтобы позволить довести дело до суда и посадить муженька. Этот страх был Борису очевиден и понятен. Но здесь...

Из-за двери квартиры криков не слышалось, только тихий протяжный вой, тоненький и подрагивающий, и негромкий мужской голос. Можно было бы даже подумать, что жильцы просто смотрят какое-то кино по телевизору. На звонок дверь открыл сам хозяин — мужчина лет под сорок, гладко выбритый, одетый в джинсы и легкую светлую сорочку с короткими рукавами.

— Что нужно? — довольно неприветливо спросил он.

Да, запах спиртного был, и довольно сильный, но сам мужчина никак не производил впечатления «пьяного в хлам», как можно было бы ожидать, если верить участковому.

— Жалуются на вас, гражданин Петренко, — миролюбиво начал участковый. — Кричите громко, соседям мешаете. Непорядочек.

Глаза мужчины злобно блеснули, он непроизвольно повернул голову в сторону двери квартиры справа, видно, хорошо знал, кто именно из соседей мог вызвать наряд.

— У нас тихо, — ответил хозяин квартиры с деланным спокойствием, — сами слышите. Никто не кричит. За ложный вызов штрафовать надо, а не мешать нормальным людям отдыхать.

Стоя за спиной участкового, Борис быстро окинул взглядом прихожую: маленькая, тесная, но очень чисто и идеальный порядок. Обувь под вешалкой стоит аккуратно, в рядок, никаких грязных следов на полу. Да, на жилище запойных алкоголиков не очень-то похоже...

— С гражданкой Петренко можно поговорить? — продолжал участковый.

— Зачем?

— А это нам лучше знать, зачем. Давайте-ка зовите супругу сюда, хотим ей пару вопросов задать.

— Она отдыхает, спать легла.

В дело вмешался один из выехавших оперативников, отстранив участкового, загораживавшего собой вход в квартиру.

— Ладно, Петренко, хватит, поговорили уже, пора делом заняться, — почти весело проговорил он. — Зови жену сюда, или мы сами в комнату пройдем. Соседи слышали крики из вашей квартиры, мы должны убедиться, что со всеми жильцами все в порядке. Ну чего ты стоишь, как пень? Не в первый раз уже наряд в ваш адрес вызывают, должен был

запомнить, что мы все равно не уедем, пока с женой твоей не поговорим.

Хозяин повернулся к закрытой двери, ведущей в комнату, и крикнул:
— Юля, выйди к нам, пожалуйста.

За свою недолгую жизнь Борис Орлов никогда не встречал таких красивых женщин. Видеть — видел, на киноэкранах и в журналах, а вот живьем... В Юлии Петренко было прекрасно все: струящиеся по плечам и спине длинные шелковистые волосы, высокая крепкая грудь, стройная фигура. Все, кроме разбитого окровавленного лица.

— Извините, — запинаясь произнесла она, пряча глаза и затравленно опустив плечи, — это случайно получилось... Я выпила, мы с мужем праздновали, у нас сегодня годовщина свадьбы... Выпила, наверное, многовато, не рассчитала, потеряла равновесие, упала вот... Лицо разбила... Наверное, я кричала, потому что было очень больно, вот соседи и слышали... Извините, мы не хотели никого беспокоить... Мне очень жаль, что так вышло...

Участковый сделал шаг в ее сторону и выразительно повел носом.

— Свежак, — вынес он свой вердикт, — двух минут не прошло, как выпила. А у муженька запашок постарше, часа полтора-два будет. Ну что, гражданин Петренко, будем протокольчик составлять? Пришел с работы, выпил как следует, от души, избил жену, а когда милиция приехала, велел ей быстренько хлопнуть стакан и сказать, что сама упала спьяну. Так все было, а, Петренко?

— Я сама... — начала было Юля, но Орлов быстро и крепко взял ее за предплечье и потянул за собой в комнату.

Закрыв дверь, усадил женщину на диван, сам присел напротив, пододвинув себе стул. Попутно отметил, что комната тоже очень чистая и аккуратная, на стенах много полок с книгами, мебель хорошая. Как-то странно это все...

— Юля, почему? — спросил он. — Я не спрашиваю, почему он вас бьет. Я спрашиваю: почему вы это терпите? Почему не позволяете его привлечь? Это ведь не в первый раз уже, правда?

— Я сама, — с тупой покорностью повторила она. — Вадик ни в чем не виноват. Я сама напилась и упала.

Борис видел, что выпитое за несколько минут до этого спиртное начало оказывать свое действие, еще чуть-чуть — и женщина перестанет сопротивляться и врать. Правда, что бы она сейчас ни сказала, уже завтра она сможет оспорить протокол, заявив, что была сильно пьяна и сама не понимала, что говорила. Да, ее муж-садист был далеко не глуп.

— Сколько лет вы женаты?

— Семь.

— И у вас сегодня действительно годовщина свадьбы?

Юлия отрицательно помотала головой.

— Значит, это муж попросил вас солгать? Чтобы мы решили не портить вам праздник и побыстрее отстали?

Она молча кивнула.

— Юля, вы хоть понимаете, что в следующий раз он может вас просто убить? Почему он вас избил сегодня? Вы поссорились? Из-за чего?

— Мы не ссорились, — выдавила она распухшими губами, из которых сочилась кровь.

Кровь молодая женщина вытирала бумажной салфеткой, зажатой в руке.

— Вадик пришел с работы... в плохом настроении... и начал придирается ко всему... Он всегда придирается, когда настроение плохое. Выпил... Я пыталась как-то... отвлечь, успокоить, а он пил и еще больше сердился... У него это бывает... Иногда... Он очень хороший, очень, он самый лучший на свете... просто вот так... получается... иногда...

— У вас дети есть? — спросил Орлов.

— Есть, дочка, пять лет.

— Где она?

— В садике, она на пятидневке, мы ее по пятницам только забираем.

— А почему на пятидневке? Я смотрю, вы не до ночи работаете, вечера дома проводите, чего же ребенка не берете?

Юлия молчала, из глаз катились слезы, и женщина непроизвольно морщилась от боли, когда слезинки попадали на свежие ссадины.

— Хотите, я вам скажу, почему у вас ребенок на пятидневке? — продолжал Борис. — Потому что припадки ярости случаются с вашим мужем не иногда, как вы меня пытаетесь уверить, а регулярно, по нескольку раз в неделю, и вы сами никогда не можете заранее предугадать, как пройдет вечер. Он бьет вас постоянно, и вы пытаетесь хотя бы ребенка уберечь. Готов держать пари, что на выходные к вам приезжает ваша мама или вы дочку отвозите к ней. Вы боитесь за своего ребенка, Юля, и это правильно. Но я не могу понять, почему вы не боитесь за себя? Если муж вас не просто побьет, как сегодня, а искалечит, то его посадят уже независимо от вашего желания. Это только с побоями ваши фокусы проходят, а с тяжкими телесными повреждениями или, не дай бог, убийством так не получится. Его посадят, причем надолго. Что будет с вашей дочкой? Вы об этом подумали? Зачем вы подвергаете ни в чем не повинного ребенка риску страшной психологической травмы и сиротства?

Женщина по-прежнему молчала. Борис достал из планшета бланк и ручку.

— Давайте сделаем все по уму, вы напишете заявление и дадите показания, а я вам обещаю, что посажу вашего Вадика. Крепко и надолго. Найдем свидетелей, докажем, что это были не однократные побои, а систематические истязания.

— Я не могу, — пробормотала Юля.

— Почему? Ну почему? Вам не жаль себя и дочку?

— Я не могу его посадить.

— Почему? — терпеливо повторил Борис.

— Я люблю его. Я его так люблю, что... Я дышать не смогу без него. Я умру, если его не будет рядом.

— Юля, ваш муж — садист и психопат, неужели вы сами не понимаете этого?

— Я знаю. Но для меня он лучше всех на свете. Я его люблю. Пожалуйста, не забирайте его у меня, я не выживу...

Дело частного обвинения, так записано в законе. Без добровольного желания потерпевшего возбудить уголовное преследование нельзя. И по просьбе потерпевшего уже возбужденное дело все равно подлежит прекращению.

Когда-то в школьные годы родители водили Бориса на спектакль «Валентин и Валентина», где один из персонажей произносит что-то вроде: «Растишь дочь, воспитываешь, а она потом приходит и заявляет: «Мама, он вор и убийца, но я его люблю». Фраза эта накрепко засела в памяти и всегда вызывала у Бори Орлова смех. И вот теперь он слышал почти то же самое: Вадим Петренко — садист и психопат, но я его люблю. Только в этот раз почему-то Борису совсем не смешно.

Следователю Орлову тогда так и не удалось уговорить Юлию написать заявление. На все его доводы она отвечала только одно:

— Вы не понимаете. Я очень люблю Вадика. Вы не понимаете...

И Борису пришлось признаться самому себе, что он действительно не понимает. Выходит, есть вещи, не подвластные уразумению, даже если у тебя высшее образование и какой-никакой опыт работы в следствии. Разумеется, это не означало, что старший лейтенант Борис Орлов не считал себя взрослым и самостоятельным. Но мысль о том, что он может чего-то не понимать в человеческих отношениях и вообще в людях, он принял искренне и безоговорочно.

Субботнее утро началось, как почти всегда в выходные дни за последний месяц, неспешными разговорами о предстоящей свадьбе. Борис и Таня долго валялись в постели и ленивыми сонными голосами снова и снова обсуждали список гостей, распорядок торжественного дня, и успеет ли портниха дошить платье, и не подведет ли парикмахер, и нужно ли устраивать «второй день» дома или достаточно только свадебного ужина в ресторане...

— Кстати, о свадьбе, — оживился Борис. — Мы же все равно поженимся через десять дней.

Таня непонимающе уставилась на него.

— Ну да, мы поженимся. Я только не поняла, что означает это твое «все равно».

— Оно означает, что раз мы все равно поженимся, то, может, хватит уже предохраняться?

— Нет, — твердо ответила девушка, — не хватит. Мало ли что случится...

— Что, например? Пол провалится? Или небо рухнет? — насмешливо осведомился Борис. — Что вообще может случиться за десять дней?

— Ты можешь влюбиться и бросить меня, — ответила Татьяна. — Я могу влюбиться и бросить тебя. Я могу попасть под машину. Да мало ли...

Борис от души расхохотался.

— Вот так вот взять и влюбиться невесть в кого? За четыре года не влюбился, а накануне свадьбы бес попутал? Танька, не смей меня!

— Боречка, твои родители тридцать лет прожили душа в душу, а потом — раз! — и все прахом пошло. Александр Иванович влюбился в Аллу, а Людмила Анатольевна — в режиссера. Не забывай: жизнь полна неожиданностей.

На это Борису возразить было нечего, и он плавно перевел разговор на другую тему, близкую по смыслу, но все-таки другую.

— Интересно, на кого будет похож наш ребенок, — мечтательно проговорил он.

— Зависит от того, мальчик или девочка. По закону подлости мальчики бывают похожи на более красивого из родителей, а девочки — на менее красивого, — улыбнулась Таня, потягиваясь.

— А если он будет похож не на нас с тобой, а на кого-то из бабушек-дедушек?

— Тогда можно ни о чем не беспокоиться. Мамы у нас с тобой красавицы, отцы тоже вполне себе ничего. Хотя генетика такая штука... — она задумчиво вздохнула, — там ничего предсказать нельзя, могут вылезти признаки внешности какого-нибудь далекого предка. В обозримом прошлом у меня в родне только русские и евреи, а у тебя? Мне кажется, у Александра Ивановича есть кавказская кровь.

— С чего ты взяла? — удивился Борис.

— Ну, у него внешность не совсем славянская... Представляешь, рожу тебе девочку с внешностью грузинки или армянки!

— Да брось ты! Хотя ты права, конечно, папу довольно часто принимали за еврея, но — нет, там дворянские корни, я тебе рассказывал. Другое дело, что чисто русской крови в дворянах было мало, они же все время роднились то с немцами, то с голландцами, то с поляками, то с французами. Там вообще гремучая смесь получалась. Кавказский вариант я, конечно, тоже не исключаю, про грузинских князей мы все слышаны. Но папа никогда не рассказывал о том, что в их роду были такие фигуры. Хотя... — Борис махнул рукой, — папе, по-моему, это вообще все мало интересно. Он не любит вспоминать о том, что его мама, то есть моя бабушка, урожденная графиня Раевская.

— Почему не любит вспоминать? Разве в этом есть что-то постыдное?

— После революции дворянское происхождение могло сильно навредить. Считалось, что бывшие дворяне ненавидят советскую власть и с готовностью становятся шпионами и диверсантами. Время было такое... И потом, во время войны уже, солдатам и офицерам непролетарского происхождения не очень-то доверяли, подозревали во всех грехах вплоть до желания перейти на сторону врага. Когда я был маленьким, к нам часто приходили папины однополчане. Мы в коммуналке жили, комната всего одна, девать меня некуда, так что я всякого понаслушался. Особенно про СМЕРШ. Ну так что, будущая моя законная супруга Татьяна Потапова-Орлова, встаем и разгребаем вчерашние завалы или экспериментируем с внешностью ребенка?

Татьяна приподняла голову, чтобы посмотреть на будильник, и обреченно вздохнула.

— Надо вставать. И у нас остался один нерешенный вопрос. Что делать с Аллой? Я понимаю, что у нее с Александром Ивановичем, может быть, и вправду любовь-морковь и все такое, и не надо бы нам лезть в их дела, но, Боречка, я в самом деле боюсь за его здоровье. В конце концов, у нас свадьба! А вдруг с Александром Ивановичем что? Какая свадьба может быть, если отец жениха в реанимации. Хотя бы об этом подумай. И насчет

экспериментов тоже подумай: твои родители собираются разменивать квартиру, сколько времени это займет — никто не знает, Александр Иванович нездоров, моя мама пока без работы, а тут — здрасте! Я беременная, а потом с малышом. На меня и так ваши соседи косо смотрят, до свадьбы переезжать в семью жениха считается неприличным, так не принято.

— И что? — не понял Борис. — Какая связь-то? Наоборот, папе радость, отвлечется от переживаний. Он детей очень любит и внуков хочет.

— Деньги, Боря, — очень серьезно ответила Татьяна. — Их на размен и переезд потребуется очень много, сможет ли моя мама помочь — неизвестно. А ребенок потребует больших затрат. Так что с экспериментами давай подождем, ладно?

— Ладно, — неохотно согласился Борис.

В глубине души он, конечно, понимал, что Таня права. И насчет ребенка права, и насчет того, что отца надо как-то обезопасить, уберечь от волнений, связанных с Аллой. Но как? Отец отрицает, что у него с Аллой роман. Борис сперва не очень-то верил, но потом, когда Александр Иванович лежал в больнице и долечивался в санатории, стал склоняться к тому, что отец говорит правду. Из разговоров с медперсоналом Борис точно знал, что Алла за все эти полтора месяца навестила отца только один раз. Разве настоящие любовницы так поступают? Может, она и отец — действительно всего лишь друзья, близкие друзья? Хотя... И друзья тоже так не поступают. Правда, Алла занималась новой квартирой, ей не до Орлова было, отец сам говорил, что просил ее не приезжать. Черт их разберет, этих престарелых любовников! Что мама, что отец — оба хороши.

Мама... Вот единственная надежда на то, что отца удастся оградить от лишних переживаний. Ей, конечно, тоже будет непросто, но в любом случае она знает отца так давно, что наверняка найдет нужные и правильные слова. А если Борис с Таней полезут объясняться с Аллой, то вообще неизвестно, что из этого выйдет.

* * *

Возвращаясь из санатория, Орлов отчего-то нервничал: ему казалось, что сейчас начнется какая-то новая жизнь, совсем другая, не похожая на ту, которая была прежде. Людмила Анатольевна приехала за ним на машине и всю дорогу старалась аккуратно ввести его в новые обстоятельства.

— Не трогай Аллу хотя бы пару недель, ей сейчас очень тяжело, но в

таком состоянии ей больше нужны женщины, подруги, которым можно пожаловаться на мужа. С тобой ей будет трудно. Пойми это, Саня. Я понимаю твои чувства, но...

— Да о каких чувствах ты говоришь! — с досадой перебил ее Орлов. — Мы с тобой дружили с Аллой, она нам не чужая, никаких других чувств у меня к ней нет и не было никогда. Я прошу тебя, Люся, перестань повторять эти немыслимые глупости.

Людмила Анатольевна бросила на него быстрый взгляд, чуть усмехнулась и снова стала смотреть на дорогу.

— Отвлекись от семейного разлада Аллы, — сказала она чуть погодя. — Я догадываюсь, что ее новые обстоятельства дают тебе основания надеяться на перемены и в твоей собственной жизни, но нам нужно заниматься подготовкой к свадьбе.

Александр Иванович понимал, какие смыслы стоят за каждым сказанным Люсей словом. Алла теперь свободна, и осталось лишь оформить два развода, чтобы Орлов мог соединиться со своей возлюбленной. Так думали все: и Люся, и Борис с Татьяной, и, вероятно, сам Хвыля. И бог знает кто еще. И с этим ничего невозможно было поделать.

— Да, — согласно кивнул Орлов, — к свадьбе и потом к решению жилищного вопроса. Так что без разговоров о семейном разладе Аллы все равно не получится. Когда они разведутся? Когда Андрей разменяет свою квартиру? Ты говорила с ним о вариантах?

— Нет, — спокойно ответила Люся. — Не говорила и говорить не собираюсь.

Александр Иванович помолчал. Ответ Люси прозвучал неожиданно, и в нем Орлов услышал намек на слабую надежду. Получается, у Люси и Хвыли все не так гладко и сладко, как ему думалось?

— Люсенька, я ни на чем не настаиваю, — мягко проговорил он. — Просто хочу понимать, чем мы располагаем для размена. Только тем, что есть у нас, или еще каким-то дополнительным ресурсом.

Люся свернула к обочине и остановила машину.

— Давай выйдем, подышим, — предложила она.

Орлов послушно вышел, вдохнул свежий, но с явственным привкусом выхлопных газов, апрельский воздух. Он слишком давно знал Люсю, чтобы не понять: она собирается затронуть какую-то очень важную и болезненную тему. Какую? Развод, это очевидно. Все три недели, проведенные в санатории, Александр Иванович гнал от себя робкие мысли о том, что разговора такого не будет никогда. Он не мог бы объяснить,

почему так не хочет официально оформлять разрыв, который, по факту, все равно уже состоялся. Люся, его Люсенька сейчас стояла рядом с ним, такая уютная и привычная, в старой курточке и спортивных брюках, совсем не нарядная и очень домашняя, и смотрела на него внимательно и настороженно.

— Саша, я хотела попросить у тебя прощения, — тихо, но твердо сказала она. — Я причинила тебе боль, заставила страдать. Я очень виновата перед тобой.

«Ну, точно, — обреченно подумал Александр Иванович, — сейчас начнет говорить про развод. Зря я надеялся. Старый дурак».

— Ты ни разу за все эти месяцы не просил меня вернуться, — продолжала Людмила Анатольевна. — Это означает, что ты с уважением отнесся к моему выбору и не пытался на него повлиять. Я очень благодарна тебе за это.

— Ну что ты, Люсенька... Ты совершенно права: я был тебе плохим мужем и...

— Подожди. — Она поморщилась, словно от боли.

Отступила на шаг, провела растопыренными пальцами по волосам снизу вверх, словно расчесывала их. Глубоко вдохнула и снова устремила на Орлова немигающий взгляд.

— Саня, мне действительно очень трудно это говорить... Но я должна. Не хочу, чтобы между нами возникла еще одна неправда. Достаточно того, что я обманывала тебя три года.

Орлов похолодел. Что еще? Неужели недостаточно того, что и так уже случилось?

— Я совершила ошибку. Ужасную ошибку. Не знаю, какой бес в меня вселился, не знаю, что меня ослепило... Андрей ушел от Аллы. Но не ко мне и не из-за меня. Мы не вместе.

Александр Иванович ошарашенно посмотрел на нее.

— Как? Как это — не вместе? Я думал...

— Мы уже не вместе. Больше месяца. Мы продолжаем общаться, как старые добрые приятели, перезваниваемся, но... Все прошло, Саня. И сейчас, глядя на себя — ту, которая уходила от тебя, я не понимаю, кто это был. Неужели я? Мне трудно принять мысль, что я могла быть такой. Мне стыдно. И я не рассчитываю на то, что ты меня простишь. Я не заслуживаю прощения. Это к тому, чтобы ты понимал, каким ресурсом мы располагаем для размена жилплощади.

Он не верил своим ушам.

— Ты только поэтому мне сказала? Только из-за размена? Или?..

— Или, — спокойно ответила Люся. — Решение за тобой. Как ты скажешь, так и будет. Скажешь — подадим на развод.

— А если я скажу: «Возвращайся»?

Она слабо улыбнулась.

— Я вернусь. Я скучаю по тебе, Саня. Скучаю по Борьке. По нашему дому. По всей нашей жизни. Поверь мне: я искренне раскаиваюсь в том, что сделала.

Орлов обнял жену. Закрыв глаза и вдохнул запах. Запах был чужим, незнакомым.

— Новые духи? — спросил он, не открывая глаз.

— Да. Тебе не нравится?

— Прежние мне нравились больше.

Он почувствовал, как под его руками напряглись ее мышцы, и торопливо добавил:

— Просто я к ним привык. Но я и к этим привыкну, они очень хорошие, просто незнакомые.

Он готов был на все, лишь бы этот прекрасный сон не заканчивался. Он готов был даже любить духи, которые, совершенно очевидно, нравились его сопернику Хвyle. «Мне нужно было пережить страх смерти, чтобы вымолить у судьбы это счастье», — думал Орлов, садясь в машину.

Остаток пути они провели в обсуждении перспектив. На что можно обменять их трехкомнатную квартиру, если продать дачу? А если и машину продать? О том, чтобы взять в долг хоть какую-то сумму, речь не шла: они оба понимали, что такое риск повторного инфаркта. Как расплачиваться с долгами, если адвокат Орлов перестанет зарабатывать?

Когда Люся припарковала машину перед подъездом их дома, Александр Иванович чуть не расплакался. Увидев, что жена направилась к багажнику, решительно остановил ее.

— Не нужно, чемодан тяжелый.

В санатории его чемодан от палаты до машины дотащили санитарки. Здесь никаких санитарок не было, и помощи ждать неоткуда.

— А как же? — удивилась Люся. — Тебе-то тем более нельзя ничего поднимать пока.

— Пусть в машине полежит. Борька вечером придет — принесет.

— Тоже верно, — согласилась Люся, старательно делая вид, что не замечает его налитых слезами глаз.

Орловы поднялись в квартиру.

Ну, вот он и дома.

Дни между возвращением из санатория и свадьбой сына стали для Александра Ивановича Орлова самыми странными в его жизни. Ему казалось, что за полтора месяца, проведенные в отрыве от повседневных дел, от привычных постоянных контактов, от работы, вся жизнь должна была коренным образом перемениться, уйти куда-то вперед, так далеко, что теперь и не догнать. Ему было страшно, и впервые в жизни Орлов чувствовал себя неуверенно.

— Режим, режим и еще раз режим, — напутствовала его в санатории лечащий врач. — Спать не меньше восьми часов, ни в коем случае не волноваться, и никаких физических нагрузок, кроме ходьбы. Гулять обязательно каждый день. И следить за питанием.

— Когда можно выходить на работу? — спросил Орлов.

— Не раньше чем через три месяца, но это вам скажет участковый терапевт.

В первый момент Александр Иванович обрадовался: он пока еще передвигался очень осторожно, постоянно прислушиваясь к собственным ощущениям и опасаясь сделать неправильное движение, после которого снова навалятся сначала жгучая боль, потом леденящий страх. Орлов надеялся, что за три предстоящих месяца он непременно окрепнет и наберется сил, походка снова станет твердой, а буквально повисшее на плечах раздражение от осознания своей слабости наконец исчезнет.

Но уже в следующую минуту ему стало по-настоящему страшно. Если за полтора месяца жизнь ушла так далеко, то что же будет, когда ему через три месяца закроют больничный и разрешат выйти на работу? Он превратится в никому не нужный хлам, в бывшего адвоката, с которым не считаются коллеги и которого не ищут клиенты. Почему коллеги непременно перестанут с ним считаться, Орлов объяснить толком и не пытался. Умом он понимал, что за эти четыре с половиной месяца законодательство и практика его применения ни при каких условиях не могут измениться настолько, чтобы юрист с тридцатилетним опытом не смог больше работать. Но ум, как известно, с сердцем не в ладу. И сердце Александра Ивановича боязливо и неприятно сжималось каждый раз, когда в голову приходили мысли об окончании профессиональной карьеры.

В первый же день, едва вернувшись домой, он начал звонить по телефону — сперва заведующему юридической консультацией, потом коллегам и знакомым, и с огромным удивлением осознал, что ничего

существенного в его отсутствие не произошло. Ему были рады, искренне желали скорейшего выздоровления, с нетерпением ждали на работе, но на осторожный вопрос: «Что у вас нового?» — отвечали:

— Да все как обычно, все своим чередом.

У кого-то родился внук, у кого-то подошла очередь на автомобиль, кто-то защитил диссертацию... Но в целом не произошло ничего такого, что изменило бы окружающую Орлова жизнь коренным образом. Прочитав два последних выпуска ежемесячного Бюллетеня Верховного суда СССР, Александр Иванович с облегчением убедился, что и в правоприменении никаких серьезных новелл не наблюдается. Страх выпасть из профессиональной колеи оказался, похоже, напрасным.

Настоящие перемены подстерегали, как выяснилось, там, где Орлов и не ожидал вовсе: дома.

Он очень любил свою жену, любил по-настоящему, не допуская со своей стороны не только серьезных измен, но и даже легких кратковременных романчиков. Он страдал, когда выяснилось, что Люсеньке плохо с ним и хорошо с другим. Он был глубоко счастлив, когда она дала понять, что готова вернуться. Ни о каком прощении бросившей его жены Орлов даже помыслить не мог: виноват только он сам, вот и получил по заслугам. Если кто кого и должен прощать, то только Люся — его самого, а никак не наоборот. Вроде бы все замечательно... Но...

Он снова чувствовал себя лжецом. Обманщиком. Люся вправе рассчитывать, что ее муж сделал выводы из случившегося и теперь станет вести себя иначе, не так, как прежде. Ее не устраивало распределение ролей «младший — старший», она хотела отношений партнерских, равноправных. А для Александра Ивановича роль «старшего» была единственным спасением, единственным доступным средством для оправдания собственной неискренности. Ведь родители никогда не говорят детям всей правды, и это нормально. В глазах старшего младший — почти всегда тот, кого разрешено обманывать.

Как и большинство людей, Александр Орлов допустил ошибку. Ошибку распространенную и вполне простительную. Позволяя себе робко мечтать о наступлении какого-то события, он полагал, что вместе с этим событием придет и счастье, но забывал спросить себя: а что же будет потом? Ведь жизнь-то не остановится, она будет продолжаться. Осторожно, опасливо допуская в сознание мысль о том, как было бы хорошо, если бы Люсенька вернулась к нему, Орлов не задумывался о развитии ситуации. Вот Люся вернется. Они снова будут вместе. И... что? Он снова займет позицию добродушной снисходительности? И снова Люсе будет плохо

рядом с ним? Или он начнет вести себя иначе? Сможет ли он переломить сложившийся за тридцать лет стереотип своего поведения? И чем этот стереотип заменить? По силам ли ему этот внутренний труд? И вообще, нужен ли он, такой труд над собой?

Всех этих вопросов Александр Иванович до нынешнего момента себе не задавал. И теперь они, как голодные зубастые звери, встали перед ним в полный рост, ощерив пасти и вздыбив шерсть на загривках.

Ему очень хотелось повидаться с Аллой, но Люсенька просила не беспокоить ее и дать ей время прийти в себя после неожиданного разрыва с мужем. Орлов мучился, колебался, потом все-таки воспользовался моментом, когда был дома один, и позвонил по давно знакомому телефону в общежитие. Вахтерша сказала, что Андрей Хвыля и Алла Горлицына с сыном получили квартиру и съехали, адреса не оставили, а телефона у них пока и вовсе нет.

— Вы в театр-то позвоните, уж они-то наверняка знают, — посоветовала добросердечная старушка.

Орлов так и сделал — позвонил своему приятелю-администратору, который когда-то познакомил их с режиссером Хвылей и его женой. Голос Льва Аркадьевича Шилина звучал неуверенно и как будто бы даже осторожно.

— Горлицына сейчас в спектаклях не занята, — сообщил он, — в театре практически не бывает. Вы, Александр Иванович, вероятно в курсе, что они с Андреем Викторовичем заняты разменом квартиры...

— Да-да, я знаю, — подтвердил Орлов.

— Ну вот, — с облегчением вздохнул Шилин. — Там все очень непросто. Алла Михайловна не в лучшей форме, сами понимаете. Она красивая женщина и вряд ли хотела бы, чтобы сейчас ее кто-то видел.

Орлов не стал настаивать на том, чтобы ему сказали адрес. Он легко сложил два и два: Люся сказала, что Алла тяжело переживает уход мужа, а Лев Аркадьевич уверен, что она не хотела бы показываться на глаза знакомым. Означать это могло только одно: депрессию и алкоголь.

Александр Ивановичу стало невыносимо больно. Его Алла, его доченька, страдает. Он уже и так виноват перед ней, а теперь, когда ей плохо и тяжело, не может протянуть руку и поддержать, как поддержал бы своего ребенка любой нормальный отец. Да она сама прибежала бы к нему за помощью и поддержкой, если бы знала правду! Но Александр Орлов для Аллы Горлицыной — просто друг, мужчина, старше на двадцать лет, и, что хуже всего, муж женщины, с которой Андрей Хвыля изменял своей жене.

Он хотел бы спросить совета, но с горечью осознавал, что спросить не

у кого. Нет никого, кто понял бы всю суть вопроса, потому что никто не знает настоящей правды. У него множество знакомых, часть из них — добрые и давние приятели, но нет ни одного действительно близкого друга. Потому что нельзя назвать другом человека, который не знает о тебе правды.

Второй неожиданностью стало для Орлова новое восприятие своего жилища. Он любил эту квартиру, он помнил все уголовные дела, гонорары за защиту по которым пошли на взносы за кооператив. Он честно отработал каждый рубль, заложенный в этих стенах, в мебели, в вещах. Когда семья Орловых въезжала в новую квартиру, ему казалось, что это — навсегда, и они с Люсей проведут здесь жизнь до самого конца. Борька еще учился в школе, и соображения о его женитьбе и о необходимости решать жилищный вопрос представлялись туманными, далекими и несущественными.

И вот теперь Александру Ивановичу нужно было смириться с мыслью о том, что с этими стенами и с этими вещами ему предстоит расстаться. Новое жилье, каким бы удачным ни оказался обмен, никогда не будет таким же по метражу и планировке, и если часть вещей все-таки можно будет забрать с собой, то с какой-то частью распрощаться все равно придется. Просыпаясь по утрам, он будет видеть другое окно, другие стены и другую дверь. Завтракая на кухне, он будет упираться глазами в другую мебель, и его новое постоянное место за столом, вполне возможно, уже не будет таким удобным. Даже пить чай, вполне вероятно, придется из другой чашки, потому что сервиз — он и есть сервиз, его не разделишь, и если они решат отдать посуду Боре с Таней, то себе придется покупать новую.

Он проводил пальцами по деревянным и пластиковым поверхностям, узнавая привычное на ощупь, поглаживая и словно прощаясь. И каждый раз к горлу подступал комок, потому что вместе с этими прикосновениями приходило воспоминание: Полтава, его родной дом, населенный чужими людьми, ступенька крыльца, на которой он пальцами нащупывает вырезанные в детстве инициалы. И глубокое, как бездонная пропасть, понимание того, что никого из его семьи не осталось в живых.

Александр Иванович подолгу бродил по квартире, мысленно разговаривая с каждым попадавшимся на глаза предметом и заранее горюя о нем как о друге, с которым предстоит расстаться навсегда. Чувство острого сожаления через несколько дней перешло в тихую печаль, которая, в свою очередь, сменилась удивившей самого Орлова отчужденностью и даже словно бы неприязнью ко всему тому, что всего лишь неделю назад было так дорого. Если еще накануне вечером, принимая душ, он думал: «Я

никогда не смогу мыться в другой ванной, мне никогда больше не будет так удобно», то в день свадьбы сына, бреясь и глядя на свое отражение в зеркале, Александр Иванович вдруг поймал себя на мысли: «Все это не мое, все это чужое, и оно мне не нужно».

И моментально в голове закружились другие слова — слова продолжения: «Ты проживаешь чужую жизнь, в которой все, буквально все — не твое, чужое, и оно тебе не нужно». Орлов сильно зажмурил глаза, потом резко открыл их и потряс головой. Сегодня такой день! Не нужно думать о плохом.

— Саня, ты определился с галстуком? — слышался из-за двери голос жены. — Я хотела сорочку подгладить, мне нужно знать, какую именно.

Людмила Анатольевна давно изучила маленькие причуды мужа, одна из которых состояла в том, что он не галстук к рубашке подбирал, а наоборот: сперва решал, какой галстук хотел бы надеть, а уж потом — на какой сорочке тот будет хорошо смотреться.

— Серый с сиреневыми полосками, — крикнул в ответ Орлов.

— Поняла. Тогда я глажу светло-серую, да?

— Да! Спасибо, милая!

Ему было радостно, что он снова может назвать Люсю «милой», не чувствуя себя вором. От этого короткого и такого ласкового слова на языке возникла приятная легкая сладость. И это тоже было новым ощущением для Александра Ивановича Орлова.

* * *

Накануне свадьбы Татьяны Вера Леонидовна Потапова была уверена, что проведет ночь без сна. Ведь такое событие — единственная дочь выходит замуж! Вера даже побаивалась, что до самого утра будет не только нервничать, но даже и плакать, а этого уж совсем не хотелось бы: глаза станут красными, нос опухнет. Однако, вопреки ожиданиям, она заснула крепко и беспробудно.

Утром, едва открыв глаза, Вера снова перебрала в уме все то, что занимало ее в последний месяц. Платье Танюшки готово, пару дней назад забрали у портнихи. Костюм Бориса давно куплен, слава богу, у парня стандартная фигура, легко подобрать готовый. Ресторан заказан, меню утверждено, количество гостей согласовали, аванс внесли. С машинами вопрос решили. Молодожены наотрез отказались от украшенных куклами и

кольцами автомобилей, а также от соблюдения традиции, согласно которой жених и невеста едут на бракосочетание в разных машинах.

— Нечего дребедень разводять, — заявил Борис. — Мы отлично доедем на нашей машине, мама за рулем, папа рядом, мы с Танюхой и тетя Вера сзади.

Людмила Анатольевна засомневалась:

— У Танечки платье помнется, если сидеть на заднем сиденье втроем.

— Да ничего не помнется, тетя Люся, — беззаботно махнула рукой Татьяна. — А даже если и помнется, так что с того? Юбка пышная, складок много, все равно ничего видно не будет.

Регистрировали брак в Грибоедовском дворце бракосочетаний, хотя пышности и торжественности не хотели ни Таня, ни Борис. Их вполне устроил бы и обычный районный ЗАГС, но там регистрировали браки только по субботам, а им, когда подавали заявление, пришло в голову, что нужно непременно пожениться 5 мая, потому что именно 5 мая, четыре года тому назад, в рамках затеянной ими игры, у них состоялось первое свидание. Разумеется, пока еще не настоящее, без поцелуев и даже без трепетного касания рук, просто разыгранное для родителей. На это игрушечное свидание Борис принес букет цветов и подарил девушке.

— Зачем? — удивилась Таня.

— Ну как зачем? Маме покажешь дома. Чтобы она думала, что у нас все по-настоящему.

— Балда! — рассмеялась тогда Татьяна. — Мама полностью в курсе.

Борис оторопел:

— Ты ей сказала? Зачем?

— Борь, ты пойми, кто-то из родителей должен нас прикрывать, — терпеливо объяснила она. — Если мы будем врать на обе стороны, мы быстро спалимся. Ты же будущий следователь, должен сам понимать такие вещи.

— И что твоя мама сказала?

— Сказала, что мы дураки и бить нас некому. Но поскольку она меня любит, а тебя знает с твоего рождения, то поможет, если будет нужно.

Это было правдой. Как только дочь рассказала о том, что они с Борисом собираются изображать влюбленную пару, чтобы вкусить несколько месяцев удовольствий в виде походов на закрытые просмотры и отдыха на Черноморском побережье, Вера пришла в ярость и даже принялась было кричать на Таню:

— Ты что, не понимаешь, что это неприлично?! Как вам, взрослым людям, могла прийти в голову такая глупость? Ради какого-то идиотского

концерта вы задумали обманывать родителей! Неужели тебе самой не стыдно?

Татьяна молча слушала мать, уставившись в пол. Потом дождалась паузы и буркнула:

— Во всяком случае, тебя я обманывать не собиралась. Я же сама тебе все рассказала.

Они еще долго спорили и ругались, потом Вера внезапно остыла. Ей подумалось, что хотя сама затея, безусловно, отвратительная и глупая, но все может обернуться положительной стороной. Борька Орлов — очень хороший мальчик, Вера Потапова давно и близко знает его родителей, в то время как предыдущий Танюшкин кавалер ни малейшего восторга у Веры Леонидовны не вызывал. Близкие, даже очень близкие отношения с сыном Саши и Люси Орловых — это лучшее, что Вера Потапова могла бы пожелать своей дочери. Потому что есть одно обстоятельство, о котором Танюшка не знает. И если речь пойдет не о Борисе, а о каком-то другом молодом человеке, то, вполне вероятно, придется сказать дочери. И не просто сказать, а принимать меры. Ничего позорного, постыдного в этом обстоятельстве не было, но само по себе оно было неприятным и грозило тяжелыми последствиями и бедами. Если же речь будет идти о сыне Саши и Люсеньки, то можно ничего не опасаться. Ну, почти ничего. Вероятность последствий крайне низка.

И вообще, не стоит создавать в доме напряжение за месяц до госэкзаменов. Ну что плохого, если дети пару раз сходят в Дом кино или в Дом журналиста, посмотрят интересные фильмы? И что плохого, если после получения диплома Танюшка сможет по-человечески отдохнуть на море, проживая в нормальных условиях в хорошей гостинице, а не ютась в крошечной душной комнатухе, в которой, кроме нее, спят еще три-четыре совершенно посторонних человека? У Александра Ивановича есть возможности, которых нет у Веры, и если Орлов будет думать, что его сын и Танюшка встречаются, то сам предложит помощь. Конечно, если бы Вера Потапова просто попросила устроить дочь в гостиницу в Сочи, он бы не отказал. Но Вера никогда не стала бы просить. Даже давнего друга Сашу Орлова. Ей казалось, что просить о чем-то вещном, материальном — стыдно и недостойно. Точно так же, как одиннадцатилетняя Вера Малкина, спасаясь из Прилук и добираясь до оккупированного немцами Нежина, считала для себя невозможным попросить еды...

...Так, с процедурой бракосочетания вроде бы все в порядке, с застольем тоже. Парикмахер для Танюшки — договорилась. Парикмахер для самой Веры — тоже договорилась. Маникюр сделали еще вчера, чтобы

сегодня не тратить время на сушку ногтей. Что еще?

Хорошо, что регистрация назначена на 14.30, можно не суетиться и спокойно выпить кофе, посетить парикмахерскую, оттуда — к Орловым, выезжать во Дворец бракосочетаний имеет смысл не раньше 13.00. И вообще, еще только восемь утра! Вера решила немного поваляться в постели: день предстоит трудный, надо экономить силы.

Она с удовольствием и не спеша приняла душ, порадовалась, что не нужно мыть голову — парикмахер требовала, чтобы на стрижку и краску клиентки приходили с грязными волосами; сварила кофе, сделала себе бутерброд с сыром и уже поднесла его ко рту, когда зазвонил телефон.

— Верочка Леонидовна, здравствуйте, это я, Марина.

— Здравствуй, Мариша, — удивленно отозвалась Вера Леонидовна.

Марина была начальником учебно-методического кабинета кафедры, на которой Вера готовила диссертацию и на которой работал ее научный руководитель.

— Верочка Леонидовна, — затараторила Марина, — Всеволод Андреевич просил вас подъехать, у него первая пара, он уже пошел в аудиторию, он вас ждет к перерыву, потому что потом у него вторая пара.

— Что-то случилось? Марина, я не могу, у меня сегодня дочь замуж выходит, я сейчас поеду в парикмахерскую, потом в ЗАГС.

— Верочка Леонидовна, профессор сказал, что это очень срочно и очень важно и чтобы вы обязательно приехали.

— Да что за срочность-то? — с досадой спросила Вера. — Мариша, ну я действительно не могу, ты должна меня понять. Что такого случилось страшного, что это не может подождать один день?

— Случилось. — Марина таинственно понизила голос. — Он велел мне не говорить вам ничего, но это касается возможного назначения вас на должность.

О том, что профессор Серов спит с Мариной, знала вся кафедра, и точно так же все знали, что секретов от молоденькой любовницы у Всеволода Андреевича нет. Мариша всегда была в курсе всего происходящего, но, надо отдать ей должное, почти никогда, за крайне редкими исключениями, об этом не болтала. «Она точно знает, в чем вопрос, — подумала Вера. — Но ведь не скажет ни за что, партизанка».

Два месяца, в течение которых выведенным за штаты сотрудникам платили полный оклад содержания, давно закончились, пошел второй месяц, когда Вера получала только оклад по званию. Впереди маячили последние два месяца — без какой бы то ни было зарплаты вообще. Если наметилась хотя бы призрачная перспектива быть назначенной на

должность, то пренебрегать ею нельзя. У Серова вторая пара, значит, к 11 часам Вера в любом случае освободится и успеет и к Орловым, и в ЗАГС. Только вот парикмахерскую придется пропустить. Черт! Надо срочно лезть опять в душ и мыть голову...

Привыкшая и к срочным вызовам на службу, и к спартанским условиям жизни в командировках, Вера Леонидовна через полчаса выскочила из дома в легком скромном плащике, накинутом поверх бирюзового шелкового брючного костюма. Чтобы не жертвовать скоростью передвижения, она надела удобные мокасины без каблуков, а туфельки на шпильках положила в пакет и несла в руке. «Волосы не покрашены, стрижки свежей нет, — сердито думала она, влезая в автобус, чтобы доехать до метро. — Мать невесты, называется. Впрочем, никто и не заметит, в центре внимания будут молодожены, а на их родителях обычно не заостряются. Ладно, как-нибудь...»

Массивную и очень тяжелую дверь центрального входа в Академию МВД Вера толкнула за три минуты до звонка на перерыв между первой и второй парами. Первым, что бросилось в глаза, был висящий в фойе портрет миловидной женщины лет сорока с траурной ленточкой поперек угла. «Прохорова! — мысленно ахнула Вера. — Как же так? Что произошло? Она же намного моложе меня...»

Вера Леонидовна была настолько ошарашена, что не успела подумать больше ни о чем, и помчалась к выходу во внутренний двор, чтобы вбежать в подъезд перпендикулярно стоящего здания, на пятом этаже которого располагалась кафедра уголовной политики и уголовного права. Вера едва успела снять плащ, как появился ее научный руководитель. Увидев Веру, он тут же крепко ухватил ее за предплечье и буквально силком втащил в комнатуху, где работала Марина. Девушка мгновенно сориентировалась и, схватив какую-то папку, выпорхнула в коридор.

— Вера, думайте быстро, времени нет, — тихо и напористо проговорил Всеволод Андреевич, крупный и совершенно лысый мужчина с необыкновенно некрасивым и столь же необыкновенно добрым и мягким лицом. — В аппарате ученого секретаря внезапно освободилась должность старшего научного сотрудника.

«Прохорова, — как-то отстраненно и безучастно подумала Вера. — Ну да, конечно... Я как-то сразу не сообразила».

— Если вы согласны, я пойду к Баландину, дам вам самую лучшую рекомендацию.

Ученый секретарь Академии полковник Баландин славился и крутым нравом, и невероятной придирчивостью. Оба эти качества Вера в свое

время в полной мере прочувствовала на собственной шкуре, когда собирала документы для представления диссертации в ученый совет.

— Спасибо, Всеволод Андреевич, — растерянно проговорила она. — Но вряд ли Баландин согласится меня взять, старший научный должен иметь ученую степень, а я...

— Я все объясню ему, напомню, что вы уже представляли диссертацию в совет. Вера, решайте быстрее, через полчаса в кабинет к Баландину будет стоять очередь из желающих получить эту должность. Грех так говорить, понимаю, но Прохорова умерла внезапно сегодня ночью, и пока еще мало кто об этом знает. Если вы не хотите остаться без работы надолго, надо использовать момент. У меня сейчас лекция на Третьем факультете, «Основы квалификации преступлений против социалистической собственности», тема вам хорошо знакома, идите в аудиторию и займите слушателей минут на десять-пятнадцать, потом я подойду.

— Как это — занять? — ужаснулась Вера. — Чем? Я не имею права читать лекции.

— Возьмите у Марины фондовую лекцию, перескажите вводную часть, продиктуйте план, ну, словом, потяните время. А я попробую попасть к Баландину, пока другие меня не опередили.

— А если проверяющий придет?

— Ой, господи, Вера, ну выкрутитесь как-нибудь, — поморщился профессор Серов. — Скажите, что у меня понос и я пошел в туалет. Что вы как ребенок, ей-богу! Вы же были следователем по особо важным делам!

— Но у меня даже формы здесь нет! Нельзя же идти к слушателям в таком виде!

Серов, хитро прищурившись, окинул ее с головы до ног взглядом опытного сердцееда и одобрительно кивнул.

— Отличный вид. Очень женственно. Вам идет.

Вера смутилась и принялась оправдываться:

— У моей дочери сегодня свадьба, я прямо отсюда в ЗАГС...

— Свадьба? — Реденькие светлые бровки Всеволода Андреевича выразительно шевельнулись. — Ну что ж, поздравляю, дело хорошее, важное.

Он кинул взгляд на часы.

— Две минуты до звонка.

Открыл дверь кабинета и зычно крикнул:

— Марина! Фондовую лекцию по тридцать пятой теме найдите мне, пожалуйста!

Марина выросла словно из-под земли и тут же протянула изрядно потрепанную красную папку. «За дверью стояла, подслушивала, — констатировала про себя Вера Леонидовна. — Ну, Маришка!»

Посмотрев номер аудитории в висящем на стене расписании, Вера обреченно взяла папку и отправилась в соседний корпус.

Открывая дверь лекционного зала, она услышала громкое и четкое «Товарищи офицеры!», слушатели дружно встали, но уже в следующее мгновение по большинству лиц пробежали недоуменные усмешки. Вере стало страшно, но она постаралась взять себя в руки и как можно спокойнее произнесла:

— Товарищи офицеры.

Слушатели уселись и уставились на нее.

— Подполковник милиции Потапова Вера Леонидовна, — представилась она. — Профессор Серов поручил мне начать лекцию, он подойдет через несколько минут. Тема сегодняшней лекции — «Основы квалификации...».

Ей было неловко стоять в своем вызывающе ярком и нарядном костюме перед офицерами в форме, но стеснение быстро прошло: тема действительно была ею хорошо изучена за годы работы в следствии. Вере удалось овладеть вниманием аудитории. Она и сама увлеклась, не заметила, как открылась дверь, и вздрогнула, услышав произнесенное дежурным: «Товарищи офицеры!»

«Неужели проверяющий? — мелькнула в голове паническая мысль. — Сейчас будет скандал...»

Но это оказался, к счастью, профессор Серов.

— Благодарю вас, товарищ подполковник, — важно кивнул он Вере. — На чем вы остановились?

Он занял место за кафедрой и едва слышно, почти не разжимая губ, проговорил:

— Дождитесь меня.

— Я не могу, — быстро прошептала Вера. — У меня свадьба.

— Тогда позвоните мне после четырех. Нет, лучше после шести. Надо поговорить. Будут результаты.

Она выскользнула из аудитории и помчалась на кафедру одеваться.

* * *

— Саня, я прошу тебя, только не волнуйся, — доносился до Веры

ласковый голос Люсеньки Орловой. — Тебе нельзя волноваться.

— Ну как я могу не волноваться? — сердито отвечал ей Орлов. — Единственный сын женится, такой день... ты хочешь от меня невозможного, милая. Я поражаюсь твоему спокойствию.

— Санечка, ну что такого особенного происходит? — продолжала уговаривать мужа Люся. — Ровным счетом ничего. Дети все равно уже фактически женаты, они живут вместе с конца прошлого года, мы знаем Верочку и Танюшку столько лет, что уже давно стали одной семьей. Я бы еще понимала, если бы после сегодняшнего события вся наша жизнь в корне переменилась. Но ведь все останется точно так же, как было вчера, и позавчера, и месяц назад. Я прошу тебя, Санечка! Давай я измерю тебе давление, мне не нравится твой цвет лица.

Запершись в ванной в квартире Орловых, Вера Леонидовна делала макияж. Умом она понимала, что Люсенька права в каждом своем слове и нет ни малейших оснований волноваться. Но сердцем была на стороне Александра Ивановича. К предсвадебным переживаниям добавилось и тревожное ожидание: как разрешится ситуация с работой? Вере никак не удавалось выровнять дыхание, сердце колотилось, руки дрожали, ей пришлось уже дважды смывать краску с век, потому что никак не получалось добиться четкости и выверенности линий и цвета. То стрелка уходила куда-то не туда, то уголки оказывались чрезмерно темными, то вся цветовая гамма не вязалась с цветом костюма. Вообще-то Вера планировала делать праздничный макияж в парикмахерской, где был визажист, но не сложилось, и теперь приходилось выкручиваться самой, используя весьма убогий набор теней, туши и карандашей. Хороших наборов косметики днем с огнем не найдешь, в магазинах их и раньше никогда не было, а теперь все, любая мелочь, постепенно становится дефицитом. За итальянской тушью для ресниц два с половиной часа в очереди отстояла, казалось бы — импортная вещь, а ложится безобразными комочками, которые приходится снимать иголкой, разъединяя слипшиеся волоски и рискуя каждую секунду проткнуть себе глаз.

Рука с зажатым в пальцах карандашом снова дрогнула. Черт! Да что ж за день такой сегодня! С самого утра не задался...

— Мам, ты скоро? — послышался голос дочери. — Все уже готовы, через десять минут выезжаем.

— Сейчас! — отозвалась Вера, включила воду и начала в третий раз смывать глаза.

Ровно через десять минут Орловы и Потаповы уселись в машину.

— Мамуль, это даже хорошо, что ты не успела в парикмахерскую, —

шепнула Татьяна.

— Почему? Стрижка не лежит совсем, и седина видна, корни отросли, некрасиво, — вздохнула обреченно Вера Леонидовна.

— Знаешь, я много раз бывала на свадьбах у знакомых девчонок, и меня каждый раз поражало, когда мамы сидели в ярких цветастых платьях, с халами на головах и жутко намалеванными лицами. Такое впечатление, что они стремились быть более заметными, чем невеста. Ужас просто. А ты шикарно выглядишь и без всяких усилий.

Всю дорогу Вера Леонидовна, чтобы отвлечься от мыслей о возможном назначении, думала об Орловых. Смотрела на белоснежную шевелюру Александра Ивановича и вспоминала первое знакомство с ним на студенческой научной конференции. Седины в его волосах уже тогда было немало, и он, высокий, широкоплечий, с окладистой аккуратной бородой, смотрелся красиво и солидно. Разглядывая затылок сидящей за рулем Людмилы Анатольевны, Вера машинально отметила новый оттенок свежепокрашенных волос, уложенных в строгую элегантную прическу с изящными локонами. Как хорошо, что Люсенька вернулась к Саше и они снова вместе! Какие они молодцы, что сумели сохранить брак на протяжении стольких лет! Хотя и не без эксцессов, конечно... Но важен результат. А вот она, Вера Потапова, свой брак сохранить не сумела. То ли старалась недостаточно, то ли изначально ее союз с Геннадием Потаповым был обречен. Они с Геннадием давно не виделись, Танюшка говорила, что отец сильно сдал. Он тоже приглашен на свадьбу, и в ЗАГС, и в ресторан. Посмотрим, каким он стал, ее бывший муж, ее первая настоящая любовь.

Машина свернула с улицы Кирова на улицу Грибоедова, узкую и всю забитую автомобилями: в дни, когда во Дворце регистрировали браки, проехать здесь можно было с большим трудом и очень медленно, а припарковаться и вовсе проблематично. Пришлось останавливаться почти сразу после поворота и дальше идти пешком.

— О! Папа уже на месте! — обрадованно воскликнула Таня.

Вера прищурилась, разглядывая стоявших у входа во Дворец людей. Неужели этот сутулый плешивый мужичок — тот самый Гена, в которого она была влюблена без памяти и которого помнила стройным симпатичным мужчиной? Сколько же они не виделись? Страшно подумать... Наверняка она тоже заметно постарела за эти годы, и Гена, глядя на нее, будет думать в точности то же самое, что она сама себе только что сказала: неужели это моя Вера, которую я так любил и на которой когда-то женился? Безобразная старуха с раскрашенным лицом и в неприлично ярком костюме. Еще и корни седые видны... Нет, день определенно складывается плохо. Хоть бы

с бракосочетанием никаких накладок не случилось! Как пошло с утра все наперекосяк, так и будет продолжаться до самой ночи, это уж такой закон подлости.

* * *

Вопреки пессимистическим ожиданиям Веры Леонидовны регистрация брака прошла без сучка без задоринки, свидетели и гости не опоздали, церемония началась вовремя, все было красиво и торжественно. Родители невесты стояли рядом, как и полагается.

— Потом куда поедете? — тихонько поинтересовался Геннадий Потапов. — На Красную площадь или на Ленинские горы?

— С ума сошел? — прошептала в ответ Вера. — Ты что, свою дочь плохо знаешь? Если бы не мы с Орловыми, они бы вообще расписались по пути на работу или в кино. Регистрация в Грибоедовском — это вынужденная мера, ребятам хотелось пожениться в годовщину первого свидания. А уж платье, костюм и ресторан — их уступка старшему поколению. Я Танюшку еле-еле на платье уговорила, она долго отказывалась, мол, нечего столько денег тратить ради нескольких часов, лучше купить костюмчик летний, в котором потом можно будет на работу ходить. Кстати, хотела поблагодарить тебя за финансовую помощь на все эти свадебные дела. У меня сейчас с деньгами совсем плохо, так что если бы не ты, все легло бы на Сашу и Люсю.

— Ну, перестань, — поморщился Геннадий. — О чем ты говоришь? Это же моя дочь. Значит, отсюда сразу в ресторан?

— Мы — да. И ты, само собой, тоже. А гости приглашены к пяти. Будний день, не все могут пораньше освободиться. Домой возвращаться смысла нет: далеко, дорога много времени займет. Приедем, выпьем кофейку с пирожными, посмотримся, проверим, чтобы все было в порядке.

— Ничего, если я сейчас не поеду с вами, а потом приду в ресторан?

— Конечно, не вопрос.

— Может быть, я немного опоздаю. Танюшка не обидится?

— Твое место будет тебя ждать, его никто не займет, — усмехнулась Вера Леонидовна, подавив желание бросить на бывшего мужа понимающий взгляд.

Значит, своей второй жене Гена изменяет с такой же изворотливостью и регулярностью, с какой изменял и Вере. После ЗАГСа метнется к очередной любовнице, приятно проведет с ней время, может быть, даже

задержится. И не на час, и не на два. Хорошо, если к девяти вечера хотя бы придет на торжество. Жена ничего не заподозрит, человек уехал на бракосочетание дочери, святое дело. Ох, Генка, Генка... Горбатого могила исправит. Плешивый, сутулый, потрепанный жизнью мужик под шестьдесят — и все туда же.

Церемония закончилась. Начался этап взаимных поздравлений, объятий и поцелуев.

— Ну что, Верунчик, получили мы с тобой новые звания? — счастливо смеялась Людмила Анатольевна. — Ты теперь теща, а я — свекровь. Жуткие слова какие-то!

Александр Иванович смущенно отворачивался и украдкой вытирал глаза. Поймав встревоженный взгляд Веры, Люсенька тихонько пояснила:

— Не обращай внимания, это часто бывает после инфаркта. Саша восстановится со временем, и все пройдет.

Все пройдет... И этот день пройдет. И подвешенное состояние на службе, и переделка диссертации, и разруха в квартире — все когда-нибудь пройдет. Даже жизнь — и та пройдет рано или поздно. Но здесь и сейчас Вера Потапова жива и здорова, ее дочь вышла замуж за отличного парня, они едут в ресторан праздновать, а обо всем остальном можно не думать хотя бы три часа.

Через три часа нужно будет найти телефон-автомат и дозвониться Всеволоду Андреевичу. Что он скажет? Чем окончились переговоры с ученым секретарем Академии Баландиным?

Здесь и сейчас у Веры есть целых три часа, чтобы не думать ни о чем и просто радоваться жизни.

* * *

Из трех банкетных залов в дорогом и престижном ресторане Орловы заказали самый маленький: торжество рассчитывалось человек максимум на двадцать — молодожены, родители и самые близкие друзья. Со стороны Орловых-старших — две супружеские пары, Вера Потапова пригласила подругу с мужем, Таня и Борис — свидетелей и друзей. Отец Татьяны, как и следовало ожидать, задерживался. За столом было нешумно, но как-то удивительно легко, никто не произносил длинных нудных тостов, никто не пытался стать центром внимания. По настоятельной просьбе жениха и невесты даже «Горько!» не кричали. Просто собрались давно знакомые, приятные друг другу люди, чтобы мило пообщаться, а заодно и поесть.

В начале седьмого Вера Леонидовна извинилась и вышла из зала в холл, где заранее присмотрела телефон-автомат. Телефон не работал. Она огляделась и подошла к гардеробщику — пожилому усатому, весьма внушительных габаритов мужчине.

— А вон там, в коридорчике, есть еще один автомат, — ответил тот, указывая куда-то влево, в темноту. — Его отсюда не видно, про него мало кто знает, так что и ломать некому.

Вера поблагодарила и отправилась на поиски. То, что из ярко освещенного холла казалось «темнотой за поворотом», на деле оказалось небольшим, слабо освещенным коридорчиком, за которым обнаружилось симпатичное небольшое помещение, обставленное мягкой мебелью и украшенное пышными растениями в кадках. Судя по трем дверям без табличек, отсюда можно было войти в совсем маленькие залы, скорее даже — кабинеты для особых гостей. На стене действительно висел телефон. Вера бросила в прорезь двухкопеечную монетку и набрала номер.

Длинные гудки. Никто не подошел.

Она решила не возвращаться в банкетный зал, подождать здесь, на мягком удобном диванчике, в тишине и одиночестве. Вера присела, откинулась на спинку, и ей нестерпимо захотелось закрыть глаза. Надо же! Оказывается, она умудрилась устать за сегодняшний день. Хотя вроде бы ничего особенного не делала, вагоны не грузила, тяжести не таскала. Наверное, возраст сказывается, уныло подумала Вера Леонидовна, усталость теперь наступает не только от физических нагрузок, но даже от нервного напряжения.

Минут через десять она позвонила опять. На этот раз номер оказался занят. Вера снова присела на диванчик и опустила веки. Со стороны коридорчика слышались шаги, Вера шевельнула ресницами, и тут же опустила их: какой-то мужчина в военной форме подошел к телефону, позвонил, и тоже неудачно. Когда она в следующий раз открыла глаза, офицер сидел на дальнем от нее диване, уткнувшись в развернутую газету. «Наверное, у него тоже «занято» и он тоже ждет», — подумала Вера, в третий раз опуская монетку.

Всеволод Андреевич разговаривал сухим голосом и короткими фразами, как бывало всегда, когда он находился в кабинете не один.

— Вы сможете представить диссертацию в совет до двадцать пятого июня? Если диссертация будет принята к защите на последнем заседании совета до летних каникул, то ваш вопрос решается положительно, — сказал он.

— А когда последний совет? — растерянно спросила Вера.

— Третьего июля. До двадцать пятого июня вы должны сдать Баландину текст работы и весь пакет документов. Если вы даете гарантии, то завтра же в кадры придет команда никого не назначать на эту должность до первого июля. С первого июля сможете приступить к работе.

— А почему с первого июля? — не поняла она. — Я могу приступить хоть завтра...

— Голубушка моя, — тон профессора Серова немного смягчился, — а доделывать работу вы когда собираетесь? Или вы уже все написали?

— Нет, но... А вдруг Баландин не станет меня ждать и назначит кого-то другого?

— Мне стоило огромного труда убедить его, что вы достойны этой должности больше кого-либо другого. Баландин дал мне слово. Контрольный срок — пятнадцатое июня. Если пятнадцатого вы скажете, что к двадцать пятому успеваете все подать в совет, кадры будут готовить приказ о вашем назначении. Если пятнадцатого окажется, что вы еще не на финишной прямой, будут искать других кандидатов на место старшего научного. Вот такие у Баландина условия. Я должен сегодня до восьми вечера передать ему ваш ответ. Держать для вас место, или вы не уверены, что успеете?

Двадцать пятое июня — крайний срок. Пятнадцатое июня — контрольный. Сегодня пятое мая. Помещения, в которых располагались подразделения ликвидированного Научного центра, отдали расширившимся кафедрам, работать над диссертацией в Академии Вере теперь негде, она ютится в разоренной, подготовленной к ремонту квартире, где даже бумаги разложить можно только в кухне на полу.

Мысли разъезжались, как ноги у пьяного, пытающегося впервые в жизни встать на коньки.

— Сколько времени у меня есть, чтобы подумать? — спросила она, едва шевеля одеревеневшими от напряжения губами.

— Не больше часа. Чем быстрее вы дадите ответ, тем лучше. Я не уезжаю домой, сижу на кафедре, чтобы сразу идти к Баландину, как только вы ответите. Но имейте в виду: в двадцать ноль-ноль он уйдет. И если он не получит от меня подтверждения сегодня, то завтра будет решать вопрос уже сугубо по собственному усмотрению.

Она повесила трубку на рычаг и глубоко вздохнула, пытаясь сосредоточиться. Краем глаза заметила, что офицер опустил газету и пристально смотрит на нее.

— Вера? — раздался незнакомый и в то же время какой-то знакомый голос. — Малкина?

Она повернулась к мужчине, который уже встал с дивана и сделал шаг в ее сторону. Первое, что Вера, по выработавшейся за годы службы привычке, заметила — звание и род войск. Генерал-майор. Сухопутные войска. Второй взгляд — общий вид. За время, проведенное среди множества мужчин в форме, Вера Леонидовна научилась мгновенно отличать хорошо сшитый мундир, прикрывающий нескладную фигуру, от действительно красивого сложения. Здесь явно просматривалась заслуга мундира. Офицер в генеральской форме был невысок и неказист.

И только третий взгляд — на лицо.

— Господи! — ахнула Вера. — Алик!

Они бросились друг к другу, крепко обнялись, расцеловались. Олег Верещагин, или просто Алик, с младшей сестрой которого Вера училась в одном классе и очень дружила. Верещагины жили в соседнем доме, и девочки, если не гуляли, то постоянно торчали или у них, или у Малкиных.

— Я тебя сперва по голосу опознал, — смеялся Олег. — Слышу — и думаю: надо же, как на Верку-Примерку похоже, даже интонации те же, вот же как бывает... А потом всмотрелся и понял, что это ты и есть. Верка-Примерка! Ты хоть помнишь, кто тебе это прозвище придумал?

— Конечно, помню, — счастливо улыбалась Вера. — Ты и придумал. Ты всегда смеялся надо мной, когда я пыталась Катюхе что-то объяснить на примерах.

— Между прочим, ты всегда отлично объясняла, а я дурак был, смеялся, прозвище придумал. Если бы не ты, Катька вообще непонятно как до конца школы дотянула бы.

— Да ладно, — смутилась Вера, — не преувеличивай. Боже мой, боже мой, Алик, ты — генерал! Поверить не могу.

— Почему? — удивился Верещагин. — Я что, с детства производил впечатление недоумка? Обижаешь, Верка-Примерка!

— Да нет, я не об этом... Просто живешь все время с ощущением, что ты еще молод, что у тебя все впереди и ты все успеешь, а потом встречаешь ровесника, смотришь, как многого он добился, и понимаешь, что ты сам уже далеко не молод. Ну рассказывай же, где ты, как ты?

— Служу в мотострелковых войсках, год назад вернулся из Афганистана, три года там провоевал, за боевые заслуги получил генерала, теперь учусь в Академии Генштаба. Видишь, как у меня все просто. Живу у Катьки, пока учусь. Отучусь — получу новое назначение и уеду куда-нибудь далеко.

— У Кати? — удивилась Вера. — А она что, в Москве? Я не знала. Мы с ней в последний раз общались очень давно, я еще даже замуж не вышла.

Я думала, она по-прежнему в Ленинграде живет.

— Переехала пару лет назад. Ее сын женился на москвичке, а та возьми и роди сразу тройню. Представляешь, в какой ужас они впали? — рассмеялся генерал. — У девчонки родители молодые еще, работают, а Катерина в горячем цеху всю жизнь, ей пенсия раньше положена, вот они и распределили обязанности: сваты Катькины завербовались на Север, деньги зарабатывать, чтобы троих мальцов тянуть, а сестра моя обменяла родительскую квартиру на «двушку» в Москве и помогает сыну и невестке с детьми. Ну, и я до кучи к ней пристроился. Временно, конечно.

Подумать только! Катерина — уже бабушка... Настроение у Веры резко пошло вниз: люди в ее возрасте внуков нянчат, а она все никак кандидатскую не защитит, как будто ей тридцать пять лет. Стыдоба! В пятьдесят два года диссертацию писать! Курам на смех!

— Теперь ты мне про себя доложи, — потребовал Верещагин.

— Про меня скучно, — вздохнула Вера. — Дочку замуж сегодня выдаю, свадьба в соседнем зале, и это, пожалуй, единственное, что в моей жизни действительно хорошо. Все остальное более чем посредственно.

— Замужем, значит?

— Не значит, — улыбнулась она. — Давно в разводе. А ты?

— В двух.

— Что — в двух?

— В двух разводах. Дважды предпринимал попытки, но обе неудачные.

— Почему?

— Им не понравилось, — весело ответил Верещагин.

— А тебе?

— А я-то что? Я с удовольствием. Люблю жениться! Наверное, высоту для атаки выбирал неправильно.

— Дети есть?

— Не случилось.

Вера посмотрела на часы. Минуты перетекают одна в другую, и уже совсем скоро ей нужно перезвонить Всеволоду Андреевичу и дать ответ. Что ответить? Очень страшно давать обещания, если нет твердой уверенности, что сможешь выполнить.

Олег бросил на нее внимательный взгляд из-под густых, почти сросшихся на переносице бровей.

— Проблемы?

— Да...

— Докладывай, — потребовал он. — Только коротко и четко, ну, я ж

помню, ты умеешь.

Ликвидация Центра. Высказывание министра. Переделка уже написанной и готовой к защите диссертации. Отсутствие рабочего места. Разруха дома. Вывод за штаты. Безработица и грозящее безденежье. Сжатые сроки. Необходимость принять решение в течение ближайших сорока пяти минут.

— Подполковник Потапова доклад окончила, — грустно завершила Вера Леонидовна свое повествование.

— Доложите о боеспособности личного состава.

— Чего?

— Как у тебя с выносливостью? — Верещагин перевел свой вопрос на более понятный язык. — Сможешь работать с утра до позднего вечера, и шесть часов на сон? Каждый день.

Каждый день с утра до позднего вечера без выходных — нормальный режим работы для следователя по особо важным делам, возглавляющего выездную следственную бригаду по сложному многоэпизодному делу. Сколько раз Вера проходила через такое! Правда, тогда она была несколько моложе... Ну ничего, не старуха еще, можно поднапрячься.

— Смогу.

— Сколько дней тебе потребуется на завершение текста, если действовать в таком режиме?

— Не знаю...

— Это не ответ, подполковник Потапова... Правильно я запомнил, ты теперь Потапова?

— Так точно! — рассмеялась Вера, удивляясь сама себе: в такой ситуации она, оказывается, сохранила способность шутить.

— Правильно отвечаешь, молодец, товарищ подполковник. Давай обратный отсчет: сколько дней нужно на то, чтобы собрать документы?

Вера быстро прикинула: часть документов, таких как, например, личный листок по учету кадров или справки о внедрениях, у нее есть, их переделывать не нужно. Все остальные документы нужно готовить заново, но уже не придется думать над формулировками, достаточно просто перепечатать то, что уже было подготовлено и многократно проверено и исправлено под бдительным оком ученого секретаря, изменив только название диссертационного исследования и некоторые слова. Пожалуй, за неделю она справится, даже если Баландин снова заставит что-то переделывать.

— Неделя, — твердо ответила она.

— Значит, восемнадцатое июня. Сколько времени нужно хорошей

опытной машинистке, чтобы напечатать диссертацию начисто?

Над ответом на этот вопрос Вера не раздумывала: такие вещи она знала давно и очень точно.

— Еще неделя. Плюс два дня на вычитку и день на исправление опечаток.

— Итого — десять суток. Получаем восьмое июня. Сегодня пятое мая. У тебя есть тридцать три дня. Красивое число получилось! Успеешь?

— Если с утра до ночи — то успею. Вопрос только в том, выдержу ли я такой темп.

— Поддержание боеспособности личного состава — прямая обязанность командира, — усмехнулся Верещагин.

— Алик, у меня нет командира, я в разводе, а дочь живет в семье мужа. Так что мою боеспособность обеспечивать некому.

— Твоим командиром на период подготовки к защите назначается генерал-майор Верещагин.

— Ну Алик...

— Отставить разговорчики! Приказ подписан.

— Алик, перестань, — взмолилась Вера. — Мне не до шуток сейчас. А ты как пацан, честное слово! Весь в отца.

Отец Олега и Кати, адмирал Верещагин, служил на Балтийском флоте, дома, то ли в шутку, то ли всерьез, изъяснялся большей частью воинскими формулировками и неизменно требовал, чтобы дочь — отъявленная троечница и хулиганка — «прибывала в расположение части ровно в девятнадцать ноль-ноль».

Олег посмотрел на Веру Леонидовну очень серьезно, без малейшего намека на улыбку.

— А я не шучу, Малкина. Виноват, подполковник Потапова. У тебя есть дача?

— Нет, и не было никогда.

— А друзья, у которых имеется дача, есть?

— Да, конечно.

— Они пустят тебя на месяц пожить, но с условием, что сами туда приезжать не будут, чтобы не отвлекать?

— Я думаю, да. Орловы — мои давние друзья, у них хорошая дача, правда, зимой там жить нельзя, но сейчас уже тепло. А их сын с сегодняшнего дня — мой зять.

— Отлично. А я тем временем сделаю ремонт в твоей квартире. Большая квартира-то?

— Крошечная, однокомнатная.

— Ремонт серьезный?

— Косметический. Обои, плитка, линолеум, потолки. Все как обычно. Алик, я прошу тебя...

— Не надо меня просить, товарищ подполковник, надо со мной договориться о встрече завтра, а можно уже и сегодня вечером, чего тянуть-то? Я осмотрю и оценю фронт работ, составлю план, потом график по дням. С утра у меня лекции в Академии, потом я свободен. Материалы закуплены, или их нужно приобретать?

— Все есть. Алик, ну не валяй ты дурака, ей-богу! Ну какой из тебя мастер по ремонту?

— А вот тут, подполковник Потапова, вы сильно заблуждаетесь. Я умею все. Или ты забыла, как порвала кеды, когда вы с Катериной убегали от милиции и лезли через забор? Ты к нам пришла вся белая от страха, боялась, что родители тебя убьют за эти кеды. Кто тебе их починил, да так, что дядя Леня и тетя Галя ничего не заметили? А портфель, которым вы в футбол играли? На него же страшно смотреть было, когда вы после матча пришли. Ручка оторвана, замки сломаны... Кто тебе его починял? Забыла, Примерка?

— Помню, — рассмеялась она. — Руки у тебя всегда были золотыми, это правда. Ты из трех шпилек и катушки от ниток мог радиоприемник собрать.

— Вот именно. А делать ремонт в квартире я люблю даже больше, чем жениться. — Верещагин хитро подмигнул.

Вера оторопела. Ремонт всегда казался ей мероприятием поистине невыносимым, поэтому она так долго тянула, прежде чем решилась его начать.

— Ты шутишь? Как можно любить ремонт? Это же ужасно!

— Ничего ужасного, если правильно подойти к делу. Верка, ты не понимаешь ничего! Отработаешь день, полюбуешься на результат своих трудов праведных, сядешь на ящик, расстелишь газетку, хлебушек черный толстыми ломтями порежешь, колбаски «любительской» настрижешь, откроешь банку маринованных огурчиков или помидорчиков из ближайшего магазина, нальешь рюмочку, выпьешь, крякнешь, порадуешься. Передохнешь. Потом опять полюбуешься: обои ровненько лежат, потолок беленький, штукатуркой пахнет — аж душа поет. Ремонт — это всегда веха, этап, после которого начинается новая жизнь. Новые стены, новые обои, новый пол. И жизнь новая. Это же здорово! Короче, с ремонтом мы решили.

— Алик...

— С ремонтом мы решили, — с выражением повторил генерал. — Возражения не принимаются. Родители жениха здесь?

— Ну а где ж им быть? — усмехнулась Вера. — Все-таки их сын женится.

— Три минуты тебе на решение вопроса с дачей, потом возвращайся сюда и звони своему профессору.

Все это казалось Вере Леонидовне сном, непоследовательным, нелогичным и невероятным, как и все сны. Но — здесь и сейчас — перед ней стоит проблема, проблема совершенно реальная, не из сна, а из яви. И — здесь и сейчас — перед ней стоит человек, который готов помочь эту проблему решить. Здесь и сейчас.

Так почему нет?

* * *

Свадебное застолье завершили, как и планировали, к десяти вечера, вдоволь наговорившись, насмеявшись и натанцевавшись. Геннадий Потапов так и не приехал, но Вера Леонидовна вспомнила о бывшем муже только тогда, когда отзвучал последний тост и гости начали вставать из-за стола. «Загулял мужичок! И хорошо, что он не приехал, — легко подумала Вера. — На церемонии поприсутствовал — и достаточно. Кроме Танюшки, меня и Орловых он здесь никого не знает. Танюшке не до него, а нам разговаривать с ним не о чем, общих тем давно нет. Сидел бы тут с тоскливым видом и скучал. Или напился бы, что еще хуже. Раньше за Генкой такого не водилось, но уж больно плохо он выглядит, похоже, что начал злоупотреблять спиртным».

Генерал Верещагин, оказавшийся в ресторане по случаю банкета, устроенного начальником его курса в связи с пятидесятилетием, ждал Веру в том же маленьком холле, где они встретились.

— Готова? — Олег легко поднялся с диванчика и шагнул ей навстречу. — Присядь, я вызову такси. Дай свой номерок.

Вера безнадежно махнула рукой, открыла сумочку и протянула ему пластиковый коричневый квадратик.

— Да где ты сейчас такси найдешь? Придется частного ловить.

Генерал только усмехнулся и вышел в основной холл. Вернулся через несколько минут, подал Вере плащ, помог одеться.

— Машина ждет у входа.

— Ты волшебник, Верещагин? — изумилась Вера.

— Никак нет, товарищ подполковник. Я опытный организатор. Это намного эффективнее, чем быть волшебником, — улыбнулся генерал и лукаво подмигнул ей.

Он стоял рядом — такой невысокий, ниже Веры сантиметров на пять, и излучающий такую непоколебимую уверенность в правильности своих решений, что ей снова показалось, будто все это только сон. Так не бывает! Чтобы она, красавица Вера Потапова, всю жизнь принимавшая ухаживания только от широкоплечих, атлетически сложенных и очень симпатичных мужчин, шла под руку с маленьким некрасивым Аликом Верещагиным? И не просто шла, это бы еще ладно, но доверилась ему, положились на него. Немыслимо!

В машине уселись рядышком на заднем сиденье, Вера попыталась было расспрашивать про Катерину, но генерал остановил ее:

— С Катюхой встретишься, когда решишь основной вопрос, не раньше. Сейчас отвлекаться не нужно, все силы должны быть направлены на последовательное решение тактических задач. Сроки крайне сжатые, поэтому никаких тебе подружек и бабских посиделок. Представишь диссертацию в совет — я тебя сам к Катерине отвезу, и тортик вам куплю, и вина хорошего, чтобы вы как следует посидели. И не смотри на меня так, номер телефона не дам, адрес не скажу, чтобы соблазна не было. Сделаешь дело — милости прошу, все вопросы сама Катерине задашь и все ответы получишь.

— Суров ты, Олег Семенович, — заметила Вера. — Я бы даже сказала: жесток. Ты и с подчиненными так обращаешься?

Верещагин расхохотался.

— С тобой я ласковый и милый! А вот с подчиненными действительно суров.

— Могу себе представить... — хмыкнула она. — Если это называется «ласковый и милый», то твоим подчиненным можно только посочувствовать.

Дороги были свободными, доехали быстро, Олег о чем-то тихо переговорил с водителем, и Вера, идя к подъезду, увидела, что машина не уехала, а встала неподалеку. Значит, Алик попросил таксиста подождать и действительно собирается только осмотреть фронт работ, не напрашиваясь на чашку чаю. Вера одновременно испытала облегчение и почувствовала себя задетой. Ни разу в жизни не было, чтобы мужчина провожал ее до дома и не претендовал больше ни на что. Она вспомнила Хвylie и едва удержалась, чтобы не поморщиться. Отвратительный эпизод! И как только ее угораздило? Два месяца прошло, а ей до сих пор и противно, и стыдно.

Верещагин быстро обошел квартиру, попросил показать закупленные материалы, что-то записал на листке бумаги и кивнул:

— Все понял. Запиши свой телефон и завтра в пятнадцать тридцать жди моего звонка. К восемнадцати часам у тебя должны быть ключи от дачи и собранная сумка с необходимыми вещами. Продуктовый паек на двое суток.

— А через двое суток что? Святым духом питаться? — ехидно осведомилась Вера.

— В субботу вечером я приеду и привезу все, что нужно.

Она хотела было что-то ответить, но вдруг осознала, что отвечать не хочется. Появился человек, который готов решать за нее. Это было непривычным, но неожиданно приятным. Может, Алик и вправду хорошо все придумал? В любом случае никаким другим способом ей должность не получить. А так — глядишь, и прорвемся.

Генерал надел фуражку и шутливо отдал честь:

— До завтра, Примерка! Отдыхай! Рота, отбой!

* * *

Из детей адмирала Верещагина природа, по-видимому, решила устроить себе полигон для всевозможных генетических экспериментов. Сам адмирал — высоченный, под два метра, массивный мужчина с идеально правильным, красивым лицом, обладатель сильного звучного баса, всегда был душой компаний, центром внимания и любимцем женщин. Военно-морское дело он знал превосходно, но при этом в быту демонстрировал абсолютную беспомощность. Семен Степанович становился ужасающе, невероятно неловок и неуклюж, едва переступал порог своей квартиры. Стоило ему взять в руки чашку, стоящую на блюде, и с обоими предметами можно было тут же проститься. Про заколачивание гвоздей даже не стоило рассказывать: искалеченным оказывался либо гвоздь, либо палец. Самое обидное, что адмирал прекрасно знал, как делать правильно, но сделать сам не мог. «Руки-крюки», — вздыхала горестно жена адмирала, Елена Аркадьевна, крошечного роста худенькая некрасивая женщина, для которой не существовало слов «я не умею». Она умела все, от приготовления любого блюда и сложнейшей штопки на любой ткани до сращивания и разветвления проводов. Книг Елена Аркадьевна не читала, все навыки приобретала «на глазок» и «на слух», всю жизнь писала с грубейшими ошибками и говорила, что ее четырех классов церковно-

приходской школы вполне достаточно для того, чтобы быть хорошей женой и матерью.

Первенец четы Верещагиных, Олежка, получил от матери невысокий росточек, невзрачную внешность и ловкие руки, а от отца — спокойную уверенность, деловитость и четкость. Младшая же дочь, Катя, ростом, всей фигурой и правильными, скульптурными чертами лица пошла в Семена Степановича, уже в восемь лет на целую голову возвышаясь над самым высоким мальчиком их класса. В учебе Катерина была абсолютно бестолкова, уроки делала абы как, а то и вовсе не делала, зато с удовольствием занималась спортом и активно участвовала в художественной самодеятельности, с самого детства намереваясь стать актрисой.

Вера Малкина и Катя Верещагина оказались в одном классе после возвращения из эвакуации. Дом, в котором Малкины жили до войны, разбомбили, семье предоставили другое жилье, и школа тоже была другой.

В их паре Вера была ведомым, а Катерина — бесспорным лидером и заводилой. О том, что у новой подружки есть брат-старшеклассник, который «может все», Вера узнала уже на третий день, когда Катя, затеяв ссору с кем-то из мальчишек, схватила деревянный пенал Веры и сильно замахнулась. Мальчишка нырнул вниз в попытке спрятаться от удара, который пришелся ровно по краю парты. Вера в испуге смотрела на сломанный пенал, представляя, как будут ругаться мама и папа: к началу занятий в школе в их семье готовились основательно, собирая по соседям и знакомым все, что может пригодиться — ручку, чернильницу, ластик, линейку... Лишних денег у Малкиных не водилось, а если бы и были, так в магазинах пусто, война только-только закончилась. Покупались только чистые тетради. И еще вот этот пенал. Вера не представляла, как сказать родителям, что пенала больше нет.

— Не реви, айда к нам, Алька починит, — заявила тогда Катя, увидев, что на глаза подружки навернулись слезы.

Вера расплакалась.

— Разве это можно починить?

Катя выразительно пожала плечами и снисходительно посмотрела на нее сверху вниз.

— Алька может все. Пошли. Заодно и похаваем, мамка сегодня кулебяку замусолила.

Пересыпанная грубоватыми, а порой и непонятными Вере словечками речь в устах дочери адмирала звучала притягательно. Вера с первого же дня изо всех сил тянулась за подружкой, запоминала эти новые слова и

употребляла в разговоре, приводя в ужас собственных родителей.

В тот раз, впервые направляясь домой к Верещагиным, Вера представляла себе старшего брата Кати, Алика, таким же высоким, крупным и красивым, как его сестра. Каково же было ее изумление, когда перед ней предстал невысокий, далеко не крупный и весьма некрасивый паренек с густыми, почти сросшимися на переносице темно-русыми бровями. Этого просто не может быть!

Но это было. И пенал Алик склеил так ловко и аккуратно, что без лупы шва и не увидишь. И кулебяка, испеченная Еленой Аркадьевной, показалась Вере поистине райской едой. Домой девочка возвращалась совершенно счастливой.

До окончания школы подруги были неразлучны. Вера ходила за Катериной, как привязанная, болела за нее на соревнованиях, сидела на репетициях школьного драмкружка, участвовала в «акциях возмездия», объявляемых дочерью адмирала в отношении каких-нибудь особенно вредных дворников или просто жильцов окрестных домов. Терпеливо объясняла Кате теоремы по геометрии, законы физики и химии, проверяла ее домашние работы по русскому языку. И конечно же, постоянно обращалась к помощи безотказного Алика, благодаря которому в глазах своих родителей Вере удавалось выглядеть девочкой аккуратной и беспроblemной. Кеды и ботинки, треники, портфель, форменное платье, варежки — все у Веры терпело урон там, где спортивная и ловкая Катерина ухитрялась ничего не порвать и не повредить.

— Брала бы ты пример с Верочки, доча, — укоризненно говорила Елена Аркадьевна каждый раз, когда проверяла и подписывала обильно усыпанный «тройками» и редкими-редкими «четверками» дневник Кати.

— Вот еще! — весело фыркала красавица Катерина. — Зачем мне эта учеба? Мне науки не нужны, я артисткой буду. И вообще, ты вон без всякой десятилетки прекрасно живешь. И я проживу.

Для Веры Малкиной долгое время оставалось загадкой, почему ее подруга так плохо отвечает на уроках и не справляется с контрольными работами, если дома после подробных объяснений Веры в конце концов усваивала материал и решала примеры и задачи правильно, хоть и медленно. Видя, какие грубые ошибки делает Катя, стоя у классной доски с мелом в руке, Вера каждый раз с недоумением и отчаянием думала: «Ну как же так?! Ведь вчера она все понимала, мы с ней пять задач решили! Неужели за ночь можно все забыть?»

Однажды, уже в девятом классе, Вера не выдержала и сердито сказала на перемене:

— Я не понимаю, о чем ты думаешь! Я же вчера все объяснила тебе буквально на пальцах, и мы столько задачек перерешали на это правило! Вчера ты все делала без ошибок, а сегодня тебя вызвали — и как будто ничего не было. Что у тебя в голове, Катюха?

Катя хитро прищурилась и таинственно понизила голос.

— Сказать?

— Скажи, — потребовала Вера. — А то я уже ничего не понимаю. Занимаемся, занимаемся, а толку — ноль.

— Когда я у доски стою, для меня это будто бы сцена, понимаешь? И я не урок отвечаю и не задачу решаю, а представляю себя актрисой в спектакле, ну, вот будто бы я — Джульетта, к примеру, или Нина Заречная, или Лариса Огудалова. И думаю, как бы мне повернуться по красивее, чтобы Петьке Фомину был виден мой левый профиль, он у меня лучше, чем правый. И Коле Нечевину тоже чтобы было видно, а сидят-то они в разных концах класса. Это ж неразрешимая задача!

Вера ошеломленно смотрела на подругу.

— Ты серьезно? — недоверчиво переспросила она. — Или шутишь?

— Не шучу. Я, Верка, стану знаменитой артисткой, вот увидишь. Приду сдавать вступительные экзамены — и вся приемная комиссия ахнет. Образование — ерунда, кому оно нужно? Главное — внешность и талант. И то и другое у меня есть.

Насчет внешности Вера спорить и не собиралась, а вот в наличии артистического таланта у подруги как-то сомневалась, о чем тут же и заявила со свойственной ей прямоотой. Катя, естественно, обиделась, и девочки в тот раз впервые поссорились. Впрочем, Катя была отходчивой, и уже через несколько дней они снова проводили время вместе.

После окончания школы Вера легко поступила в университет, на юридический факультет, а Катя Верецагина срезалась на первом же туре в театральном институте. Она была настолько уверена в себе и до такой степени не ожидала неудачи, что провал вверх девушку в самый настоящий шок. Катя целыми днями лежала в своей комнате на кровати, отвернувшись к стене, а когда вставала, то передвигалась как сомнамбула, ничего не видя, не понимая и не замечая.

— На следующий год предпримешь новую попытку. А пока что — встать, койку заправить и шагом марш на завод работать, — скомандовал Семен Степанович спустя примерно две недели, устав от непрерывного созерцания картины вселенской скорби.

Дочь нехотя подчинилась и устроилась на завод разнорабочей. Уже через пару месяцев все мечты об артистической карьере полностью

выветрились из ее головы: Катя влюбилась в старшего мастера цеха и закрутила с ним такой страстный роман, что по вечерам не могла думать ни о чем, кроме радости от предстоящей на следующее утро встречи с любимым. Отныне именно заводской корпус, а вовсе не сцена стал для Катерины Верещагиной местом, где ее ждет счастье...

«Интересно, — думала Вера Леонидовна, ворочаясь без сна под одеялом, — обрадуется Катя, когда Алик ей скажет про меня? Захочет ли меня увидеть? Или она меня давно забыла и я ей не интересна?»

Перед глазами мелькал калейдоскоп лиц: Всеволод Андреевич, сохранявший ироническое и добродушное выражение даже в самых серьезных ситуациях; слушатели, сидевшие на лекции в первом ряду (тех, кто сидел дальше, Вера из-за близорукости рассмотреть как следует не могла); Танюшка, спокойная и сосредоточенная, как обычно, несмотря на свадебное платье и торжественность обстановки; смеющийся Борис; счастливая Люсенька Орлова; Саша Орлов со слезами на глазах; обрюзгший и какой-то помятый бывший муж; лукаво прищурившийся Алька Верещагин в генеральской форме... Она поймала себя на том, что подумала именно так: не генерал Верещагин, а Алька в генеральской форме. Представить себе Олега настоящим генералом Вера Леонидовна не могла, как ни силилась. Все, что произошло в маленьком уединенном холле ресторана, казалось ей выдумкой, причем не самого лучшего пошиба.

Постепенно усталость взяла свое, калейдоскоп лиц превратился в бесформенное разноцветное пятно, которое постепенно тускнело, расплывалось и таяло где-то вдалеке. Последнее, о чем успела подумать Вера, прежде чем уснуть, — завтра прямо с утра нужно позвонить Орловым. Она заручилась их согласием насчет «пожить на даче, чтобы закончить диссертацию», но кто же мог подумать, что переезжать придется уже на следующий день...

* * *

Праздновать свадьбу принято было почему-то два дня: в первый день — широким кругом, во второй — узким, семейным. Откуда взялась эта традиция, никто не знал, но соблюдали ее если не все, то очень многие. Как и ожидал Александр Иванович, Танечка, с раннего детства отличавшаяся отсутствием уважения к авторитетам, с самого начала заявила, что никакого второго дня не нужно, потому что в ресторане соберется и без того самый узкий круг.

— Но так принято, — увещевала будущую невестку Людмила Анатольевна.

— Мне все равно, принято или нет, я должна понимать смысл, — упрямо возражала девушка. — Если я не понимаю смысла, то почему я должна следовать традициям? Тетя Люся, объясните мне смысл мероприятия, и я с вами соглашусь.

Смысла не знал никто — ни Орловы, ни Вера Потапова, ни подруги Татьяны. Сошлись на компромиссе: устроят просто праздничный обед в квартире Орловых с участием молодоженов и их родителей, больше никого приглашать не станут.

Когда к двум часам дня за красиво накрытым столом собрались Орловы и Вера, Александр Иванович подумал: «Моя мечта почти сбылась. Если бы здесь сидели и Алла с Мишей, я бы чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Вся моя семья, все мои самые любимые люди были бы со мной».

Древняя мудрость гласит: бойся своих желаний — они могут исполниться...

В тот момент, когда Танюшка поднялась из-за стола, чтобы принести полагавшийся к бульону пирог с мясом, раздался звонок в дверь.

— Я открою, — сказала Таня, направляясь в прихожую.

— Вы кого-то еще ждете? — удивилась Вера, которой было сказано, что обед предполагается в сугубо семейном составе.

Люсенька пожала плечами.

— Никого. Может, поздравительная телеграмма от кого-нибудь.

Александр Иванович прислушался и различил спокойный, но все-таки чуть-чуть встревоженный голос невестки:

— Проходите, пожалуйста.

На пороге комнаты появилась Алла с огромным букетом в руках. Выглядела она настолько ужасно, что Орлов чуть не вскрикнул. Иссиня-черные круги под темными запавшими глазами делали ее ставшее каким-то одутловатым лицо страшным и мрачным. Вельветовое платье с короткими рукавами, надетое поверх трикотажной водолазки, сидело плохо, и было заметно, что женщина сильно похудела. Блестящие прежде волосы потускнели, хотя и были вымыты и тщательно уложены. От поразившего когда-то Орлова сходства с мамой, Руфиной Азиковной, не осталось почти ничего.

— Здравствуйте.

Голос Аллы прозвучал хрипло. Она откашлялась.

— Извините, что без приглашения. Хотела поздравить...

Она как-то растерянно и смущенно посмотрела на букет, который держала в руках.

— Знаете, никак не могла понять, кого нужно поздравить в первую очередь — молодых или их родителей... Для кого это событие более значимо... Простите...

Алла сделала неуверенный шаг в сторону стоявшего в углу кресла и осторожно положила букет на сиденье. Потом выпрямилась и обхватила себя руками, словно ее знобило.

— Вот я и решила, — продолжала она, — принести один большой букет для всех, для всей семьи. Поздравляю вас. Еще раз извините за вторжение.

Возникла пауза, неловкая и тягостная. Орлов не понимал, что нужно делать, как реагировать, чтобы не обидеть Люсеньку и при этом не оттолкнуть Аллу. Поверила ли Люся его словам о том, что с Аллой Александра Ивановича не связывают романтические отношения, и между ними существует только дружба? Испытывает ли его жена стыд перед женщиной, с мужем которой спала три года или даже больше? А что думает его дочь Аллочка о его жене? Считает Люсю той, из-за которой Андрей Хвыля бросил семью, то есть подлой разлучницей? Или Алла знает, что к тому времени, когда Андрей ушел от нее, он уже не был вместе с Люсей? Клубок вопросов, ответов на которые Орлов не знает.

Танюшка внесла покрытый льняной салфеткой пирог, поставила в центр стола и как ни в чем не бывало начала нарезать его на идеально ровные, квадратные порционные куски. Достала пирожковые тарелочки, выложила на каждую по два квадратика. Шесть порций. Хотя за столом сидело всего пять человек. Орлов перехватил взгляд жены, брошенный на последнюю, шестую, тарелку с пирогом.

— Спасибо, Аллочка, — приветливо произнесла Людмила Анатольевна. — Боря, придвинь еще один стул.

Глаза Аллы тоскливо заматались по комнате, словно она очень хотела остаться, но при этом очень боялась. И еще Орлову показалось, что она хотела бы что-то сказать, что-то очень важное для нее самой, прежде чем принять приглашение и сесть за стол. Сам Александр Иванович как будто онемел и не мог произнести ни слова, но зато все происходящее воспринимал с необыкновенной отчетливостью. Ему даже чудилось, что он слышит мысли каждого из присутствующих. Каждого, кроме Аллы. «Странно, — мелькнуло в голове, — ведь она моя дочь, моя кровь, уж ее-то я должен бы чувствовать точно так же, как Борьку. А не чувствую».

Борис пододвинул гостье стул, но Алла не стала садиться, оперлась

руками на спинку и набрала в грудь побольше воздуха.

— Еще раз извините за то, что сейчас скажу... Мне не хотелось бы портить вам праздник, но я прекрасно понимаю, что если не скажу то, что собиралась, то праздник будет испорчен почти наверняка.

Татьяна невозмутимо разливала куриный бульон из супницы, извлеченной из глубин серванта по случаю торжества, в бульонные чашки с золотым орнаментом по краям и красивыми изогнутыми ручками. Все молчали, настороженно и напряженно ожидая продолжения.

— Я хотела сказать две вещи, — снова заговорила Алла, собравшись с силами. — Меня предупредили, что тебе, Саша, нельзя волноваться, поэтому я так долго не появлялась, чтобы ты не видел меня в таком состоянии. Мне было плохо, и я пыталась справиться, как могла. Может быть, я делала это не совсем правильно, или даже совсем неправильно, но уж как могла... Я справилась. Говорить о себе такую правду не очень-то приятно, но сказать надо, чтобы вы... Ну, чтобы вы перестали меня бояться и избегать.

Людмила Анатольевна молча кивнула. У Орлова даже на такой простой жест не хватило сил. Он не только утратил способность говорить, но и как будто окаменел.

— Люся, у меня нет на тебя никакой обиды, я хочу, чтобы ты это знала. Андрей — человек, которому нужна муза. Какое-то время его музой была я, но очень давно и очень недолго. Потом стали появляться другие... музы. Я знала об этом. Но говорила себе: муза и творчество — это одно, а брак и семья — совсем другое, и друг друга эти сферы не касаются. Мне очень жаль, что, когда ты ушла к Андрею, Саша не сказал мне об этом. Я знала, что ты ушла, и старалась поддержать Сашу, как умела, он очень переживал. Но я не знала, что все это из-за Андрея... Теперь мне даже немного стыдно за те глупости, которые я говорила тогда и которые ни за что не сказала бы, если бы знала правду. Короче... Люся, мне Макс Рустамов все рассказал, я в курсе, что ты рассталась с Андреем и что он бросил меня не из-за тебя. Более того, я даже знаю точно, из-за кого. Видела у него в театре на репетиции...

Из ее глаз вдруг потекли слезы. Алла совсем по-детски всхлипнула и как-то беспомощно произнесла:

— Все это такая глупость... Ребята, Саша, Люсенька, я вас очень люблю... Бог с ним, с Андреем, пусть живет, как хочет.

— Сядь уже наконец, Алла, — мягко сказала Людмила Анатольевна. — Бульон остывает.

«В кого она такая? — думал Орлов, не сводя глаз с дочери. — В

точности как Лёлочка, моя младшая сестренка, которая, что бы ни происходило, всегда находила для всех оправдание и объяснение поступков, никого не обвиняла и сама первая просила прощения, даже если не была виновата, причем обязательно говорила: «Я тебя люблю». Как же это может быть? Лёлочку расстреляли вместе со всей моей семьей осенью сорок первого, когда Алла еще даже не родилась. Неужели гены сказываются?»

Алла уселась за стол, и тут Орлов внезапно обратил внимание на странное выражение лица Веры. Господи, она же не знает, кто это! Она никогда не видела ни Аллу, ни ее мужа Хвилью. Поэтому и не понимает, что здесь, собственно говоря, происходит. Танюшка — молодец, самообладанию девушки можно только позавидовать: ни малейшего удивления, никаких вопросов, спокойно хозяйничает за столом, словно ничего особенного не случилось. А вот Борька явно нервничает, что и неудивительно, ведь он давно знаком и с Аллой, и с ее мужем, и вся история ухода и возвращения матери разворачивалась у него на глазах. Наверное, сын боится, что одно неверное слово, один недоброжелательный взгляд — и разразится скандал.

Александр Иванович сделал над собой усилие и произнес, удивляясь, что губы и язык вполне слушаются его.

— Веруня, познакомься, это Алла Горлицына. Аллочка, а это Вера, наша с Люсенькой давняя, очень давняя подруга и одновременно мама нашей Танюшки. Танюшку ты видела, когда она была еще невестой, а теперь — прошу любить и жаловать, молодая жена нашего сына.

Ему даже удалось встать и при этом не покачнуться. С улыбкой обняв Таню, он почувствовал предательскую дрожь в ногах и поспешил снова сесть на свое место.

— Я много слышала о вас, — обратилась негромко Алла к сидящей рядом Вере, — так что мне кажется, что мы с вами давно знакомы. И о вашей дочери Саша с Люсей всегда говорили в самых восторженных выражениях. Это так замечательно, когда давние друзья становятся родственниками!

— Свойственниками, — сухо поправила ее Вера. — Я тоже рада. И тоже много о вас слышала.

Все сосредоточенно пили бульон, ели мясной пирог и делали вид, что трапеза — самое важное и ответственное дело всей их жизни. Через некоторое время, когда молчание за столом стало уже невыносимым, Люся вдруг спросила:

— Аллочка, а что с разменом вашей новой квартиры? У нас ведь точно

такая же проблема, нам нужно разменяться, чтобы отселить Борьку с Таней. Мы нашли маклера, очень толкового, как нам показалось. Если тебе нужно...

Орлов явственно ощутил, как отступило и начало таять висевшее над столом напряжение. Какая все-таки молодец его жена! Какая умница! Нашла-таки нейтральную тему, которая интересна всем присутствующим!

— Ой, я даже не знаю, — обрадованно подхватила Алла. — Андрей что-то пытается устроить по своим каналам, а я — как все, в Банный переулок езжу каждый день, как на работу.

В Банном переулке, рядом с проспектом Мира, сосредоточился весь московский информационный поток по части съема и обмена жилплощади. Стены пестрели написанными от руки или напечатанными на машинке объявлениями, а по переулку шныряли, выискивая потенциальных клиентов, многочисленные «жучки» — маклеры среднего и мелкого пошиба.

Через несколько минут обстановка за столом приобрела характер миролюбиво-оживленный, в обсуждении животрепещущей проблемы принимали участие все, кроме Александра Ивановича. Орлов молча слушал вполуха, не в силах полностью сосредоточиться на квартирном вопросе — слишком уж громкими и назойливыми оказались мысли о двух женщинах, сидящих рядом. «Люсенька так до конца и не поверила в то, что между мной и Аллой ничего нет. И что бы я ни говорил, как бы ни убеждал — она все равно будет сомневаться. Снять с меня подозрения в измене может только правда. А сказать правду я никогда не смогу. Я не смогу признаться, что тридцать лет обманывал ее. Аллочка пришла сегодня... Ей трудно, у нее так мало близких людей, и она пришла к нам, потому что больше не к кому... Спасибо Люсе, что не выгнала ее. Хотя с какой стати она стала бы выгонять Аллу? Это у Аллы могли быть претензии к моей жене, а не наоборот. Но моя девочка не держит зла на Люсеньку, она все знает и все понимает про Андрея. Даже представить страшно, как ей больно и одиноко... Я бы так хотел ей помочь, поддержать, успокоить, но чем старательнее я буду это делать, тем сильнее будут подозрения Люси... Господи, в какую же чудовищную ловушку я попал! Я не могу успокоить любимую жену и избавить ее от ревности. И я не могу поддержать и утешить любимую дочь, чтобы не вызвать излишнего недовольства жены и вообще избежать пересудов. Разве я хотел, чтобы так получилось? Мне было девятнадцать лет, шла война, и я всего лишь хотел иметь пусть призрачный, но шанс выжить, если попаду в плен. Я опасался попасть в лапы особистов, которые никому и ничему не верили, арестовали бы меня и

замучили нескончаемыми проверками. Я рвался воевать, бить врага, а не отсиживаться под арестом. Потом, после войны, я стал бояться лагерей и обвинений в измене Родине. Потом, во время ажиотажа из-за «дела врачей», начал бояться антисемитизма. Я прошел всю войну — и вынужден признать себя трусом. Я прожил честную достойную жизнь, но эта жизнь — чужая, я украл ее у Сани Орлова. Я не только трус, но и вор».

Ему показалось, что в груди образовался и начал медленно, но неуклонно увеличиваться горячий чугунный шар, и Орлов испугался, что сейчас опять начнется то самое... Он посмотрел на жену и вдруг подумал с отчаянием: «Люся мне не верит. И Алле не верит. Она просто делает вид, что все в порядке, чтобы не было ссоры и свары, потому что не хочет портить праздник детям и боится волновать меня. Она притворяется. Она, хозяйка этого дома, вынуждена принимать у себя женщину, которую считает любовницей своего мужа, сидеть с ней за одним столом и угощать, и делает это только ради того, чтобы у меня не сдало сердце. Я не только угодил в ловушку, я еще и поставил свою жену в унижительное положение. Ну и кто я после этого?»

Наверное, Александр Иванович сильно побледнел или изменился в лице, потому что Люся вдруг прервалась на полуслове и бросила на него встревоженный взгляд.

— Саша, тебе нехорошо? Может, пойдешь приляжешь? Боря, помоги папе встать.

Борис тут же вскочил.

— Правда, пап, пойдём, я тебя провожу. Вчера был тяжелый день, тебе пока еще нельзя такие нагрузки...

— Да, — пробормотал Александр Иванович, неловко поднимаясь с места, — я прилягу ненадолго. Только вы, ради бога, не беспокойтесь, просто я немного устал.

В спальне Борис заботливо уложил отца на кровать, взбил подушку, накрыл пледом.

— Пап, врача точно не надо? Может, вызвать «Скорую»?

— Нет-нет, не нужно, сынок. Я полежу буквально полчасика и встану, буду как огурчик.

— Таблетки какие-нибудь принести тебе? Или капли?

— Не нужно, я в порядке, просто устал.

Когда сын вышел из спальни, Александр Иванович полез в тумбочку за каплями. Принимать лекарство при Борисе не хотелось, чтобы парень не подумал, что дело серьезно.

Минут через десять чугунный шар в груди исчез, задышалось легче.

Орлов еще немного полежал и вышел к столу, по пути глянув на себя в трюмо и убедившись, что выглядит вполне прилично. За столом Люсенька по-прежнему увлеченно обсуждала с Верой и Аллочкой проблемы жилищного обмена, а Боря с Танюшкой собирали грязную посуду, чтобы накрыть чай с тортом. Увидев Орлова, Вера поднялась.

— Уже уходишь, Веруня? — удивился он. — Что так рано? И торт еще не ели, Танюшка сама пекла.

— Мне пора, дорогие мои, — сказала она, — в половине пятого жду звонка, а в шесть часов мне велено быть готовой к отъезду на вашу замечательную дачу. Еще раз спасибо за разрешение пожить там.

Несмотря на все еще остававшуюся слабость, Александр Иванович не смог не рассмеяться.

— Верка, тебе — и «велено»? Поверить не могу! Неужели нашелся человек, который смеет что-то тебе велеть?

— Я бы сформулировала иначе, — весело заметила Людмила Анатольевна. — Неужели нашелся человек, чье повеление для нашей Веры вообще хоть что-то значит? Верунчик, ты просто обязана познакомить нас с этим чародеем.

— Я бы сказал: не с чародеем, а с камикадзе, — подхватил Орлов. — Несомненно, этот человек смерти не боится.

Ему снова стало легко и уютно. Все родные, все свои, все веселые, и никто ни на кого не держит зла. Как было бы хорошо, если бы так оставалось всегда...

* * *

Вот уже несколько дней Вера Леонидовна Потапова то и дело ловила себя на удивленной мысли: «Неужели я действительно сделала это?»

Генерал Верещагин, а для нее просто Алька, не шутил, когда заявил, что берет на себя руководство процессом жизнеобеспечения Веры на период завершения работы над диссертацией. Раз в три дня он приезжал на дачу Орловых, привозил продукты, проверял, в порядке ли электрооборудование и водоснабжение, что-то потихоньку чинил и поправлял.

— Если твои друзья собираются продавать эту дачу, то она должна иметь товарный вид, — говорил Олег Семенович, выравнивая покосившуюся оконную раму.

Вера устало смеялась, готовила ужин, кормила гостя, а за чаем

Верещагин подробно рассказывал, как движется ремонт в ее квартире и какие работы он успел сделать за два последних дня, прошедших с момента его предыдущего приезда. В летних брюках и светлой сорочке с короткими рукавами, он выглядел далеко не так внушительно и импозантно, как в генеральской форме, а с молотком в руках и торчащими из плотно сжатых губ гвоздями смотрелся обыкновенным работягой, почти «шабашником».

Вера работала с утра до ночи, отвлекаясь только на самые необходимые хозяйственные дела, и закончила переделку текста намного раньше обозначенного Верещагиным срока. Сходила на почту, позвонила научному руководителю, спросила, будет ли он смотреть новый вариант.

— Глупости! — решительно ответил профессор Серов. — Я ни минуты не сомневаюсь, что вы все сделали, как надо. Вы большая молодец, Верочка!

Он пообещал сегодня же попросить начальника кафедры поставить на ближайшее заседание кафедры обсуждение кандидатской диссертации соискателя Потаповой. Вера понимала, что читать переделанную работу назначенные начальником рецензенты не станут, да и самого обсуждения как такового тоже не будет, но в протоколе заседания кафедры должна быть соответствующая запись, на основании которой делаются «выписка из протокола» и «заключение кафедры». Эти документы наряду с множеством других нужно представлять в ученый совет вместе с диссертацией. Как только в протоколе появятся волшебные слова «одобрить и рекомендовать к представлению в диссертационный совет», текст можно везти машинистке для перепечатки набело.

Машинистка не подвела, работу сделала точно в срок, Вера просидела еще двое суток, вычитывая текст и исправляя опечатки при помощи «трафаретки» — специального листа, на который были наклеены все заглавные и строчные буквы алфавита, цифры и знаки препинания в графике стандартной пишущей машинки. При обнаружении неправильной буквы или цифры ошибка ликвидировалась посредством бритвенного лезвия, и на очистившееся место наносилась правильная буква или цифра с «трафаретки». Работа была нудной и кропотливой, требовавшей концентрированного внимания и твердой руки, у Веры отчаянно болели и слезились глаза, но она справилась.

Вычитанную работу полагалось показывать ученому секретарю профессору Баландину до того, как отдавать ее в переплет. Сегодня утром Вера, перед тем как сесть в электричку, чтобы ехать в Москву, позвонила с местной поселковой почты переплетчику, работавшему на дому: она уже возила ему первый вариант диссертации и знала, что работает этот человек

аккуратно и очень быстро. В прошлый раз она ушла с четырьмя переплетенными в темно-зеленую обложку экземплярами буквально через полчаса, едва успев выпить чаю с супругой мастера. Если ей повезет и Баландин ни к чему не придерется, то прямо из Академии она поедет к этому переплетчику, потом снова вернется в Академию, чтобы оставить на кафедре три из четырех экземпляров. Именно три экземпляра полагалось сдавать в Ученый совет, четвертый оставался автору. Конечно, делать такие концы — не самая большая радость, но не тащить же тяжеленный груз с собой на дачу, а потом с дачи — снова в Москву.

Ей повезло. Впрочем, вряд ли это можно было считать чистым везеньем: все-таки одну диссертацию Вера уже сдавала в совет и очень хорошо помнила, как тщательно проверяет Ученый секретарь не только наличие обязательных разделов работы, но и все мелочи, вплоть до расположения текста на титульном листе и ширины верхних, нижних и боковых полей. Она очень старалась, чтобы все было сделано в соответствии с самыми жесткими требованиями, а уж требования эти Вера Леонидовна успела наизусть выучить.

Полковник Баландин милостиво разрешил переплетать диссертацию, и Вера, наплевав на стремительно ветшающий бюджет, поймала машину, чтобы ехать к мастеру. Ей обязательно нужно успеть вернуться в Академию, пока на кафедре хоть кто-нибудь был, иначе ей в помещение не попасть: все двери кабинетов по окончании рабочего дня запирались последним из уходящих сотрудников.

Брать машину на обратном пути Вера не решилась — в кошельке оставалось не так много денег, тащила тяжеленные тома в двух матерчатых сумках, сначала на автобусе, потом на метро, потом проехала одну остановку до Академии на трамвае, потому что руки начали отваливаться. Всегда веселая и любезная Маришка, начальник учебно-методического кабинета кафедры, положила три экземпляра Вериной диссертации в нестораемый шкаф и радостно воскликнула:

— Верочка Леонидовна, я так рада! Вы их сделали!

— Кого — их? — не поняла уставшая от напряжения последних дней и сегодняшней суеты Вера. — Экземпляры, что ли?

— Да нет же! Всех этих козлов, которые вас на должность не назначали! Вы их сделали, как младенцев!

Марина понизила голос и, сверкая яркими глазами, продолжала:

— Скажу вам по секрету: никто же не верил, что вы справитесь! Знаете, сколько народу Всеволоду Андреевичу телефон обрывали? Все хотели знать, успеете вы или нет, потому что желающих на место старшего

научного в аппарат Баландина — чертова уйма! Баландин-то Всеволоду Андреевичу пообещал держать место для вас, но всем раззвонил, конечно, что, дескать, если Потапова не успеет вовремя, то он будет рассматривать другие кандидатуры. Собственно, он их и рассматривал все это время, на тот случай, если вы не успеете, чтобы сразу готовый человек был. Вы в подполье ушли, вас в Академии не видно и не слышно было, а эти... ну, в общем, эти ходили и ручки потирали, что, мол, Потапова пропала, неизвестно где находится, неизвестно чем занимается и к сроку работу не представит.

«Неужели я сделала это?» — в очередной раз подумала Вера.

Взяв у Марины копию протокола заседания кафедры, на которой «обсуждали» ее диссертацию, Вера Леонидовна направилась к выходу. Пока что все складывалось удачно: она вполне успевает на электричку в 18.32, на нужную остановку поезд прибудет в 19.20, и Вера сможет уехать автобусом, который пойдет от платформы в сторону совхоза около половины восьмого.

Автобусы ходили редко, один раз в два часа, и если приехать не вовремя, то придется либо долго ждать, либо тащиться по не самой гладкой и удобной дороге примерно 6 километров. Конечно, в спортивной обуви, налегке и при хорошей погоде такая прогулка — сплошное удовольствие, но в цивильных туфлях на каблуках и с увесистым томом в сумке такое путешествие — радость невеликая.

Вера вышла через центральный вход, напротив которого находилась трамвайная остановка. Как раз и трамвай подходит...

— Вера Леонидовна, — раздался неуверенный мужской голос.

Вера резко остановилась, посмотрела по сторонам. К ней подходила пара, при первом взгляде показавшаяся незнакомой.

— Здравствуйте, Вера Леонидовна, — уже более уверенно сказала женщина. — Вы нас не помните?

Вера перевела взгляд на мужчину и вздрогнула: Завгородний. Человек, которого ей велено было посадить, а она указания не выполнила, за что и поплатилась профессиональной карьерой. Человек, который, будучи мальчишкой, радовался расстрелу евреев в Прилуках. Человек, мать которого присвоила вещи и ценности бабушки Рахили. Вячеслав Завгородний. И его жена. Как ее имя? Кажется, Мария... Да, точно, Мария Станиславовна. Отчество самого Завгороднего Вера припомнить не сумела. Что они здесь делают? Что им нужно?

— Я вас помню, — медленно и осторожно ответила она. — Вы что-то хотели?

Трамвай подошел к остановке, Вера с раздражением уставилась на желто-красный сдвоенный вагон: точно не успеет, придется теперь ждать следующего.

— А мы вас тут третий день караулим, — принялась объяснять Мария Станиславовна, — сначала здесь стояли, потом обошли здание вокруг и поняли, что еще второй вход есть, так расстроились, думали — упустили вас, теперь уж не найдем...

— Что вы хотели? — сердито повторила Вера.

Но Завгородняя сочла нужным еще и поведать, как удалось найти бывшего следователя Потапову, и она пустилась в подробный рассказ о том, как просила киевского следователя позвонить в Москву и выяснить, где Вера Леонидовна, и как никто не хотел давать информацию, и как они все-таки настояли...

Вера начала злиться. Ее приводила в бешенство словоохотливость женщины, а молчание ее мужа вызывало неприятное чувство — словно ожидание неизбежного болезненного удара.

— Извините, у меня очень мало времени. Зачем вы меня искали?

— Мы... Мы хотели сказать вам «спасибо». Поблагодарить... Если бы не вы, Слава еще сидел бы сейчас... И все знали бы, что он вор и взяточник. А так...

— А так — что? Не посадили?

Вере даже в голову не приходило после возвращения из той командировки поинтересоваться ходом уголовного дела. Ее отстранили — и ладно. Ей приказали освободить должность и найти другую работу — и пусть. Если она не нужна своей профессии, то и профессия с этого момента ей не нужна, и знать она ничего больше не хочет ни об уголовных делах, ни о самом Завгороднем, упоминание о котором не вызывало у нее ничего, кроме боли и отвращения.

— Меня судили за халатность, — произнес Завгородний, — дали два года исправработ, направили на «химию», я завод строил в Киевской области, Мария приезжала часто, дети тоже... То дело громкое получилось, всем дали по заслугам, и мне тоже. Я ведь как начальник цеха проявил халатность, это правда, я же видел, что что-то происходит, но молчал. Да вы и сами все это знаете, вы же говорили мне об этом, когда в следственный изолятор ко мне приходили. Но в хищениях я не участвовал и взятки никому не давал. Спасибо вам, что вы меня отговорили брать вину на себя. Теперь меня вором никто назвать не может, детям в глаза смотреть не стыдно. Халатность — это ж дело такое... Не воровство все-таки, и срок маленький. Да и судимость уже погашена. Конечно, после «химии» меня на

хорошую должность никто брать не хотел, да это и понятно. Но теперь все в порядке, с погашенной судимостью-то оно легче.

«Детям в глаза смотреть не стыдно, — машинально повторила про себя Вера. — А мне? Мне в глаза тебе смотреть не стыдно, мальчик Славик из славного города Прилуки? Быть вором стыдно? А маменьке твоей стыдно не было, ни на одну минуту не было».

Раздражение и неприязнь быстро нарастали и превращались в кипящую ярость. Ей хотелось ударить этого человека. А еще лучше — убить. Она чувствовала, что надо что-нибудь сказать, как-то поддержать разговор, чтобы вместе со словами выпустить из себя хотя бы малую толику этой бурлящей ярости, которая, казалось, сейчас просто разорвет ее изнутри.

— Я так понимаю, что обещанную квартиру вам так и не дали?

— Конечно, нет, — с готовностью кивнула Мария Станиславовна, — ну, вы нас предупреждали, что так и будет. Да и за что ее давать, если Слава отказался от показаний? Спасибо, что хуже не сделали. Пытались, конечно. У них же, у тех, кого посадили, связи огромные, вот они и хотели с нашей семьей по квитаться за то, что мы доверия не оправдали. Сын в институт не поступил, хотя сдал все экзамены хорошо и проходной балл набрал, его в армию призвали, а после армии какой институт? Все школьные знания уже забыты, надо заново готовиться. Служить его отправили очень далеко, в глухомань какую-то, в Сибирь, но зато оттуда он с невестой вернулся. Уж такая хорошая девочка, уж такая умница, и характер замечательный! Мы со Славой на нее нарадоваться не можем! Вот же Бог послал нам счастье! Уже и внучечка у нас, в вашу честь назвали, Верочкой. Если б не вы, не пошел бы сын в армию, и не было бы у нас такой снохи и такой внучечки.

«Не надо никого называть в мою честь!!! Я не хочу, чтобы мое имя произносилось в вашей семье! И особенно — вашим мужем!»

Вера Леонидовна с трудом удержалась, чтобы не закричать. Огромным усилием взяв себя в руки, спросила:

— У вас ведь еще дочь была, кажется?

Она то и дело посматривала вправо, в ту сторону, откуда должен прийти трамвай, твердо решив для себя, что как только он появится — она тут же извинится и побежит на остановку.

— Да, — снова вступил Завгородний, — она у нас балльными танцами занимается, вот вышла в финал всесоюзного чемпионата, в Москву послали на соревнования, ну и мы с ней поехали, все-таки ответственный момент, надо поддержать девочку, отпуск взяли оба...

— И подумали, что надо бы вас найти и поблагодарить за всю нашу

сегодняшнюю жизнь, за все, что вы для нас сделали, — подхватила его супруга. — Мы же понимаем, во что вам это встало...

Значит, им сказали, когда именно и почему Вере пришлось уйти из Генеральной прокуратуры. Господи, ну где же этот чертов трамвай?!

— Не нужно мне сочувствовать, у меня все сложилось более чем благополучно, — холодно произнесла она, изо всех сил стараясь, чтобы голос не вибрировал от переполнявших ее негативных эмоций. — Прошу извинить, мне нужно идти.

— Конечно, конечно, — дружно закивали Завгородние. — Еще раз спасибо вам, Вера Леонидовна!

Как назло, трамвая не было еще очень долго, и Вера, сердито поглядывая на часы, ругала себя за то, что не пошла до метро пешком — давно бы уже ехала в подземке. Теперь же перспектива успеть на нужную электричку становилась совсем призрачной.

На вокзале она оказалась ровно через две минуты после того, как электричка отошла от платформы. Следующая — через сорок пять минут, и это неминуемо означало, что автобуса придется ждать больше часа, а то и дольше: соблюдение расписания никогда не было сильной стороной общественного транспорта, особенно за городом.

Приткнуться на вокзале было негде, зал ожидания забит, ни одного свободного места. Июнь, время отпусков, дачный сезон, все хотят куда-то ехать... Вера не придумала ничего лучше, чем расхаживать взад-вперед по платформе, на которую должны будут подать нужную ей электричку. Она очень устала, ноги в изящных туфлях к вечеру отекали, и невыносимо болели руки, натруженные тяжестью, которую приходилось носить целый день. Да, сейчас у нее в сумке всего один экземпляр диссертации, а не четыре, как было с самого утра, но все равно руки болели так сильно, что уже и стограммовую булочку удерживали бы с трудом. Зато, если не уходить с платформы, есть шанс оказаться в числе первых, кто войдет в пустой вагон, и занять удобное место. И можно будет почти час спокойно сидеть, положив ношу на колени и дав отдых и рукам, и ногам.

Мерная и бесцельная ходьба позволила успокоиться, кипящая ярость и ненависть понемногу улеглись, остались лишь горечь и привычная боль, которая всегда появлялась при воспоминаниях о том времени. Воспоминания эти Вера не любила и гнала от себя, пряча в самых потайных уголках души и испытывая сильнейшую неприязнь ко всему, что эти воспоминания провоцировало и вызывало на свет божий. Здесь и сейчас она была женщиной «чуть за пятьдесят», совсем еще не старой, правда, немного уставшей, но все равно очень красивой и элегантно

одетой; женщиной, которая все-таки закончила в срок важную и нужную работу, несмотря на то, что все обстоятельства складывались крайне неблагоприятно; женщиной, которая едет в этот теплый летний вечер за город, на милую уютную дачу, пусть и не свою собственную, но ставшую ей на время родным домом; женщиной, которая совсем скоро вернется в свою отремонтированную любимую квартирку, получит назначение на должность старшего научного сотрудника и начнет наконец получать полноценную зарплату.

Мысль о ремонте заставила ее улыбнуться: Алька Верещагин категорически пресек все попытки Веры «приехать посмотреть, как идет работа». Сегодня очередной «третий» день, он, наверное, привезет продукты. Вернее, уже должен был привезти, обычно он появляется на даче около семи вечера. Автобуса никогда не ждет, идет пешком, физическая форма у генерала — на зависть многим молодым. Ключей у него нет, так что сидит, наверное, на крылечке, поджидая хозяйку. А может быть, решил, что Вера освободится неизвестно когда и ждать ее бессмысленно, занес сумки с продуктами в сарайчик для инструментов, чтобы не соблазнять морально неустойчивых прохожих, и отправился в Москву.

Подошла электричка, Вера заняла позицию у самой двери, пропуская выходящих пассажиров, и первой вошла в опустевший вагон. Заняла свое любимое место — на короткой лавке у самой двери. Все сиденья в электричке рассчитаны на троих, а это — ни то ни се, даже двоим тесновато, и на таких лавках обычно сидели по одному. Поставив сумку с бесценным грузом между собой и стеной вагона, Вера притулила сверху дамскую сумочку, скинула туфли и блаженно вытянула отекавшие и распухшие ноги. Господи, как мало нужно, чтобы почувствовать себя счастливой! Всего лишь сесть, снять туфли и иметь право сказать себе: «Я сделала это!» И не думать о Вячеславе Завгороднем, и не вспоминать о его жене, гордо носящей на своих платьях украденную когда-то брошку бабушки Рахили.

* * *

Привычный вид, открывавшийся с пригородной платформы, неизменно вселял в Веру Потапову успокоение, хотя был весьма далек от признанных мировым искусством эталонов гармонии и красоты. Красивого и уж тем более гармоничного на платформе «54-й километр» не было ничего. Хилые кусты, пожухлые деревья, грязно-зеленые жалкие островки

травы, покрывающие незаасфальтированную землю, выщербленные ступени без перил, ведущие с платформы, спускаться по которым в темноте — немалый риск для жизни. Деревянный домик, где продавались билеты на электрички. Чуть поодаль, рядом с единственным ветвистым деревом, еще один домик — павильон «Пиво — воды», где обычно коротали время мужчины, дожидавшиеся поезда или автобуса. Автобусная остановка — прямо за павильоном, с одной стороны которого горделиво красовались три круглых высоких одноногих пластиковых стола, а с другой, как знала Вера, лежало поваленное дерево — любимое место для тех, кто не привык вкушать пиво-водяные радости в положении стоя. «Посижу, — решила она, — все равно идти не могу, ноги болят, так хоть подожду с комфортом. Правда, костюм светлый, не очень-то правильно в нем садиться в таком сомнительном месте, но стоять — сил нет. Черт с ним, вернусь в Москву — сдам в химчистку».

Возле павильона, привалившись бочком к стене, лежала собака. Вероятно, она принадлежала продавщице пива, потому что Вера всегда видела эту псину, если павильон работал. Когда торговая точка бывала закрыта, то и собаки не было.

Собака явно задумывалась природой как ирландский волкодав. Но что-то не заладилось... Размером не больше спаниеля, несоразмерно длинноногая, с серой клочковатой спутанной шерстью, она напоминала старую тряпку, которой лет десять мыли заплесанный подъезд и ни разу не постирали. Собака взирала на всех проходящих мимо серьезными умными глазами, не выказывая ни малейшей агрессии или хотя бы враждебности.

Проходя мимо окошка павильона, Вера вдохнула кислый запах пива, заставивший ее поморщиться, и внезапно поняла, что голодна. Голодна настолько, что готова съесть даже рагу из тараканов. Поймав равнодушный и какой-то сонный взгляд толстой продавщицы в окошке, Вера остановилась и спросила:

— Простите, пожалуйста, а у вас, случайно, никакой еды нет? Хоть хлеба кусок, хоть что-нибудь, а то я до дома не дотяну.

Взгляд продавщицы стал сначала внимательным, потом сочувствующим. Не говоря ни слова, она полезла под прилавок и достала поднос с бутербродами: белый изрядно подсохший хлеб, заскорузлый сыр, подозрительного вида вареная колбаса. Вероятно, эти деликатесы изготавливались в крайне ограниченном количестве, на всех желающих их не хватало, и ушлая продавщица приберегала товарчик «для своих». Или для тех, кому «очень нужно» и кто, соответственно, готов заплатить больше, чем указано в прейскуранте. Вера не сомневалась, что объявленная

ей цена «с сыром — семнадцать копеек, с колбасой — двадцать» раза в два выше настоящей, но с готовностью открыла кошелек.

— А попить чего-нибудь горяченького? — осторожно проговорила она, боясь поверить в привалившее ей счастье.

Продавщица отрицательно покачала головой и фыркнула.

— Горячего нет, все холодное: пиво, «Тархун», «Буратино». Будете брать?

Поколебавшись, Вера взяла бутылку зеленого газированного напитка под названием «Тархун» и три завернутых в сомнительной чистоты бумагу бутерброда с сыром. Ей очень хотелось колбасы, но рисковать здоровьем она готова не была.

— Скажите, а собака — ваша? Или она бездомная?

Продавщица улыбнулась, и лицо ее сразу стало веселым и радостным, сонливость как рукой сняло, даже одутловатость, как показалось Вере, исчезла.

— Моя собачка, моя, Флорой звать. Вы не смотрите, что неказистая, она умная, как академик, и охранница — дай бог каждому! Так-то она добрая, никого зря не обидит, но тут у нас место такое... Сами понимаете. Я ж до девяти вечера работаю, летом-то светло еще, а осенью и зимой темнеет рано, да и мужики по холодному времени напиваются сильнее, так что всякое бывает. Тут уж мне без Флорушки моей никак нельзя, она одним своим рыком любого алкаша или бандита спугнет.

— Можно ее угостить?

— Да она не возьмет у чужого, вы что! Она ж приучена только из моих рук брать, а то народ-то всякий бывает, сами понимаете... Отравят еще, не приведи господь. Если хотите — заплатите за бутерброд, я ей сама дам, прямо при вас дам, чтобы вы не сомневались.

Вера положила на прилавок еще один двугривенный. Продавщица взяла с подноса бутерброд с колбасой, открыла дверь, запертую изнутри на засов, и протянула угощение собаке-недоволкодаву. Флора взяла еду осторожно, аккуратно, стараясь не задеть зубами руку хозяйки. Ела она с удовольствием, но без жадности, и было понятно, что кормят ее хорошо.

— Это тебе подарок от гражданочки, — ласково приговаривала продавщица, — кушай, моя хорошая, кушай, моя девочка.

С трудом удерживая в руках две сумки, открытую бутылку и бутерброды, Вера обошла павильон с намерением занять место на поваленном дереве, и чуть не чертыхнулась вслух от разочарования: место оказалось занято двумя мужиками, сидевшими к ней спиной и о чем-то разговаривавшими. Судя по тому, что они расположились лицом к

остановке и никак не реагировали на свист подходившей в это время к платформе электрички в сторону Москвы, они ждали именно автобус, и это с неизбежностью означало, что в ближайший час возжеленное место вряд ли освободится. Мужчины потягивали пиво прямо из бутылок и, похоже, чувствовали себя вполне комфортно.

Вера близоруко прищурилась, всматриваясь в спины сидящих мужчин и пытаясь хотя бы приблизительно определить, не будут ли они против, если она присядет рядом, на самом краешке, и не начнут ли приставать с глупостями... И вдруг поняла, что один из них — Верещагин.

Она открыла было рот, чтоб окликнуть его, но почему-то не сделала этого. Пройдя несколько шагов вперед, остановилась, тихонько поставила на траву сумку с диссертацией, дамскую сумочку зажала под мышкой и начала жевать бутерброд, запивая сладкой зеленой газировкой. Четкий звучный голос Олега Семеновича, доставшийся ему от отца-адмирала, был отлично слышен.

— ...Знаешь, откуда у людей все проблемы? От непонимания единства жизненного пространства, — говорил Верещагин.

— Поясни! — потребовал его собеседник хрипловатым тенорком.

— Все жизненное пространство человека организовано по одним и тем же законам. Нет такого, чтобы один закон был для войны, например, а для семьи он не действовал. Или чтобы в отношениях с детьми работал один закон, а в отношениях с руководством он не годился. Законы едины. Если они правильно сформулированы и правильно поняты, то годятся всегда и всюду.

— Ну, это ты хватил, — засомневался обладатель тенорка. — Как это может быть, чтобы законы войны в семейной жизни применялись? Не бывает такого. Семья это тебе не поле битвы, это же очаг, пристань тихая, понимать надо. А ты: война, война... Разве с бабами можно, как с солдатами?

— Не можно, а нужно. Только правильно, соблюдая законы. Вот смотри: есть закон, сформулированный Суворовым, помнишь?

— Про то, что каждый солдат должен знать свой маневр?

— Ну, именно! Золотые слова! Теперь смотри дальше: у меня было две жены, обе меня бросили. А знаешь, почему?

— И почему? — заинтересованно спросил тенорок. — Денег мало зарабатывал? Или, может, по этому делу?

Он выразительно щелкнул себя пальцем по горлу.

— Ни то и ни другое. Они своего маневра не знали. А я оказался плохим командиром и знания маневра не обеспечил. Я — человек военный,

служба у меня государева, рабочий день ненормированный, никогда не знаю, в котором часу смогу прибыть в распоряжение части, то есть домой. Живу в военном городке, вольнонаемных должностей не так много, меньше, чем офицерских жен в полку. Если у жены офицера профессия подходящая, врач, например, или учитель, то она себе работу найдет, а если нет — так и будет сидеть дома и ждать мужа с обедами и ужинами. Не пришел муж вовремя — еда остыла, жена злится, то и дело подогревает, потом начинает истерики закатывать. Да и немудрено, посиди-ка целый день на хозяйстве, не зная, в котором часу драгоценный супруг соизволит явиться, а жене-то надо дома быть, и чтобы все было готово, горячее, свежее, с пылу с жару, подать, убрать, помыть. Она ничего планировать не может — ни время свое, ни занятия какие-то, даже к подружкам сходить потрепаться — и то боязно: а вдруг сейчас командир придет? Кто угодно взбесится от такой жизни. А все почему? Потому, что правило нарушено, и солдат своего маневра не знал. Моя первая жена была технологом на текстильном комбинате, в военном городке ей делать было нечего, а я, дурак, в голову тогда не взял, решил, что любовь же — это не война. Вот и получил по самое не балуйся.

— А вторая жена? — с горячим любопытством спросил собеседник Верещагина.

— Так со второй то же самое получилось, я же про единство жизненного пространства тогда еще не понял, — охотно поделился Олег Семенович. — Вторая вообще работать не хотела, мечтала жить жизнью жены комполка, почему-то ей казалось, что такая жизнь — сплошная малина. Ну, года через три я, конечно, уже начал кое-как соображать, что к чему, и советовал ей найти себе занятие для души. Пусть бы хоть крестиком вышивала, хоть картины писала, хоть лобзиком выпиливала, или в полковом клубе музыкой занималась бы, там у нас отличный рояль стоял. Язык иностранный могла начать учить, взяла бы в библиотеке самоучитель. Да мало ли всяких интересных занятий и хобби! Займись, говорю, делом, не жди ты меня с этими рассольниками и котлетами, свари — и свободна, я сам разогрею, не безрукий же, и со стола уберу, и посуду вымою, труд невелик. Только не просиживай часами в тупом ожидании и не устраивай мне истерик за то, что котлеты потеряли вкус, потому что пять раз гретые. Я — командир, я отвечаю за каждого бойца, за каждого человека в своем полку, и я не приду домой, пока не буду уверен, что с каждым из них все в порядке.

Обладатель тенорка, возраст которого Вера, как ни силилась, определить не сумела, задумчиво покачал головой, сделал последний

глоток и бросил пустую бутылку в кусты.

— Ишь как, — проговорил он участливым тоном. — А в третий-то раз не пробовал жениться? Чтоб с учетом, как говорится, прежних ошибок? А то разговаривать ты силен, теории там всякие двигать, а на практике-то не проверил. Может, оно все и неправильно.

— Какие наши годы! — рассмеялся Олег. — Может, еще и проверю. Только в этот раз непременно выберу жену, у которой дело есть, занятие какое-нибудь, а лучше — несколько, чтобы она мне плешь не проедала своими пустыми ожиданиями у окна.

— Угу, — согласно промычал мужичок. — А эта, которую сейчас ждешь? Не годится в жены?

— А я откуда знаю? — весело откликнулся Верещагин. — Я ее в качестве жены не рассматривал. Подруга моей сестренки, одноклассница, просто помогаю по старой дружбе. У нее сегодня сумка тяжелая должна быть, если автобусом поедет — ничего, а если пешком пойдет, так надо помочь.

Вера дожевала третий бутерброд и с трудом проглотила: в горле стоял ком. Судорожно сделала несколько глотков газировки, показавшейся почему-то необыкновенно противной. Странно: такой длинный разговор — а Алька только один раз употребил свои излюбленные военные словечки. Когда он разговаривает с Верой, этих словечек бывает на три порядка больше. «Надо будет обязательно спросить об этом», — некстати подумала она.

— Следующая электричка из Москвы в двадцать полста шесть, — продолжал Олег озабоченно. — Задерживается моя красавица.

— Может, ты ее проглядел, и она уже давно дома?

— Не мог. Плацдарм занят правильно, и остановка, и дорога просматриваются отлично. Никак она не могла мимо меня пройти, чтобы я не увидел.

— Может, еще по паре пива взять, пока Ильинична палатку не закрыла?

— Мне достаточно, а себе возьми, если хочется, отчего ж нет?

Мужичок, кряхтя, поднялся и начал растирать поясницу, после чего полез в кусты за выброшенной бутылкой: если сдать продавщице пустую тару, то за пиво придется платить на двенадцать копеек меньше. Следом за ним легко, словно на пружинах, встал Олег Семенович, пробормотав себе под нос что-то вроде «ноги разомну». Одним прыжком перескочив через толстый ствол, он оказался лицом к лицу с Верой.

— Ты как здесь? — изумленно спросил он. — Какой электричкой?

Двадцать ноль пять давно прошла, а следующая только через полчаса.

Потом заметил пустую бутылку и смятую бумажку из-под бутербродов у нее в руке, матерчатую сумку на траве, у ее ног, что-то прикинул и прищурился.

— Давно стоишь?

— Давно, — честно призналась Вера.

— Подслушивала?

— Нет, просто стояла. Но было слышно, это правда.

— И много успела наслушать? — осведомился Верещагин, ничуть, по-видимому, не смутившись.

— Только про знание маневра и про то, что ты назвал меня своей красавицей.

— Так ты и есть красавица, — рассмеялся Олег.

Притяжательное местоимение он комментировать не стал. Поднял лежащую на траве сумку, окинул взглядом туфли на каблуках и кивнул:

— Иди присядь, в такой обуви ты на марш-бросок не способна, будем ждать транспорт.

Ловким движением он вытащил диссертацию из сумки, расправил ткань и положил на ствол.

— Садись на сумку, а то юбку испачкаешь.

Такое простое решение Вере даже в голову не приходило. А Олег тем временем достал из кармана шоколадку и протянул ей:

— Держи, погрызи. Шоколад для бойца — главное спасение, чтобы силы поддержать.

Благодарность горячей волной поднялась в ней, затопила и стала выливаться наружу слезами, смывавшими всю горечь от недавней встречи с Завгородними.

— Э, Примерка, ты что?! — забеспокоился Верещагин. — Диссертация переплетена, значит, все идет по плану, Ученый секретарь дал добро на маневр. Чего ж ты реवेशь?

Подполковник милиции Вера Леонидовна Потапова плакала отчаянно и неудержимо, но почему-то с каждой секундой ей становилось легче и светлее на душе. Собеседник Олега, взявший еще одну бутылку пива, деликатно остановился в сторонке, присаживаться не стал. Вера постепенно успокаивалась, шмыгала носом и слушала мерный четкий голос Верещагина, рассказывавшего, что и как он сделал в ее квартире за два минувших вечера, как приехал сегодня на дачу, обнаружил, что дверь заперта, спрятал в укромное место сумки с продуктами и отправился встречать Веру к платформе, рассудив, что если все пойдет по намеченному

плану, то ей придется тащить толстый том, а если нет — она будет расстроена, и надо бы оказать моральную поддержку потерпевшему неудачу товарищу.

Вера подняла на него заплаканные глаза и вдруг, неожиданно для самой себя, выпалила:

— Верецагин, а ты можешь на мне жениться?

Олег слегка оторопел, но сориентировался мгновенно.

— А почему нет? Ты же знаешь, жениться я люблю. Но только если ты мне пообещаешь, что не будешь оголтелой домохозяйкой.

— Обещаю, — твердо ответила Вера Леонидовна. — Я ею никогда не была и становиться на старости лет не собираюсь.

— Договорились, — легко ответил он таким тоном, как будто они улаживались о времени встречи где-нибудь в метро «у первого вагона в сторону центра».

* * *

— Орлов, тебя зам по кадрам вызывает, — сообщил встретившийся Борису в коридоре коллега.

Борис пожал плечами и кивнул, дескать, «я тебя услышал». Бежать, ломая ноги, в кабинет недавно назначенного нового заместителя начальника УВД по кадровой работе он не собирался, испытывая вполне объяснимую неприязнь к переведенному из райкома партии чужаку, не имеющему юридического образования, да которому вдобавок, в обход всех правил, специальное звание «майор милиции» присвоили не через полгода, как всем, кто приходит с гражданки, а практически сразу же. Это поветрие началось еще в конце прошлого года, когда объявили крестовый поход против нарушений трудовой дисциплины. Стали вылавливать сотрудников, находящихся на рабочих местах в нетрезвом виде, и безжалостно увольнять «за пьянку», назначая вместо них партийных и комсомольских активистов, не имеющих ни специальной подготовки, ни хоть какого-нибудь представления о том, как нужно предупреждать и раскрывать преступления. Следователей пока не особо трогали, все-таки для занятия этой должности обязательно нужно иметь высшее юридическое образование, такого сотрудника абы кем не заменишь. А вот все остальные службы подверглись существенной перетряске, в том числе и оперативные подразделения, и именно это последнее обстоятельство немедленно и очень существенно сказалось на эффективности работы. Старых опытных

сыщиков, которые умели раскрывать преступления и учили этому молодежь, начали выгонять, поймав за распитием спиртного в служебном кабинете. Конечно, пьянство — зло, с этим никто и не спорит. Но хороший опер должен уметь пить, более того, он должен выпивать систематически, иначе он просто не сможет работать, и эта немудреная истина отлично известна всем, кто профессионально имеет дело с раскрытием и расследованием преступлений.

Раскладывая полученные только что в секретариате документы по папкам с уголовными делами, находящимися у него в производстве, старший лейтенант Орлов лениво размышлял о том, зачем его вызывает новый зам по кадрам. Наверняка собирается строго спросить, почему комсомолец Орлов не проявляет должной активности в общественной жизни, и поручить ему сделать какой-нибудь доклад на очередных политзанятиях про роль КПСС в организации борьбы с преступностью. Тоска смертная...

Закончив с бумагами, Борис посмотрел на часы: до назначенного опознания по делу о групповом хулиганстве еще двадцать минут. Ладно, сходит он к этому назначенцу, пока время есть. А то ведь не отстанет и начнет дергать в самый разгар работы.

Перед дверью в начальственный кабинет Борис приостановился, чтобы сосредоточиться и придать себе вид деловой и уважительный.

— Разрешите, товарищ майор?

Зам по кадрам — мужчина лет тридцати пяти с открытым дружелюбным лицом, в новенькой форме с сияющими звездами на погонах — улыбочиво закивал.

— Орлов? Проходи, проходи, присаживайся.

— Спасибо, я пешком постою, — ответил Борис прежде, чем успел спохватиться и сообразить, что его известная всем коллегам манера изъясняться цитатами из кинофильмов в данной ситуации может оказаться не вполне уместной.

Но было поздно. Слово вылетело.

— Шутишь? — вздернул светлые брови майор. — Это хорошо. Значит, разговор у нас пойдет весело.

Да уж, большое веселье — шерстить материалы последнего съезда КПСС и постановлений ЦК и Правительства...

— Значит, так, Орлов, слушай сюда. У тебя в производстве находится дело о спекуляции, так?

— Так точно, товарищ майор. Четыре.

Кадровик растерялся, глянул непонимающе.

— Что — четыре?

— У меня в производстве находятся четыре различных уголовных дела по обвинению в спекуляции, — четко и невозмутимо ответил Борис. — Какое именно дело вас интересует?

— Грампластинки. Там группу два дня назад взяли возле «Горбушки» и возбудились сразу же.

Орлова передернуло. Отец-адвокат и мама, всю жизнь имевшая дело с выступлениями либо в суде, либо перед научной и студенческой аудиторией, с самого детства прививали ему культуру речи, неотъемлемой частью которой стал запрет на использование профессионального жаргона вне профессиональной среды. Назвать Дворец культуры имени Горбунова «Горбушкой» — еще так-сяк, допустимо, все москвичи пользуются этим названием, но слово «возбудились» в устах человека, не проработавшего в УВД и месяца, звучало просто оскорбительно. Да кем он себя возомнил, этот партийный деятель? Ничего, Борис его замучает служебными формулировками — мало ему не покажется.

— Так точно, товарищ майор, дело возбуждено дежурным следователем и по указанию начальника следственного отдела передано мне для производства предварительного расследования.

Майор, кажется, подвоха не почуял и счел демонстративно-правильные слова старшего лейтенанта ярким проявлением уважения к вышестоящему руководителю. Он слегка улыбнулся, поощрительно и покровительственно.

— Там у вас среди задержанных есть такой Шальков.

«Все понятно, — тоскливо подумал Борис. — Чей-то сынок из числа товарищей по работе в райкоме. Сейчас начнется... Почти все ребята из следствия уже жаловались на то, что новые назначенцы постоянно продавливают интересы своих протекже, только меня одного до сегодняшнего дня чаша сия миновала. Вот и мой черед пришел. Сразу послать или поцарапаться и попытаться покорчить рожи?»

Он решил поцарапаться.

— Так точно, товарищ майор, есть такой задержанный.

Правила игры предполагали, что следователь Орлов должен сам все понять и немедленно заверить руководство, что все будет сделано в лучшем виде и в кратчайшие сроки, уголовное преследование против спекулянта Шалькова будет прекращено, парень пойдет свидетелем, который попал под задержание совершенно случайно, оказавшись не в то время не в том месте. Ну, словом, все как обычно. Подобные вещи и раньше случались, но всегда такие «просьбы» имели на самом деле характер указания, потому

что исходили от начальника следственного отдела, который тем самым и брал на себя ответственность. Следователь — фигура процессуально самостоятельная, и если кто и имеет право давать ему указания, то только и единственно его непосредственный начальник, да и то далеко не по всем вопросам. Просьбы сомнительного толка, переданные не через начальника, а озвученные людьми, не имеющими к следствию или к оперативной работе никакого отношения, считались не просто неприличными — недопустимыми. Вливание партийно-комсомольских кадров в систему МВД начало разрушать один из главных оплотов профессиональной этики.

Борис стоял и молча смотрел на заместителя начальника РУВД, ожидая продолжения. Помогать ему он не собирался.

— Хороший парень, — уверенно продолжал майор, — надо ему помочь.

— Хорошие парни не занимаются спекуляцией, товарищ майор. Шальков был задержан с поличным, при нем обнаружены и изъяты более десяти грампластинок, произведенных в США и Великобритании, предназначенных для продажи с рук по спекулятивным ценам. Данный состав предусмотрен статьей сто пятьдесят четвертой Уголовного кодекса Российской Федерации.

— Но парню надо помочь, — с напором повторил все еще не чуявший подвоха замначальника. — Его отец — уважаемый человек, инструктор горкома партии.

— Отец гражданина Шалькова к уголовной ответственности за спекуляцию мною не привлекается, — отчеканил Борис. — К ответственности привлекается сын, который не является ни инструктором горкома партии, ни уважаемым человеком.

Старший лейтенант Орлов очень хорошо умел строить из себя идиота служаку и пользовался этим умением по мере необходимости.

До кадровика, кажется, начало что-то доходить. Он сурово нахмурился и с укоризной посмотрел на следователя.

— Зачем ты так, Орлов? Ты же опытный следак, не первый год работаешь, чего ты ломаешься, как барышня на свидании?

И снова Бориса передернуло от этого со смаком произнесенного «следак».

— Товарищ майор, я только отвечаю на ваши вопросы. Да, дело о группе спекулянтов, задержанных возле Дворца культуры имени Горбунова, находится у меня в производстве. И — да, среди задержанных имеется гражданин Шальков. Других вопросов вы мне не задавали, и каких ответов вы теперь от меня ждете, я не понимаю.

Лицо зама по кадровой работе медленно налилось кроваво-красной яростью.

— Значит, не поможешь парню? — процедил он.

— Никак нет. В рамках предоставленных мне законом полномочий не имею такой возможности.

— И не боишься, что его отец тебя закопает по самую макушку? Больно ты храбрый, Орлов, не к добру это. Или ты, может, думаешь, что ты самый умный и самый хитрый?

— Я не храбрый, не умный и не хитрый, товарищ майор. Я просто честный. Разрешите идти? У меня опознание назначено.

— Иди, Орлов. Но как бы тебе об этом не пожалеть. Если передумаешь — заходи.

Борис развернулся и, печатая шаг, пошел к двери. Но в самый последний момент не удержался, обернулся и произнес свою любимую фразу, почерпнутую из американских фильмов, которые удалось посмотреть в период ухаживания за Таней:

— Ничего личного.

* * *

Судебная истина (как и всякая, впрочем, другая!) дается нелегко... и в уголовном деле недостаточно быть только невинным, надо еще уметь по суду объявить себя таковым! Подвиг самооправдания так же труден для невинного, как и для виновного. И для того и для другого формы и условия те же. Им одинаково не верят, они одинаково сидят на скамье подсудимых, которая имеет свою особую не написанную еще психологию. Этого не должен забывать ни один судья. Соблазн осудить, когда самоуверенно судишь, очень велик.

Из защитительной речи Н. П. Карабчевского на судебном процессе по обвинению братьев Скитских

Предписанные докторами ежедневные пешие прогулки неожиданно быстро вошли у Александра Ивановича Орлова в привычку. Он, прежде проводивший свободное время в кресле или на диване, в кино или театре и предпочитавший передвигаться на автомобиле, вдруг стал чувствовать, что ему чего-то не хватает, если не отгулял в среднем темпе как минимум час.

Участковый терапевт предупредила, что до конца июня больной Орлов может даже не мечтать о закрытии больничного, а заведующий юридической консультацией сказал, что без оформленного больничного листа юрисконсульт Орлов не может заключать соглашения о принятии защиты, потому что официально его на рабочем месте нет.

— Саня, это очень удачно получилось, — уговаривала мужа Людмила Анатольевна, — маклер подыскивает нам варианты обмена, люди будут приезжать смотреть нашу квартиру, а ты всегда можешь быть дома в нужный момент. С моим расписанием это трудно, у меня же то очники, то вечерники, то заочники, то заседание кафедры, то ученый совет. Если бы еще и ты сейчас работал, мы бы замучились...

В этом была своя правда, и Орлов смирился. Профессиональная карьера не пострадает, а жилищный вопрос решать необходимо. Каждое утро он созванивался с маклером, выяснял, нужно ли сегодня быть дома и в котором часу, проводил «смотрины», если они были назначены, и отправлялся на прогулку, поставив перед собой задачу как можно лучше изучить свой микрорайон. Ответить на вопрос: «Зачем это нужно, если они собираются в ближайшее время переезжать отсюда?», Александр Иванович не смог бы. Просто ему хотелось, чтобы прогулки не были совершенно бесцельными. Петляя по проходным дворам и сворачивая то вправо, то влево, он старался запомнить, где находятся прачечная, химчистка, сберкасса, музыкальная школа, магазин канцтоваров, с изумлением констатируя, что ухитрился прожить здесь много лет и не знать, куда относить белье в стирку или где купить блокноты. Всем этим всегда занималась Люсенька, а после ее ухода — Танюшка и Боря. Сам Орлов хорошо ориентировался только в продуктовых магазинах, умел правильно выбирать мясо для любого блюда, знал, в каком «молочном» чаще всего бывает майонез, почему-то ставший дефицитом, и всегда безошибочно помнил, в котором часу в булочную привозят свежий, прямо из пекарни, хлеб. Этим его участие в домашнем хозяйстве и ограничивалось.

Регулярные променады открыли Александру Ивановичу еще одно незнакомое ранее явление: оказалось, что мерная длительная ходьба помогает ему думать. Мысли его постоянно крутились вокруг жены и дочери, все прочее занимало Орлова куда меньше. Как вести себя с Люсей? Нужно ли выстраивать новые отношения с ней или оставить все, как было до ее ухода? Нужно ли спрашивать ее о чем-то? И самое главное — хочет ли он сам об этом «чем-то» знать? Имеет ли это хоть какой-то смысл? Как устроить, чтобы помогать Аллочке, поддерживать ее, видаться с ней и с внуком, и при этом не вызывать подозрений жены и ее неудовольствия, а

заодно и избежать пересудов?

Людмила Анатольевна, вернувшись в семью, вела себя совершенно как прежде, словно и не было ее трехлетнего романа с режиссером Хвылей, и не было тех нескольких месяцев, когда она не жила дома. Ни малейших проявлений чувства вины, никаких заискивающих попыток искупить измену и ни слова о том, что произошло. «Я бы так не смог, — думал Орлов, вышагивая по бульвару, обсаженному тополями, то и дело морщась от летящего со всех сторон пуха, щекотно задевающего лицо. — В чем же разница между мной и Люсенькой? Почему она может, а я нет?»

Ответ пришел неожиданно и в первый момент показался Орлову смешным. Почему Люся с таким увлечением и азартом столько лет занимается гражданским правом и процессом, которые ему, Орлову, кажутся невыносимо скучными? Почему сам Александр Иванович, не один десяток лет имеющий дело с материей уголовно-правовой и уголовно-процессуальной, продолжает искренне считать, что эта отрасль права — самая интересная? Да потому, что у них с женой разное мышление, и каждый из них выбрал именно ту отрасль права, которая этому мышлению соответствует. Уголовное судопроизводство суть яростное нападение и отчаянная попытка защититься. Осознание своего права обвинять и своей правоты, которые на самом деле есть не что иное, как гордыня. Панический страх быть уличенным и наказанным и еще больший ужас перед перспективой быть обвиненным несправедливо. Истерика и невроз. Мышлению и всему эмоциональному строю Александра Орлова это вполне подходило, во всяком случае, не вызывало отторжения в то время, когда он выбирал специализацию. А вот Люсенька гражданское право не выбирала, оказалась на кафедре случайно, но потом, когда появилась возможность уйти в другую специальность, не стала ничего менять и продолжала заниматься цивилистикой. Почему? Да потому, что именно гражданское право в наибольшей, как оказалось, степени соответствовало ее внутреннему устройству. Не «обвинить и покарать во что бы то ни стало, пусть даже ценой разрушения множества жизней ни в чем не повинных людей», а «оценить ущерб, разработать способ его возмещения и найти разумный компромисс». Что толку в чувстве вины и в покаянном битье себя в грудь? Что толку в услужливости и заискивании перед мужем, которому ты изменила? Отношениям, любви и доверию нанесен ущерб, и исправить ситуацию можно только одним способом: вернуть все в то состояние, какое было до причинения ущерба. Если ты залил соседа — сделай сам или оплати ремонт, чтобы все стало, как было прежде. Соседу совсем не хочется жить с пятном на потолке и с отвалившимися обоями и

каждый день слушать твои извинения.

«Мне никогда не приходило в голову, что между двумя отраслями права такая огромная психологическая разница, — с изумлением говорил себе Александр Иванович. — И точно такая же разница по идее должна быть между людьми, по многу лет серьезно и заинтересованно занимающимися криминальным циклом и цивилистикой».

Теперь он находил особое удовольствие в том, чтобы проверять свою неожиданную теорию на примерах знакомых юристов. Орлов, выходя на ежедневную прогулку, заранее решал, кого собирается сегодня вспоминать и чьи высказывания и поступки оценивать... Теория далеко не во всех случаях находила свое подтверждение, и Александр Иванович либо старался отточить формулировки и усовершенствовать саму теорию, либо вынужден был признать, что недостаточно хорошо знает человека, которого попытался проанализировать.

Сегодня он мысленно разбирал поступки и слова заведующего консультацией — старого опытного специалиста в области трудового права, когда внезапно столкнулся с сыном. Борис вышел из маршрутки совсем не в том месте, где Орловы обычно просили водителя остановить микроавтобус, чтобы попасть домой.

— Привет, пап. А я еду, смотрю — ты идешь, попросил остановить.

— Зачем же ты вышел? — с упреком покачал головой Александр Иванович. — Отсюда до дома минут тридцать идти, а тебя Танюшка ждет с ужином. Ты же наверняка голодный.

— Я с тобой прогуляюсь, не возражаешь?

Александр Иванович был реалистом, весьма далеким от радужных мыслей о том, что двадцатилетний женатый сын, офицер милиции, может просто так, без всякой веской причины, захотеть погулять по улице в обществе немолодого отца. Значит, что-то случилось. Что-то такое, о чем Борьке не хочется говорить дома в присутствии матери и жены.

И сразу тягостно заняло сердце: он вспомнил, как в прошлом году Борька точно так же, после работы, захотел обсудить проблему наедине с отцом. В тот раз речь шла о Люсеньке и ее отношениях с мужем Аллы. Неужели только-только наладившейся жизни Орловых опять грозят неприятности?

Он молча шагал рядом с сыном, терпеливо ожидая, когда тот заговорит.

— Знаешь, пап, я в последнее время все чаще вспоминаю твои слова, которые ты сказал, когда нашим министром назначили председателя КГБ.

— Да, — осторожно усмехнулся Орлов, — помню, я сказал, что это

конец. И что?

— Я тогда не понял, о чем ты. Мне даже в голову не могло прийти, что так будет. Такое в страшном сне не приснится. Ребята рассказывали, конечно, но я все надеялся, что как-то обойдется, по крайней мере, для меня лично.

— Не обошлось?

— Нет.

Александр Иванович выслушал сына внимательно, не перебивая и не задавая никаких вопросов.

— Плохо, — констатировал он, когда Борис умолк. — Очень плохо и очень печально. Хочешь уходить со следствия? Куда? Лучше всего — в адъюнктуру, можно хоть в Высшую школу, хоть в Академию. Или хочешь вообще снять погоны? Просто так тебя, конечно, не отпустят по Положению о прохождении службы, у тебя выслуги всего четыре года плюс два с половиной года за университет, этого слишком мало для отставки, но можно организовать диагноз какой-нибудь, и тебя комиссуют...

— Я не хочу никуда уходить, — перебил отца Борис. — Я люблю свою работу, умею ее делать и хочу на ней остаться. Это не обсуждается. В связи с этим у меня к тебе два вопроса, вернее, на самом деле вопрос только один, просто он распадается на две части. Если я попаду в немилость у руководства, это может как-то сказаться на тебе, маме, Танюшке или тете Вере? Вам могут реально повредить?

— Давай рассуждать, — с готовностью откликнулся Орлов. — Начнем с мамы. Она — заместитель заведующего кафедрой. Завкафедрой ее все равно никогда не назначат, она не доктор наук. Понизить в должности ее не за что, она прекрасный ученый и преподаватель, ее обожают и коллеги, и студенты. Значит, помешать ее карьерному росту практически невозможно, потому что этого роста все равно не предвидится. Танюшка работает в своем НИИ и считается, насколько мне известно, талантливым инженером, а там, где дело касается транспортной инженерии, никто не возьмет на себя смелость заменить надежного специалиста не пойми кем, там все серьезно. Малейшая ошибка в проекте — и последствия такие, что и сесть недолго. Верочка — пожалуй, да, это слабое звено, она носит погоны и поэтому крайне уязвима, если кто-то внутри системы захочет ей напакостить. Но она всего лишь твоя теща, мать твоей жены. Вряд ли кто-то решит, что через Веру можно давить на тебя. И потом, не забывай, что Верочка — отнюдь не хрупкий цветок, она зубастая и очень сильная, ее так просто не сломаешь.

— А ты?

— А что я? Кому нужен старый адвокат? Да и на чем меня взять? К чему меня можно принудить? Запретить мне заниматься адвокатской практикой по уголовным делам невозможно, для этого нет оснований, закон, слава богу, разрешает любому гражданину выступать защитником в суде, а уйти из консультации на пенсию я и так могу в любой момент, возраст позволяет. Обо мне ты меньше всего беспокойся, я без куска хлеба не останусь, что бы ни случилось. Жилье нам не нужно, ни в каких очередях мы не стоим, детей, поступающих в институт, в нашей семье нет. Ну а подвести под статью и посадить... в принципе могут кого угодно, было бы желание. Но ты пока не того полета птица, и в производстве у тебя не может быть дел настолько серьезных, чтобы ради их развала идти на такие крайние меры. Так что если хочешь оставаться на следствии — оставайся, работай спокойно и ни о чем не думай.

— А мама? — настойчиво спросил Борис. — Ее не могут привлечь за контакты с диссидентами, если захотят на меня надавить?

— Это вряд ли, — улыбнулся Орлов-старший. — Мамины контакты с диссидентами закончились в тот самый момент, когда она решила расстаться с Андреем Викторовичем. Он когда-то ввел ее в это сообщество, оно действительно стало неотъемлемой частью ее жизни, но с той жизнью покончено.

— Ты точно знаешь?

— Так сказала мама. И я ей верю.

— Пап... — Борис помялся, словно не решаясь продолжить. — Почему мама вернулась? Мы никогда не говорим об этом, ничего не обсуждаем. Просто она привезла тебя из санатория и осталась, в тот день я вечером вернулся с работы — а она дома, как будто и не уходила. Ты не подумай, я очень рад, что она вернулась и что вы с ней... ну, все мы снова вместе. Но... Понимаешь, мне неуютно, когда я живу в семье и чего-то в этой семье не понимаю.

Александр Иванович не знал, что ответить. Некоторое время он шел молча, потом заговорил:

— Сынок, я не знаю, что думает и чувствует мама. Лучше тебе спросить у нее самой. Если же тебя интересует, почему я позволил ей вернуться, то скажу: я ее люблю. Очень люблю. И всегда любил. Мне не нужна никакая другая женщина. Моя жизнь может быть только либо с мамой, либо в одиночестве, если мама захочет от меня уйти. Никакого третьего варианта быть не может.

— Мама считает, что у тебя был роман с Аллой, — заметил Борис. — Или был, или до сих пор есть. И не только мама так думает.

— Я понимаю, — горько улыбнулся Александр Иванович. — И хочу, чтобы ты знал: это неправда, и правдой никогда не было и не будет. Ты говорил, что твой вопрос распадается на две части. Первую мы обсудили. В чем состоит вторая часть?

— Понимаешь, пап, если я остаюсь на следствии, то мне нужно решить, какую стратегию выбирать. Можно попытаться подладиться под эти новые правила, выполнять всякие мерзкие просьбы и просьбочки, делать, как велят, но за это иметь возможность заниматься любимым делом. Можно не подлаживаться, а только делать вид, что иду на поводу и соглашаюсь выполнить просьбу, но на самом деле поступать правильно и при этом изображать из себя услужливого дурака. Получится, что вроде я и не сделал так, как просили, но я ведь старался, и особо ругать меня не за что. Выкрутиться всегда можно, если хорошенько подумать. А можно просто честно служить своему делу и посылать всех просителей лесом. Мне будут объявлять выговоры с занесением в личное дело, лишать премий, ругать на всех совещаниях, короче, пугать мною детей. И в один прекрасный момент переведут на другую должность, не связанную со следствием, а на мое место возьмут какого-нибудь партийного или комсомольского деятеля, который когда-то учился на юрфаке и получил образование, позволяющее заниматься следственной работой. Да, он ни одного дня не работал юристом и давно забыл, как выглядит кодекс, да, он не умеет расследовать уголовные дела и живого преступника в глаза не видел, но кого это волнует, если он будет послушным и удобным? Вот три стратегии, других я пока не вижу. Можешь посоветовать что-нибудь?

Если бы Миша Штейнберг обратился с таким вопросом к своему отцу, Иосиф Ефимович, наверное, сказал бы: «Не ссорься с властью, сынок, евреев нигде не любят, не надо лезть на рожон». Прав был бы доктор Штейнберг или нет, и вообще сказал бы он это или ответил бы иначе — теперь никто не знает. А что ответил бы Александр Игнатьевич Раевский, ценой лишений, унижений и в итоге ценой собственной жизни расплатившийся за возможность заниматься любимым делом? «Если я не могу быть Штейнбергом, то должен быть потомком Раевского», — подумал Александр Иванович.

— Работай честно, сынок, — тихо сказал он. — Не прогибайся и не подлаживайся. Делай свое дело, служи ему. О нас не беспокойся. Если окажется, что ты не нужен системе и она тебя отторгает, — уйдешь. Но только тогда, не раньше.

— Спасибо, пап, я понял, — так же тихо ответил Борис.

До самого дома они не проронили больше ни слова. И в такт шагам в

голове Александра Ивановича Орлова билась одна мысль: «Я вор и лжец. Я вор и лжец. Я вор и лжец...»

* * *

Генерал Верещагин выполнил свои обещания: перевез Веру Леонидовну в отремонтированную «под ключ» квартиру и купил огромный торт для ее встречи со школьной подругой. Вера очень волновалась, когда они ехали к Катерине: все-таки не виделись больше тридцати лет...

— Ты не обращай внимания на то, как Катюха разговаривает, — говорил Олег Семенович, поддерживая Веру под локоть в трясущемся вагоне метро. — Она же в горячем цеху всю жизнь проработала, там шум страшный, друг друга не услышишь, если не орать во весь голос. Вот она и приучилась громко разговаривать. С непривычки может раздражать. Кто не в курсе — сперва даже пугаются, что она сердится.

— Катя сильно изменилась? — опасливо спрашивала Вера.

— Сама увидишь, — усмехался в ответ Олег Семенович.

Из высокой статной красавицы Катерина Верещагина превратилась в полную обрюзгшую тетку, при взгляде на которую невозможно было даже допустить мысль о том, что это женщина когда-то мечтала о сценической карьере. Точеные черты лица, доставшиеся от отца, с годами размякли и расплылись, волосы испорчены химическими завивками, фигура заметно отяжелела. «Если бы встретила на улице — ни за что не узнала бы», — огорченно подумала Вера.

Однако безжалостные изменения коснулись большей частью только внешности Катерины. Характер у нее остался прежним — беззаботным, легкомысленным и слегка хулиганским. Она по-прежнему замечала все «неправильности» и «несправедливости» в поведении окружающих и стремилась непременно «наказать, а лучше — отомстить».

— Ну ты только подумай! — громогласно возмущалась она, когда бывшие одноклассницы уже вкратце пересказали друг другу свою жизнь за последние тридцать лет и принялись обсуждать нынешнее существование. — Эта кикимора держит в квартире восемь кошек при полной антисанитарии! И днем открывает дверь и выпускает их гулять по лестнице. Она, видите ли, не может обеспечить им в маленькой квартире режим двигательной активности, так пусть, дескать, по лестнице побегают. А они и бегают! При этом еще и писают и какают на той же лестнице. Воньца стоит — не продохнуть! Уж сколько раз я ей говорила, и просила, и

увещевала, и объясняла — все без толку. Ничего, я уже план целый разработала, как на эту стерву воздействовать. Эх, жалко, с тремя пацанами времени свободного совсем нет, а то я б давно уже ее в чувство привела. Хорошо, что Алька ребят на себя взял, а то нам с тобой не поговорить было бы.

Верещагин увел внуков сестры играть во двор, чтобы Вера с Катериной могли спокойно пообщаться хотя бы пару часов.

— Ты совсем не изменилась, — улыбнулась Вера. — Как была хулиганкой — так и осталась. Всегда была у нас главным народным мстителем.

— Ну а как же? — удивилась Катерина. — Если им окорот не давать, так совсем распустиятся. Любое зло должно быть наказано. Годы-то — они только в паспорте да в зеркале видны, а в душе мы не взрослеем и мало меняемся. Конечно, иногда и наоборот бывает: внешне человек вроде бы все тот же, а изнутри — совсем другой стал. Вот ты, Верка, внешне какая была — такая и осталась, Алька тебя с первого взгляда узнал, будто и не прошло всех этих лет... Красивая, морщин почти нет, и даже не растолстела, не то что я. А с личной жизнью у тебя что? Мужик есть?

— Нет, — рассмеялась Вера. — Я пока замужем за своей диссертацией.

Катерина посмотрела на нее прищурившись, в когда-то ярких, а теперь выцветших глазах мелькнул интерес.

— А что у вас с Алькой происходит? Только не вздумай мне врать. Хватит и того, что Алька на все мои вопросы меня посылает. Так хоть ты правду скажи.

— А что у нас происходит? — делано удивилась Вера.

Вопрос был ей неприятен. Она и сама не знала, что происходит между ней и Олегом. И не была готова обсуждать это с человеком, которого знала много лет назад и который мог очень сильно измениться, став практически чужим, незнакомым.

— Вот об этом я тебя и спрашиваю! Ремонт он тебе сделал, на даче обихаживал, пока ты там жила. Спрашиваю: «Жениться надумал, что ли?» — молчит, усмехается только. Так есть между вами что-то, или так, от скуки развлекаетесь?

— Кать, не веришь: не развлекаемся. Вообще ни разу не было, чем хочешь поклянусь.

— А что ж тогда? Ты не юли, Верка, я все вижу.

— Что ты видишь? Ну вот что ты можешь видеть, если ничего нет?

— Ну, может, того, о чем я подумала, и вправду нет. Значит, что-то

другое есть. Но что-то есть, это точно. Вам как будто неудобно вместе, неловко, что ли...

Проницательная Катерина не ошиблась: им действительно было немного неловко. После того разговора в ожидании автобуса ни Вера Леонидовна, ни Олег Семенович тему больше не поднимали, словно и не было ни ее вопроса «А ты можешь на мне жениться?», ни его веселого ответа. Вера проклинала себя за то, что произнесла эти слова. Просто день был сложным, напряженным, она смертельно устала, а встреча с Завгородними окончательно выбила ее из колеи, и она злилась, что опоздала на электричку и на автобус. Вот и брякнула глупость какую-то... В тот момент ей так захотелось, чтобы рядом было надежное плечо, на которое можно переложить хотя бы капельку собственной тяжести! И этим плечом там, на остановке, возле поваленного дерева, оказался именно Олег. Она упустила время. Нужно было сразу, в тот же вечер рассказать ему все про Завгородних, объяснить, почему она расстроена и какие чувства ее мучают, пожаловаться на усталость и нервозность, и он наверняка понял бы все правильно и отнесся бы к ее словам как к неконтролируемому всплеску эмоций. Но Вера этого не сделала. Она промолчала. И Олег теперь не понимает, как себя вести. Сделать вид, что воспринял все как шутку, пусть и неуместную? А вдруг Вера говорила серьезно и теперь ждет от него определенных шагов? Или начать вести себя как будущий муж и нарваться на негодование и отпор, а потом еще и оказаться высмеянным? Или он тоже жалеет о своих словах, но боится, что Вера восприняла их всерьез, и не знает, как пойти на попятный? Глупость какая-то! В пятьдесят два года, имея опыт замужества и нескольких вполне серьезных романов, загнать себя в совершенно подростковую ситуацию — это надо было ухитриться!

«А, ладно, — решила Вера, — скажу все как есть. Но без подробностей».

— Понимаешь, Катюша, я сделала ужасную глупость, простить себе не могу. Настроение было паршивое, неприятности всякие на работе, устала очень, а Алик попал под настроение, и я спросила, может ли он на мне жениться.

— Ого! — всплеснула руками Катерина. — А он что?

— Сказал, что запросто, потому что жениться он вообще любит. Но он поставил условие.

— Какое?

— Не важно, какое. Важно, что я это условие приняла. То есть сам разговор получился таким, как будто у нас все серьезно насчет создания

семьи. И теперь ни он, ни я не понимаем, что с этим делать.

— То есть ты за него замуж не собираешься, что ли?

— В том-то и дело, что нет. И не собиралась никогда. Просто ляпнула с дурна ума. Ты же меня знаешь, я сначала говорю, а потом думаю. С детства такой была.

— Что да — то да, — вздохнула Катерина. — Твой язык всегда впереди тебя бежал, это точно. Но Алька-то тебе хотя бы нравится как мужик?

— Да не знаю я! — взорвалась внезапно Вера. — Я о нем как о мужике вообще не думаю. Он друг для меня. Человек, который, встретив меня через бог знает сколько лет, тут же предложил помощь и все организовал. А я, идиотка, вместо благодарности поставила его в такое дурацкое положение.

— Чего ты орешь-то? — обиженно проговорила Катерина. — Взвилась, как укушенная. Можно подумать, что Алька — инвалид какой-то, без профессии и без заработка. А он генерал, между прочим, если ты забыла. Таких, как он, еще наищешься.

Ну вот, как всегда... Катерине кажется, что ее родного брата сочли недостойным, о нем даже думать как о мужчине отказываются. А ведь Вера говорила совсем не об этом. Просто она не потрудилась сформулировать свою мысль так, чтобы все стало понятно без двусмысленности и при этом не звучало оскорбительно.

— Алик замечательный, — примирительно заговорила Вера, — и тысячи женщин были бы счастливы стать его женой. Просто я как-то не думала в этом направлении.

— А ты подумай, — назидательно ответила Катерина. — Чего тебе одной-то маяться?

— Да я не маюсь, меня все устраивает.

— Это пока. Если сейчас не маешься, то потом обязательно начнешь, вот поверь мне. И выскочишь за первого встречного, кто поманит, только чтобы одной не куковать.

— Ой, Катюша, — рассмеялась Вера Леонидовна, — ну кто меня поманит-то? Кому я нужна? Дочку уже замуж выдала, вот-вот бабушкой стану, а ты меня сватаешь. Не смейся!

— Ладно, не буду смешить. — Катерина озабоченно посмотрела на часы. — Через десять минут Алька ребят приведет, им обедать пора, так что о смешном поговорить больше не получится. Поэтому скажу о серьезном: ты, Верка, дурака валяешь. Когда говорят, что бабий век — короткий, не верь, это вранье. Бабий век длинный, не зря же мы дольше

мужиков живем. Бабий век длится ровно столько лет, сколько рядом с нами находятся мужики, которые к нам хорошо относятся и заботятся о нас. Не Алька — так другой, но кто-то обязательно нужен. А ты крест на себе поставила. Неправильно это. Вот на меня посмотри: толстая, зубов половины нету, коронки одни во рту, здоровье все в цеху своем оставила, внуков трое, куда уж мне, казалось бы, да?

— Ну что ты говоришь, Катюша...

— Вот то и говорю. Даже я на себе крест не ставлю. А уж тебе-то тем более не надо.

Обсуждать с Катериной матримониальные перспективы почему-то совсем не хотелось, и Вера свернула разговор, переведя его на семью Катиной дочери. Через несколько минут хлопнула входная дверь, из прихожей донеслись детские голоса и топот трех пар маленьких ножек. Вера засобиралась уходить.

— Куда ты? — огорчилась Катерина. — Сейчас я ребят покормлю и уложу спать, еще посидим, чайку попьем...

— Спасибо, Катюша, но я пойду. Мне еще на работу надо заехать.

Это было ложью. Ни на какую работу Вере Леонидовне ехать было не нужно, приказ о ее назначении на должность, насколько она знала, уже подготовлен, но еще не подписан. Ей неловко было признаваться самой себе в том, что в обществе Катерины ей скучно. Разговаривать-то, в сущности, не о чем. Ну, рассказали друг другу, как прожили три десятка лет, поохали, вспомнили детство... И все. Эти тридцать лет они прожили совершенно по-разному, и из двух подружек-одноклассниц превратились в чужих, очень далеких друг от друга людей. Недаром говорят, что нельзя войти в одну реку дважды.

Вере было неприятно. И стыдно оттого, что ей скучно с подругой детства. Стыдно за эти, словно лезущие в голову невесть откуда, слова «нам не о чем говорить». Неужели она превратилась в высокомерного сноба? Да нет же, дело совсем не в том, что с Катериной нельзя поговорить о высоком искусстве или о политике! Вера Леонидовна перебрала в уме своих подруг, с которыми всегда находились общие темы для разговоров, и с удивлением поняла, что с годами их осталось совсем мало, близких — всего две. И обе — из той же профессиональной среды. Ей, Вере Потаповой, стало не интересно разговаривать ни о чем, кроме юриспруденции. Правда, есть еще Саша и Люся Орловы, но они тоже юристы, хотя с ними можно разговаривать и о детях.

И еще есть Алька, Олег Семенович Верецагин. Он не юрист, и они не встречались много лет, прожив совсем разные жизни. Более того, они и в

детстве-то не дружили, просто были хорошо и давно знакомы. А вот темы для разговоров с ним почему-то не иссякают. У Олега живой цепкий ум, он не боится новой информации и новых знаний, с интересом вникает во все, стараясь разобраться и понять, и с ним Вере никогда не бывает скучно.

Интересно, а ему с ней как? Этим вопросом Вера Леонидовна задалась, уже приехав домой. Не удержалась и улыбнулась сама себе: она так погрузилась в авральную работу над диссертацией, что на полтора месяца перестала ощущать себя женщиной. Целых полтора месяца она общалась с генералом Верещагиным, ни разу не попытавшись заметить, испытывает ли он к ней чисто мужской интерес. Немыслимо! Это так не похоже на нее... А в самом деле: нравится ли ему Вера? Или он привычно, как хороший командир, принял на себя ответственность за младшего и более слабого, нуждающегося в помощи и грамотном руководстве? Нельзя не признать, что руководство было действительно грамотным, а помощь — эффективной.

Квартира теперь радовала чистотой, уютом и запахом свежего ремонта, в котором смешивались запахи штукатурки, масляной краски, которой покрашены оконные рамы и подоконники, новых обоев и обойного клея. Еще совсем немного, два-три дня — и приказ о назначении подполковника Потаповой будет подписан, и каждое утро она будет выходить из своей обновленной квартиры, в которой больше не живет любимая дочь Танюшка, и ехать на новую работу, в которой больше не будет ее любимой науки. Начинается другая жизнь.

Насколько другая?

Эта мысль вдруг встала перед Верой Леонидовной необыкновенно ясно и отчетливо. И ей стало немного страшно и очень неудобно.

* * *

К концу лета Александр Иванович вдруг осознал, что вспоминает о своем инфаркте уже не каждый час и даже, случается, не каждый день. Он совершенно окреп и восстановился, ежедневные прогулки позволили сбросить пару-тройку лишних килограммов и окрасить лицо в здоровый цвет, даже морщины, казалось, разгладились. С середины июля адвокат Орлов приступил к работе и с наслаждением вел прием граждан в консультации и выступал в суде. Все было так же, как раньше, за одним небольшим исключением: то, что прежде вызывало у Александра Ивановича злой смех и искреннее возмущение, теперь порождало в его

душе добродушное умиление.

— Люсенька, Танюша, вы только послушайте! — говорил он, отрываясь от текста приговора, на который нужно было принести кассационную жалобу. — Обвинение в изнасиловании. Зачитываю: «снял с потерпевшей брюки, рейтузы, колготки, плавки и трусы». Это в июне-то месяце! И не в Заполярье где-нибудь, где летом и вправду может быть очень холодно, а в Москве, на Лосином острове. Как можно было подписать такой текст? Судьи что, не читают приговоры, которые выносят? И вообще, где вы видели девушек, которые столько всего на себя надевают? Вот вы, женщины, ответьте мне: это похоже на правду?

Татьяна хохотала до слез, а Людмила Анатольевна спрашивала:

— Ты собираешься на этом хлипком основании подвергать сомнению справедливость и обоснованность приговора?

— Разумеется, нет, — улыбался Орлов. — Но на основании этого бреда я составляю собственное представление о компетентности и добросовестности судьи и заседателей. Если судья пропустил такую очевидную чушь, то высока вероятность того, что в тексте приговора найдется еще немало и других ляпов, гораздо более серьезных, которые могут стать основанием для жалобы. Ну какая же прелесть, девочки мои, какая прелесть!

А ведь еще полгода назад он непременно разразился бы гневной тирадой в адрес и судей, и народных заседателей, и секретарей судебных заседаний, и следователей (ведь всем известно, что секретари судебных заседаний просто переписывают слово в слово текст обвинительного заключения), и представителей государственного обвинения, которые так халатно относятся к серьезным документам, решающим человеческие судьбы. Теперь же Орлов лишь улыбался да развлекал своих домашних особо удачными перлами. Ему больше не хотелось ни гневаться, ни злиться, ни возмущаться. Ему хотелось мира и покоя.

В сентябре наконец нашли устраивавший всех вариант обмена квартиры и подмосковной дачи на две «двушки». Одна подальше от центра, на проспекте Вернадского, зато побольше, другая — поменьше, возле станции метро «Парк культуры».

— На метро — прямая ветка, — радовалась Людмила Анатольевна, — друг к другу сможем за 15 минут добраться от подъезда до подъезда.

Квартира побольше предназначалась для Бориса и Тани, ведь у них обязательно будут дети. Орлов почему-то очень обрадовался, когда выяснилось, что для обмена достаточно расстаться только с дачей, а машину удастся сохранить. Он даже не предполагал, что так соскучился по

вождению. Целый год не сидел за рулем...

А вот с разменом жилплощади, которую получил Хвыля, никак не складывалось: Алле с сыном необходима была двухкомнатная квартира, а Андрей Викторович на «однушку» не соглашался. Без дополнительных капиталовложений превратить трехкомнатную квартиру, пусть и улучшенной планировки, и в престижном районе, в две двухкомнатные не получалось даже у того замечательного опытного маклера, которого порекомендовали Орловы. Алла с Мишей жили в новой квартире в буквальном смысле слова на чемоданах и коробках, Андрей временно переехал к своему другу Максиму Рустамову, и поскольку Макс предпочитал круглый год жить на даче, все — и сама Алла, и Орловы — были уверены, что в московской квартире Рустамова Хвыля живет со своей новой пассией. Александр Иванович понимал, насколько болезненна и невыносима сложившаяся ситуация для его дочери, но поделать ничего не мог. Чем тут поможешь? Только деньгами, чтобы облегчить размен. Орлов знал, у кого можно одолжить большую сумму на длительный срок, и если для себя он никогда на это не пошел бы, то для дочери готов был поступиться давно выработанными правилами. Но как сделать, чтобы не обидеть Люсю? Вся его семья всегда знала, что Александр Иванович принципиально не берет в долг ни рубля, поэтому при поиске вариантов размена квартиры никто не ставил вопрос о том, чтобы одолжить денег, но сохранить дачу, которая понадобится, когда у молодоженов появятся дети. «Мы не можем жить в счет будущих доходов, которые то ли будут, то ли нет. Мы живем только на то, что уже заработали», — твердо повторял Александр Иванович. Если он только попробует заикнуться о финансовой помощи Алле Горлицыной, Люся снова начнет подозревать, что у него роман с актрисой. И Борька, и Танюшка, и Вера Потапова — все будут так думать. Ибо никак иначе объяснить подобную немыслимую щедрость невозможно. Одалживать деньги Орлов будет для себя, значит, и отдавать придется самому, независимо от того, сможет ли это делать Алла. Иными словами, помощь эта ляжет тяжким бременем на бюджет семьи Орловых.

А Алла? Она ведь не возьмет такие деньги в подарок, и в долг не возьмет тем более — отдавать-то нечем, зарплата в театре крошечная, рассчитывать на Мишину стипендию не приходится: этим летом парень закончил в школу и поступил в институт, но никто никаких иллюзий на этот счет не питал. Поступить ему удалось только благодаря спортивным успехам, но крайне маловероятно, что в его зачетке появятся оценки выше «удовлетворительных». Институт для Михаила Хвыли не рассматривался как источник знаний и получения профессии, а был всего лишь способом

не идти в армию.

И тут на память пришли часы и кольцо, принадлежавшие кому-то из Гнедичей, далеких предков настоящего Сани Орлова. Что говорила старуха Коковницына? Что они не представляют ни малейшей ценности как ювелирные изделия, но за них могут дать хорошую цену как за антиквариат. В антиквариате Александр Иванович не разбирался совсем, но у него было несколько давних знакомых-букинистов, к которым он и обратился с просьбой посоветовать компетентного консультанта по изделиям девятнадцатого века. Получив в руки бумажку с адресом и номером телефона, он созвонился с антикваром и отправился к нему домой, в район Большой Ордынки.

Уже почти год, как суровая длань правоохранительной системы всей мощью опустилась на торговую сеть, в первую очередь — московскую. Арестовали директора «Елисеевского» гастронома, вскоре после этого застрелился директор Гастронома № 2, в последние месяцы число арестов в столичной торговой сети возросло многократно. Все боялись. В руки правосудия попасть не хотелось. Но «теневые» деньги нужно было вынуть из кубышки и куда-то вложить, чтобы не пропали, и существенно вырос спрос на антиквариат, причем преимущественно — мелких габаритов. Купишь комод в стиле ампира, поставишь в комнату — и любой его увидит и тут же стукнет, куда надо, мол, на нетрудовые доходы человек живет. А старинное кольцо или серьги с бриллиантами, сапфирами и изумрудами можно хоть в коробочку положить подальше от любопытных глаз, хоть к старушке матери в провинцию отвезти для сохранности. Для антикваров, особенно специализирующихся на ювелирке, наступили золотые времена, омраченные, однако, все тем же страхом перед агрессивным наступлением на преступные нарушения в сфере торговли.

Антиквар, к которому пришел Орлов, оказался, вопреки ожиданиям, не из пугливых. Но не потому, что мнил себя достойным безнаказанности, а исключительно потому, что ничего не покупал и не продавал. Он был именно специалистом, знатоком, оценщиком. Внимательно изучив часы и кольцо, он вынес неутешительный вердикт:

— Много за них не дадут. Рублей двести за кольцо — это максимум, и только для тех, кто коллекционирует изделия первой половины девятнадцатого века. На кольце клеймо ателье Шутца, у Шутца никогда не было выдающихся мастеров-ювелиров. Что касается часов, то за них вам могут предложить от силы триста пятьдесят рублей, вряд ли кто-то даст больше. Часовая фирма известная, крупная, изделий выпустила великое множество, так что к категории раритетных они не относятся.

— Ясно, — разочарованно вздохнул Орлов.

Квартирный вопрос Аллы не решить при помощи пятисот рублей. Даже смешно говорить об этом.

— А позвольте полюбопытствовать, откуда у вас эти предметы? — спросил специалист по антиквариату.

Александр Иванович ответил, стараясь быть как можно более кратким и не побудить оценщика к дополнительным вопросам. Разумеется, ни о какой гостье из Парижа он не упомянул. Антиквар, который ничего не боится, наверняка работает на КГБ, иначе не был бы таким храбрым. И давать ему информацию о контактах с иностранцами, пусть и двадцать лет назад, глупо и неосмотрительно. Завтра же побежит и доложит, кому следует.

— Значит, была еще и записка? — задумчиво переспросил оценщик. — Она у вас не при себе? Я бы взглянул.

Записку Орлов с собой не брал. Зачем? Часы и перстень лежали в пакетике, в том же, в котором их привезла Коковницына, а записка так и хранилась в пустой коробке из-под папирос.

— Да в ней ничего интересного, уверяю вас. Бессвязные фразы, похожие на бред.

В глазах оценщика загорелось любопытство.

— Как же вы разобрали написанное?

— А что в этом сложного? — удивился Орлов. — Почерк четкий, красивый, выработанный, каждую букву ясно видно.

— Значит, это не бред, — усмехнулся его собеседник. — Человек в бреду не может писать четким красивым почерком. Он же в бреду! В помраченном состоянии сознания. Он не владеет собой. Если записка подлинная, то есть выполнена, как вы утверждаете, в середине прошлого века, то писано скорее всего гусиным пером, а это не так просто, как шариковой ручкой, тут требуется и навык, и владение кистью руки. Уж поверьте мне, уважаемый Александр Иванович, я на своем веку великое множество рукописей перевидал, и аутентичных, и поддельных. И по почерку сразу скажу вам, в каком состоянии души находился писавший. Если не верите мне — спросите у любого опытного психиатра, он вам подтвердит мои слова.

С деньгами для Аллы не получилось, но Орлов, честно говоря, не очень-то и рассчитывал на это. Просто на всякий случай проверил, чтобы впоследствии не казнить себя за то, что сделал не все, что мог. А вот слова оценщика о записке заставили задуматься. В самом деле, очевидная же вещь: или состояние бреда, психоза, или красивый четкий почерк. Одно из

двух. Одновременно и то и другое не соединяется. И почему он, адвокат с огромным опытом, не подумал об этом? «Сапожник без сапог, — насмешливо сказал сам себе Александр Иванович. — В уголовном деле я бы такую деталь ни за что не пропустил. А как меня самого коснулось — будто ослеп».

Что же это за записка таинственная? Получается, тот, кто писал ее, излагал не собственные мысли и чувства. А чьи? Записывал под диктовку? Возможно. Например, врач-психиатр, в научных целях фиксирующий бред своих больных. Александр Иванович попытался представить себе картину, в которой сидящий на койке больной бормочет что-то, а рядом с ним — доктор, записывающий услышанное. Как записывающий? Держа блокнот на коленях? Пером, которое обмакивает в чернильницу? Для этого доктор должен как минимум сидеть за столом или стоять перед конторкой. Возможно такое в палате лечебницы для душевнобольных? Вряд ли... Хотя про организацию медицинской помощи в середине девятнадцатого века Орлов не знал практически ничего.

Где же доктор мог это записать? У себя в кабинете. Привели больного, бормочущего что-то себе под нос... Или, наоборот, яростно выкрикивающего... Опять не получается. В такой ситуации доктор будет спешить, стараясь не упустить ни одного слова, не скажешь же больному, как в известной советской комедии: «Помедленнее, пожалуйста, я записываю». И о четком ровном почерке не может быть никакой речи.

Но вполне может быть, что доктор потом начисто переписывал свои записи, в тишине и без спешки. Тогда и почерк мог быть четким и красивым, и строчки ложились бы ровно. Такая версия объясняет сочетание несочетаемого — формы и содержания, но не дает ответа на вопрос: для чего бред отдельно взятого больного записан на листке бумаги без всяких пометок, какие непременно сделал бы человек, ведущий исследовательскую работу и собирающий для нее материал — дата, имя больного, краткая история болезни, диагноз. Ну хоть что-то же должно было быть, кроме самого бреда!

Отсюда следовал простой и однозначный вывод: больной не был одним из многих. Он был единственным. И тому, кто записывал его слова, не нужны были указания на имя и диагноз, он все это и так знал и забыть не мог.

Но врач, у которого всего один больной — это как-то странно. Значит, речь идет не о враче. А о ком же тогда? О друге или родственнике. О ком-то из окружения Григория Гнедича. Часы и кольцо принадлежат ему, это можно считать установленным. Значит, и записку написал он. Или кто-то

записывал его бред. Кто-то из близких.

По сложившейся в последние месяцы привычке Александр Иванович размышлял на ходу. Он уже перешел Москворецкий мост, Красную площадь и прошагал по улице Горького до гостиницы «Минск», восстанавливая в памяти все то, что почерпнул из Люсенькиных материалов, добытых в архивах. Прямые предки Александра Орлова — граф Владимир Раевский и младшая дочь князя Николая Гнедича Варвара. Григорий Гнедич — старший брат Варвары. Был еще один брат, Павел, средний сын Николая и Апполинии Гнедичей. У Гнедичей было имение в Калужской губернии, которое отошло Николаю Раевскому в качестве приданого Варвары. Коковницыны были соседями Гнедичей, а впоследствии Раевских, их поместье располагалось неподалеку. У одного из Коковницыных оказались часы и кольцо Григория Гнедича, а также записка непонятного пока происхождения. Все эти три предмета попали к Коковницыным одновременно или порознь?

Орлов вдруг спохватился, что по многолетней привычке движется в сторону своей старой квартиры, в то время как сейчас ему нужно попасть к «Парку культуры», на Метростроевскую улицу. Никак он не освоится с новым адресом... Он вернулся к Пушкинской площади и направился по Тверскому бульвару в сторону Никитских ворот. Ехать в метро не хотелось, так приятно было ловить последнее прощальное тепло октябрьского солнца!

Александр Иванович шел по бульвару, радуясь сочным желто-красным переливам листвы, и мучительно боролся сам с собой. Одна часть мозга пыталась выстроить хоть какую-то более или менее правдоподобную версию того, что случилось сто сорок лет назад, а другая коварно соблазняла бездействием. Дескать, зачем? Кому это нужно? Что изменится от того, что ты узнаешь? На что это повлияет в твоей жизни? Орлов отвечал себе, что ничего не изменится, ни на что не повлияет, и тут же принимался напряженно вспоминать все, что ему известно. Григорий Гнедич умер молодым, не оставив потомства. От чего он умер? В одних документах он именовался просто «покойным князем Григорием», в некоторых других мелькало упоминание о «трагической гибели молодого князя Гнедича», причем речь могла идти в этих случаях, по-видимому, только о Григории, поскольку другой «молодой князь Гнедич», Павел, благополучно дожил до глубокой старости, воспитав целую плеяду юристов и написав множество научных работ в области уголовного права.

Итак, Григорий Гнедич погиб. Предположим, был убит на дуэли. Его часы и кольцо каким-то образом попали к Коковницыным. Очень

соблазнительно выстроить приблизительно такую цепочку: Григорий — игрок, часы и кольцо — возмещение за проигрыш, игроки часто попадают в неловкие ситуации, заканчивающиеся дуэлью. Вроде бы все логично. Но почему Михаил Коковницын на смертном одре просит сына непременно вернуть эти вещи Раевским? Для умирающего в этом жесте заложен какой-то глубокий смысл. Какой? Допустим, Григорий Гнедич проиграл Михаилу и расплатился имевшимися при себе ценностями. Вполне возможно. Но это честное приобретение, как сказали бы сейчас — добросовестное, и кому придет в голову возвращать владельцу то, что отдано взамен денег? Тогда приходится сделать допущение, что приобретение честным не было. А каким? Дворяне — люди чести, трудно предположить, что часы и кольцо были украдены, хотя...

Стоп! Не получается. Что сказала Коковницына? Что ее дед, граф Михаил, умер, не дожив до семидесяти лет или что-то около того, и случилось это ровно в тот день, когда родилась сама Анна Юрьевна, в девятисотом году. А когда «трагически погиб» Григорий Гнедич? Где-то в середине сороковых годов девятнадцатого столетия. Если в эти годы Михаил Коковницын уже мог выигрывать в карты у Гнедича, то к моменту рождения внуки ему должно было быть около восьмидесяти, никак не меньше. И если Орлов сам ничего не напутал и все помнит правильно, значит, Григорий умер или погиб, когда Михаил Коковницын был еще ребенком и никак не мог являться партнером молодого князя по карточной игре. Но ребенок... Ребенок мог и украсть. В этом случае просьба умирающего графа находит хоть какое-то объяснение.

Придя домой, Александр Иванович окинул взглядом оставшиеся неразобранными коробки: сразу после переезда Орловы постарались сделать новую квартиру пригодной для жизни, поэтому в первую очередь развесили одежду и разложили посуду и самые необходимые предметы. До библиотеки, а также многочисленных бумаг Людмилы Анатольевны и ее супруга руки пока не дошли.

«Надо навести порядок, в конце концов, — с досадой подумал он. — И еще раз внимательно перечитать все, что тогда собрала Люсенька. Может быть, там есть ответы на мои вопросы?»

И снова предательский рациональный голос зашептал ему: «Зачем? Зачем тратить на это время? Что изменится оттого, что ты узнаешь правду? Это вообще не твои предки. Все эти Гнедичи и Раевские для тебя — никто».

«Ничего не изменится», — твердо ответил себе Александр Иванович. Вышел на кухню, где жена готовила ужин, и спросил:

— Когда ты искала материалы о Раевских, тебе попадалось что-нибудь о Коковницыных?

Людмила Анатольевна пожала плечами.

— Специально я про них не искала сведения. Может быть, где-то что-то и мелькало, но я уже не помню. Тебе это было неинтересно, и я к материалам давно не возвращалась. Я же тебе все показала, прочитай сам.

— Конечно, — торопливо согласился Орлов. — Я перечитаю все. Просто я подумал, что, может быть, я что-то запамятовал или упустил, а ты помнишь... А твои знакомые дамы из архива живы-здоровы? Можно к ним снова обратиться?

Людмила Анатольевна вытащила из духовки чугунную латку с тушеным мясом, приподняла крышку, выпустив в кухонное пространство облако густого насыщенного аромата кавказских специй, удовлетворенно кивнула и повернулась к мужу.

— Я с ними уже несколько лет не созванивалась. Мне и в голову не могло прийти, что тебе станет интересно и ты захочешь узнать что-то дополнительно. Я, конечно, могу им позвонить, но, думаю, все они давно на пенсии. Садись, сейчас будем ужинать.

За ужином обсуждали вопросы семейные: как устроились на новом месте дети, что еще им нужно купить и чем помочь, и как замечательно, что у Верочки появился такой симпатичный друг, который является умелым организатором и оказал полезное содействие при переезде.

— Ты думаешь, у них роман? — спросил Александр Иванович.

— Ой, Саша, я уж и не знаю, что думать, — всплеснула руками Людмила Анатольевна. — У Верочки спрашиваю — она только смеется в ответ и все отрицает. Да, чуть не забыла, звонила Алла, пока тебя не было. Хочет завтра прийти посоветоваться, им какой-то вариант все-таки нашли, но у нее возникли сомнения. Ты завтра вечером дома?

— Завтра после обеда у меня приговор, это недолго, так что часам к пяти буду дома.

— Ну и замечательно, мы с Аллой договорились, что она придет к семи, я как раз с работы вернусь.

— А что за вариант? — нетерпеливо поинтересовался Орлов.

— Она толком ничего не объяснила, но, как я поняла, речь идет об очень маленькой «двушке» где-то в Печатниках, первый этаж. Метро далеко, нужно долго добираться на перекладных, и вообще район ужасный. Но зато Андрею в этом обмене достается то, что его устраивает. Андрей-то согласен, а вот Алла хочет посоветоваться, соглашаться на такой вариант или нет.

«Надо же, как бывает, — усмехнулся и одновременно удивился про себя Александр Иванович. — Стоило мне предпринять какие-то реальные шаги к тому, чтобы найти деньги для Аллы, как тут же нарисовался вариант обмена. И шаги-то мои ни к чему не привели, денег я не достал, а результат налицо... Чудеса, право слово!»

* * *

— Александров умер, — печально проговорила Алла Горлицына, отвернувшись к окну.

В комнате висела тишина, смешанная с нетерпеливым раздражением. Ранние декабрьские сумерки разлились по помещению, окутали мебель, забрались на пустые полки и, казалось, поглощали и без того неяркий свет одиноких ламп, свисавших с потолка на шнурах — светильники тоже были сняты и упакованы. Говорить было не о чем. Все документы собраны и переданы, куда положено, обменные ордера получены. Нужно переезжать. Андрею Хвыле — на улицу 1905 года, Алле с сыном — в Печатники. Андрей пришел, чтобы еще раз проверить все вещи и забрать свое, заодно и помочь жене, теперь уже бывшей. Ждали Мишу, который обещал привести с собой пару-тройку крепких ребят-спортсменов, чтобы таскать мебель и тяжелые коробки. Сын, как обычно, задержался где-то, он вообще со временем не дружил и пунктуальностью не отличался. Андрей Викторович сердился, нервничал и все время смотрел на часы.

— И что тебе Александров? Ты с ним даже не знакома, — резко ответил он.

— Это же мое детство, Андрюша. «Цирк», «Волга-Волга»... А больше всего я «Весну» любила. Так странно и грустно понимать, что все эти воспоминания и ощущения остались, а человека, который их подарил, больше нет.

— Да что ты заладила: детство, детство! Тебе сорок два года скоро стукнет, Алла, а ты все детство вспоминаешь. Никогда не понимал этой твоей любви к обратному ходу. То ты искала сведения об отце, которого не видела и не знала, и вообще не факт, что он существовал на самом деле, то фильмы, виденные в детстве, вспоминаешь и по кинорежиссеру скорбишь... Тебе нужно сыграть эмоцию на зрителя, вот и все, ты же актриса, хоть и плохая. Нельзя на этих искусственных эмоциях строить свою настоящую жизнь. Вперед надо двигаться, вперед! А ты все время назад оглядываешься. Ты так цепляешься за прошлое, что даже

собственную гордость ухитряешься забывать.

Алла нахмурилась непонимающе.

— Ты о чем? При чем тут моя гордость?

— Да при Орловых, вот при чем! — повысил голос Андрей Викторович. — Любая нормальная женщина, уважающая себя, ни за что не стала бы общаться с любовницей своего мужа. А ты прилепилась к ним — не оторвешь.

— Во-первых, любовница уже бывшая, — слегка улыбнулась Алла. — Во-вторых, Андрюша, у тебя этих любовниц было столько, что если бы я переставала с ними общаться, я не смогла бы работать ни в одном театре. И не смотри на меня так удивленно. Ты же не мог всерьез предполагать, что я ничего не знаю. Да, ты человек творческий, тебе нужна муза, ты сам сто раз это говорил. Поэтому я все знала, молчала и терпела. Я любила тебя, и мне важно было, чтобы ты оставался со мной. Музы преходящи и взаимозаменяемы, а жена, мать твоего единственного сына, у тебя одна. И это меня держало. Ты не особенно старался скрывать от меня свои увлечения, но я не пыталась поймать тебя «на горяченьком», не устраивала сцен и не уходила от тебя. Вроде как наплевала на собственную гордость, как ты только что выразился. Однако в той ситуации мое отношение к собственной гордости тебя почему-то устраивало, а сейчас, видишь ли, перестало. А в-третьих, если я любила тебя, то почему никто другой не имеет на это права? Наверное, Люся Орлова тоже любила. Только она умнее и сильнее, поэтому прозрела быстрее меня. Люся ни в чем не виновата передо мной, это же не она мне изменяла, а ты. Если Люся перед кем и виновата, то только перед Сашей. Лично мне она в верности и в чистоте помыслов не клялась и ничем мне не обязана. Ну и в-четвертых, Андрюша: Орловы — близкие друзья для меня, они помогают мне и поддерживают, и всегда помогали и поддерживали. В отличие от тебя.

— Вот я и говорю: тянешься к старым связям вместо того, чтобы заводить новых друзей, — буркнул Хвыля.

— А что плохого в старых связях и давних отношениях?

— Это тормоз, Алла! Тормоз и якорь, который держит на месте и не позволяет развиваться, двигаться вперед! Человек развивается только в новых отношениях с новыми людьми, а старые друзья и давние отношения — путь в болото. Ну как ты не поймешь! На прошлом надо уметь ставить точку. Надо уметь забывать его, выбрасывать из своей жизни, только тогда можно чего-то достичь.

Она собралась было возразить, но Андрей Викторович снова посмотрел на часы, сделал недовольное лицо и поднялся.

— Все, не могу больше ждать. Вечно с Мишкой какие-то проблемы! Совершенно ненадежный парень вырос, ни в чем на него нельзя положиться.

Это прозвучало так, словно обязанность воспитывать сына лежала только на Алле, и в том, что он вырос безответственным, только ее вина, а сам Андрей Викторович вообще ни при чем.

Он надел дубленку и понес в прихожую два больших чемодана. Алла с тоской смотрела на него.

— Я пошел. Поймаю такси, на Мишку никакой надежды нет.

— Хорошо. Только ответь мне на один вопрос, — попросила она.

Хвыля кинул взгляд на чемоданы, вздохнул и вышел на середину комнаты, всем своим видом показывая, что задерживаться не собирается.

— Ну ладно, спрашивай. Что еще?

— Почему именно сейчас, Андрюша? У тебя было множество романов, одни короче, другие длиннее, но ничего не менялось. Ты оставался со мной. О большинстве твоих измен я знала, о каких-то не знала и даже не догадывалась. Вот про Люсю Орлову, например, не знала, пока мне твои друзья глаза не открыли. В общем-то, если ты находил музу в театральной среде, то я узнавала об этом практически сразу же, но ты, вероятно, искал приключения и в более широком кругу. Так шло из года в год, и я была уверена, что так будет всегда. Но в начале марта что-то произошло. Ты стал другим. Я хорошо это помню. Тогда Саша Орлов попал в больницу с инфарктом. И примерно тогда же от тебя, как потом выяснилось, ушла Люся. Наверное, она тоже почувствовала что-то такое... Не знаю. Люся с тобой рассталась, у тебя появилась новая баба, все было так же, как много лет до этого, и вдруг... вдруг через месяц после этого ты заявил, что разводишься со мной. Я не знала, что Люся тебя уже бросила, и думала, что ты уходишь от меня к ней и из-за нее. Но потом оказалось, что я ошибалась, и Люся к тому моменту уже не была с тобой. Так что же произошло?

Лицо Андрея Викторовича на миг исказилось гримасой боли и безгливости.

— Тебе лучше не знать, — сухо бросил он и вышел в прихожую.

Через несколько секунд хлопнула входная дверь.

«Вот и все, — подумала Алла с удивившим ее равнодушием. — Мой муж стал бывшим мужем и ушел из моей жизни. Еще полгода назад мне казалось, что я просто не выживу, если это случится, я умру от горя, задохнусь. Мне казалось, что ничего страшнее в моей жизни не было и не будет. И вот оно произошло... А я жива, сижу и жду сына и думаю о том,

как расставить мебель в новой квартире и чем накормить ребят, которых Мишка приведет с собой. Нельзя же не накормить, нужно хотя бы чаю налить с бутербродами... Обычные бытовые мысли. Обычная повседневная жизнь. Андрей считает, что нужно рвать с прошлым и двигаться вперед. Но невозможно же вынуть из себя свою прошлую жизнь, как стакан из подстаканника. Вынуть, выбросить на помойку и купить новый стакан. В этом нет смысла, потому что новый стакан окажется либо точно таким же, либо другим и в твой подстаканник просто не влезет. Господи, какие глупости лезут в голову... Где же Мишка? Он должен был приехать уже больше часа назад».

Она начала тревожиться, но минут через пять сын появился в компании трех крепких парней. Извиниться за опоздание он и не подумал.

— Машина внизу ждет, — деловито сообщил он. — Начали, ребята!

Алла смотрела, как постепенно из квартиры исчезают коробки, сумки, чемоданы, мебель... Ей казалось, что вместе с каждым вынесенным из этих стен предметом утекает куда-то по каплям ее жизнь, ее душа, способность радоваться, быть счастливой. «Надо запомнить это, — внезапно пришло ей в голову. — Нас учили: запоминайте ощущения и переживания, запоминайте позы и жесты, которые в эти моменты приходят естественным путем, все пригодится впоследствии при создании сценического образа». Мысль выглядела циничной, но в тот момент показалась спасительной. Уцепившись за нее, как за соломинку, Алла Горлицына перебралась потихоньку в свою новую жизнь.

Глава 2. 1984 год

Как и предполагала Людмила Анатольевна, ее знакомые служительницы из архивов вышли на пенсию и уже не работали. И в прежние времена, и в нынешние для работы с архивными материалами нужно было иметь на руках письмо-отношение, подписанное руководителем учреждения, который просил допустить до работы сотрудника такого-то, проводящего научные изыскания в такой-то области. Письмо следовало завизировать у архивного начальства, которое могло разрешить, а могло и не разрешить. У Людмилы Анатольевны в свое время такого письма не было, но поскольку материалы она просила не секретные, ей охотно шли навстречу за конфеты, билеты в театр и другие приятные и полезные подарки. Теперь же все изменилось, любой малозначительный подарок любому чиновнику рассматривался как взятка или злоупотребление служебным положением, все с ужасом смотрели на то, как расправляются со сферой торговли и общественного питания и старались «не подставляться».

Поскольку Александр Иванович Орлов научных изысканий ни в каком институте не вел и письма-отношения получить не мог, поиск материалов о семье Коковницыных пришлось отложить до лучших времен. Да и времени свободного, положив руку на сердце, у Орлова было не так уж много: возбуждаемые пачками уголовные дела о взятках, нарушениях и злоупотреблениях передавались в суды, и адвокаты без дела не сидели. Если же выдавался свободный денек, Александр Иванович шел к давним знакомым-букинистам и терпеливо листал изданные во второй половине девятнадцатого века газеты, журналы, мемуары, дневники и личную переписку в надежде наткнуться на упоминание нужной фамилии. Надежды его чаще всего не оправдывались — не такой уж видной фигурой был граф Михаил Аристархович Коковницын. В газетах нашлось объявление о его венчании, о венчании сына Юрия и некролог. Пару раз в мемуарной литературе мелькнули упоминания о «семействе Коковницыных в полном составе во главе с Аристархом Васильевичем» и о том, что «на сей раз Коковницыны появились вместе с молодым графом Петром Аристарховичем, приехавшим из полка в отпуск, что заставляет московское общество нетерпеливо ожидать новых скандалов». Вероятно, старший сын Коковницыных отличался крутым нравом... Возможно, именно от его руки и погиб на дуэли князь Григорий Гнедич. Возможно. Однако это никоим

образом не объясняет стремления умирающего Михаила Аристарховича вернуть кольцо, часы и записку. Если только...

Если только эти предметы не были украдены самим дуэлянтом, Петром Коковницыным, который мог забрать у погибшего то, что нашел в его карманах. Хотя граф — дворянин, не стал бы он мародерствовать, тем более в присутствии секундантов и врача. Понятия о чести в те времена были отнюдь не такими, как сейчас. Слова «честь дворянина» не были пустым звуком.

В основном же поиски информации в доступной букинистической литературе оказывались бесплодными. Пик интереса к происхождению записки миновал у Орлова через несколько месяцев, уступив место попыткам вспомнить каждую мелочь о Сане Орлове. Вместо того чтобы просиживать часами у букинистов, Александр Иванович снова начал подолгу ходить пешком, выкапывая из глубин памяти осевшие в ней крупницы — слова, звуки, запахи, цвета, ощущения. Над чем они с Санькой хохотали? Чему радовались? Чего боялись? Что рассказывали друг другу? Какую газировку покупали? Во что были одеты?

На память пришла колыбельная, которую бормотал в бреду умирающий Санька. Почему-то Орлову страстно захотелось услышать ее целиком. Однажды, зайдя в Дом книги на Новом Арбате в поисках подарка сыну и невестке на первую годовщину свадьбы (он хотел купить хороший альбом по живописи с репродукциями), Александр Иванович заметил на втором этаже нотный отдел, на который прежде не обращал внимания. За прилавком стояла сухопарая немолодая дама с высокомерным лицом, некрасивым и морщинистым, и почему-то, глядя на нее, Орлов решил, что уж она-то точно все знает.

— Колыбельная? — Дама задумчиво пошевелила густыми кустистыми бровями. — Есть сборник «Колыбельные народов мира». Будете брать?

— А можно сначала посмотреть?

Дама окинула его презрительным взглядом и буквально швырнула на прилавок тоненький альбом. Орлов открыл и тут же закрыл его: вид нотного текста привел адвоката в ужас, и он даже не успел заметить, что над нотами написаны слова, разбитые на слоги.

— Я, наверное, не разберусь, — виновато улыбнулся он. — Вы мне не поможете?

Дама внезапно смягчилась.

— Что вы ищете? — спросила она уже совсем другим тоном. — Что-то конкретное? Название знаете? Композитора?

— Ничего не знаю. Слышал один раз много лет назад, вот теперь хочу

найти.

— Ну хорошо, напеть сможете?

— Я? — испугался Орлов. — Что вы, у меня ни слуха, ни голоса. Да я и не помню мелодию, если честно. Вот если бы слышал — узнал бы.

— А слова? Слова какие-нибудь помните?

— Что-то про ручеек. Там в конце было: «На дне твоём найду я свой вечный покой», или что-то похожее.

Дама оперлась обеими руками на прилавок и вздохнула, глядя на Орлова не то с сочувствием к его музыкальной безграмотности, не то с осуждением.

— Мужчина, ну какая же это колыбельная? Это великий Франц Шуберт, вокальный цикл «Прекрасная мельничиха», песня называется «Мельник и ручей». Вот. — С этими словами она повернулась к полкам и достала еще один нотный альбом. — Будете брать? Рубль сорок семь в кассу.

— А это точно оно? — заволновался Александр Иванович. — Мне бы послушать, чтобы убедиться... А то вдруг я сам напутал что-то...

Продавец нотного отдела покачала головой.

— Ох, беда мне с вами, — вздохнула она. — Давайте я вам с листа пару строк прочитаю, пока других покупателей нет.

Она быстро пролистала альбом, нашла нужную страницу, пробежала глазами и тихонько, едва слышно пропела скрипучим неприятным голосом:

Где страданье в сердце навеки замрет —
Там лилии белой цветок опадет.
Пусть месяц за тучи зайдет поскорей,
Чтоб слезы его не пугали людей.

— Да-да, — торопливо выдохнул Орлов, чувствуя, как к горлу поднимается тугой ком, готовый выплеснуться слезами. — Это оно, оно! Это та самая песня.

— Так берете? Рубль сорок семь.

Ноты ему не были нужны, в семье Орловых музыкой никто не занимался и нотной грамоты не знал, но хотелось как-то выразить благодарность сухопарой даме-продавцу. Орлов оплатил покупку, сунул альбом в портфель и вышел на улицу. Магазин «Мелодия» совсем рядом, тоже на Новом Арбате, и есть смысл попытаться найти пластинку, которую можно сколько угодно слушать дома.

В магазине грампластинок Орлов ориентировался плохо, покупки здесь изредка делал сын, предпочитавший «получившей высочайшее одобрение» советской эстраде магнитофонные записи модных рок-групп, как западных, так и отечественных. Получив у первого же прилавка пренебрежительный ответ «Шуберт наверху в классике», Александр Иванович отправился на поиски нужного отдела.

Если на первом этаже, где можно было купить записи советской эстрады, толпился народ, то второй этаж пустовал. Симпатичная полненькая девушка в очках и в наушниках стояла, согнувшись и опершись локтями о прилавок, перед ней на плоском компактном проигрывателе крутилась пластинка. На лице у девушки застыло выражение блаженного восторга. «Небось тоже что-нибудь современное слушает, — подумал Александр Иванович. — Какой-нибудь «Лед Зеппелин» или что у них там сейчас в моде...»

Завидев покупателя, девушка торопливо сняла наушники и остановила пластинку. Боясь перепутать слова, Орлов достал из портфеля нотный альбом и открыл на нужной странице.

— Вот эта вещь у вас есть?

Девушка с готовностью кивнула.

— Вам весь цикл полностью или «Мельник и ручей» отдельно?

— Лучше отдельно, — попросил он.

— У нас на семьдесят восемь оборотов пластинок нет, только на тридцать три с половиной, на ней в любом случае много других произведений будет записано, — предупредила толстушка в очках. — Но из всего цикла только «Мельник и ручей», других песен не будет.

— Конечно, я понимаю.

— Есть Александрович, есть Хиль. Вы кого предпочитаете?

— А в чем разница? — не понял Орлов.

— Ну как же? Александрович — тенор, Хиль — баритон.

В вокале Александр Иванович не разбирался, но знаменитого певца Эдуарда Хиля все-таки знал и удивился, что тот, оказывается, пел не только эстрадные песни, но и классику. Вероятно, колебания отчетливо отразились на его лице, потому что девушка достала два конверта с пластинками и предложила Орлову самому послушать. Он надел наушники и, не сумев преодолеть любопытство, скосил глаза на ту пластинку, которую продавщица слушала до его появления и которую теперь ловко, поставив средний пальчик на дырочку в центре и уперев край в пухлую ладошку, прятала в конверт. Александр Иванович успел разобрать только одно слово — «Галеви». Слово было незнакомым.

Прослушав самое начало песни по очереди в исполнении тенора и баритона, он выбрал баритон. Потом не выдержал и спросил:

— А что вы слушали, когда я подошел?

— «Жидовку».

Слово ударило оплеухой, Орлов даже отшатнулся.

— Что вы сказали? — севшим голосом переспросил он.

— Арию Элеазара из оперы «Жидовка», — невозмутимо пояснила продавщица.

— Что, так и называется — «Жидовка»? — не поверил Александр Иванович. — Не может быть!

— Вообще-то у этой оперы есть еще и другие названия — «Дочь кардинала», «Еврейка», «Иудейка». На русской сцене она была впервые поставлена примерно сто пятьдесят лет назад именно под названием «Дочь кардинала», но все равно у нас она известна больше как «Жидовка». Я вас понимаю, конечно, само слово какое-то противное, но что поделать, если это официальное название. Оно даже в современном сборнике оперных либретто указано. Там нет никаких «Евреек» и «Иудеек», только «Жидовка» и «Дочь кардинала».

— И кто написал эту... «Жидовку»? — Слово далось ему с трудом, пришлось буквально выталкивать его из себя.

— Галеви. Фроманталь Галеви, французский композитор. Хотя если по правилам, то надо его называть «Алеви».

— И что, красивая музыка? Вы с таким удовольствием слушали, я заметил.

— Ой, вы знаете, я вообще-то французскую оперную музыку не очень... — Девушка смущенно улыбнулась. — Но ария Элеазара такая красивая! Я ее обожаю! Могу с утра до вечера ее крутить. Хотите послушать?

— Хочу, — согласился Орлов.

Музыка была печальной и нежной. Ария исполнялась на русском языке, и Александр Иванович немало подивился словам: «Одна ты мне была отрадой, утешеньем, и я сам тебя отдаю палачу».

— Этот Элеазар — он ей кто? — поинтересовался Орлов. — Жених? Возлюбленный?

— Это ее отец.

— Как — отец? Вы же сказали, что она дочь кардинала. Разве католический кардинал может носить имя «Элеазар»? Это же еврейское имя!

— Ой, там такая история! — Девушка выразительно округлила

глаза. — В общем, героиня родилась в семье католиков, но ее удочерил еврей и воспитал в своей вере. Она не знает, что она ему неродная, и считает себя иудейкой. А когда ей предлагают отречься от иудейской веры, чтобы спасти свою жизнь, она отказывается и вместе с приемным отцом идет на казнь. Жуткая история! Я так плакала, когда либретто читала!

Орлову показалось, что в торговом зале выключили свет. Через мгновение он понял, что просто потемнело в глазах. В голове всплыл голос женщины, жившей в доме Штейнбергов в Полтаве: «Сколько русских и украинцев вместе со своими семьями на расстрел пошли — расставаться не захотели!» Почему, почему все так? Он хотел всего лишь лучше узнать и почувствовать прошлое Сани Орлова, а его неожиданно настигает прошлое Михаила Штейнберга.

— Вам плохо? — донесся до него голос продавщицы.

Александр Иванович вытащил из нагрудного кармана таблетки, которые всегда носил с собой, сунул одну под язык.

— Ничего страшного, не пугайтесь, сейчас пройдет. Давление, наверное, скачет, погода меняется.

— Может, вам лучше присесть? — испуганно захлопотала девушка. — Вы пройдите сюда, за прилавок, вот у меня тут стульчик есть, посидите.

Присесть ему хотелось. Но не хотелось, чтобы у этой милой девочки были неприятности из-за него.

— А вам не попадет?

— Все равно покупателей нет, никто и не заметит. Это внизу столпотворение, сегодня группу «Земляне» выбросили. А у нас в классике всегда тихо. Конечно, если бы нам завезли записи Доминго или Паваротти, то тоже народ набежал бы: из Консерватории, из Гнесинки, из Большого, из Немирашки, из Оперетты, — ворковала продавщица, заботливо ведя Орлова под руку за прилавок и усаживая на стульчик.

— Кто такой Немирашка? — удивился Орлов.

— Так постоянные зрители называют Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Смешное слово, правда? Но звучит ласково так, необходимо.

Через несколько минут ему стало намного лучше. Он тепло поблагодарил толстушку в очках, забрал пластинку и ушел.

* * *

Годовщину свадьбы Борис и Татьяна Орловы отмечали в молодежном

кругу. Старшее поколение решило ограничиться поздравлениями, подарками и собраться отдельно, чтобы не мешать своим присутствием. Заехали к молодым все вместе — Вера Леонидовна, Александр Иванович и Людмила Анатольевна, вручили альбом с репродукциями Гогена и очаровательную маленькую хрустальную вазочку «на один цветочек» от родителей Бориса. Вера подарила невесте где раздобытый комплект красивого постельного белья — большой дефицит в те времена.

От молодых поехали к Орловым, благо совсем недалеко. Усевшись за столом, уставленным пирожками, пирогами и пирожными, заговорили о том, чего не могли обсуждать в присутствии детей: три дня назад в аэропорту города Горького арестована Елена Боннэр, против нее возбуждено уголовное дело, а ее супруг — академик Сахаров — объявил голодовку в знак протеста. Боннэр серьезно больна, ее готовы были принять на лечение в США, но власти не позволили жене диссидента доехать даже до Москвы.

— Не пойму, — покачала головой Вера, — чего здесь больше: страха перед диссидентами или откровенного антисемитизма? Диссидентов вроде всех еще в прошлом году разгромили. Значит, антисемитизм. Так противно, что даже верить в это не хочется. В такие минуты всегда вспоминаю, что я наполовину еврейка. Когда паспорт получала, можно было самому решать, какую национальность написать, я и сказала «русская», по маме, очень уж много страху натерпелась во время войны. Фамилия «Малкина», конечно, меня с головой выдавала, но тут уж с мужем повезло, стала Потаповой. Если бы все знали, что я еврейка, то вообще неизвестно, как моя жизнь сложилась бы. Я же с университетом чуть не пролетела в свое время.

— Как? — удивилась Людмила Анатольевна. — Ты никогда не рассказывала.

— Повода не было, — улыбнулась Вера.

— А что случилось? — заинтересовался Орлов.

— Вступительные экзамены сдала на все «пятерки», потом было собеседование в деканате. Стоим с ребятами в коридоре, треплемся о чем-то, хохочем, у меня никаких сомнений не было в том, что я поступила. Какие-то офицеры в форме НКВД по коридору прошли, я и внимания не обратила, и вдруг из деканата выходит секретарша и кричит: «Малкина, к декану». Я зашла, там эти офицеры за столом декана расположились, как у себя дома, сам декан в углу жмется, бледный весь. Мы же все перед тем, как нас допустили до экзаменов, автобиографии должны были написать, вы и сами писали наверняка.

— Писали, — кивнула Люся.

— Ну так вот, я же честная дура была, поэтому про Прилуки и про Нежин написала. И теперь эти энкавэдэшники в меня вцепились: сколько времени была на оккупированной территории? Чем там занималась? С кем водила знакомство? Кто и сколько раз пытался меня завербовать в немецкие шпионки? Господи, чем я могла там заниматься в моем возрасте?! Хороша шпионка — девчонка одиннадцати-двенадцати лет, тощий недокормыш! Короче, я как-то сразу смирилась с тем, что университета мне не видать, как своих ушей.

— Идиотизм, — покачал головой Александр Иванович.

— Да не то слово, Саша! Ну вот, они спрашивают, я все рассказываю подробно, как на исповеди. Дошло до детдома, потом до того, как меня отец нашел. И тут один из офицеров смотрит в мою автобиографию, потом спрашивает: «Твой отец — майор Малкин Леонид Абрамович? В каких войсках воевал?» Я ответила. У меня вообще-то память дырявая, я все, что уже не актуально, из нее выбрасываю, и просто чудо, что я все эти слова и цифры к тому времени не забыла напрочь. Вот как будто бог в темечко меня поцеловал этим знанием! Тот офицер говорит: «Я знаю майора Малкина, мы воевали вместе, это честный офицер и настоящий коммунист, его дочь не может быть предателем, я за нее ручаюсь». Торпеда в тот раз мимо прошла. Как-то в своей юности я антисемитизма не ощущала, по крайней мере — на собственной шкуре. А вот позже, при Хрущеве, уже началось это мракобесие. Так что, ребята, вся эта борьба с диссидентами наверняка подпитывается еще и ненавистью к евреям, вот помяните мое слово.

— Ну, положим, далеко не все диссиденты — евреи, — возразила Людмила Анатольевна. — Тут ты не права, Веруня. Хотя государство у нас действительно антисемитское, в этом я с тобой соглашусь.

— А кстати, — оживленно вмешался Орлов, — известно ли вам, девочки, что есть такая опера под названием «Жидовка»?

«Девочки» оказались не в курсе, и Александр Иванович в подробностях поведал им о своем походе в магазин грампластинок и о разговоре с молоденькой продавщицей.

— Это же немыслимо! — возмущался он. — Ставить на сцене произведение с таким названием! И писать это слово на афишах! Неужели никто не понимал, насколько это оскорбительно?

— Санечка, успокойся, — смеялась в ответ Людмила Анатольевна. — Сразу видно, что ты никогда историей особо не интересовался. И классику читал только в школьные годы.

— При чем тут история? — кипятился он.

— Да при том, что в девятнадцатом веке слово «жид» совершенно не считалось оскорбительным и употреблялось широко и повсеместно. Между прочим, и Пушкиным, и Гоголем, и Достоевским, и Чеховым. И в контексте, абсолютно не унижительном для евреев, а просто как обозначение национальной принадлежности. С таким же успехом могло быть сказано: немец, француз, поляк. Статья «Жид» даже была в словаре Даля. Правда, только до тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, потом ее оттуда убрали, чтобы не оскорблять национальные чувства евреев.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнул Орлов. — Это говорит о том, что оскорбительный смысл и оттенок слова ни у кого сомнений не вызывал. Нет, милая, ты меня не убедила. Я склонен думать, что все перечисленные тобой великие писатели были на самом деле антисемитами. Это омерзительно! А нам про них всю жизнь говорят, что они чуть ли не совесть нации!

Вера Леонидовна задумчиво дожевала кусок пирога с грибной начинкой, аккуратно вытерла пальцы бумажной салфеткой.

— Скажи, Люсенька, а что, Достоевский действительно что-то такое писал? Или ты просто для красного словца его упомянула? У Чехова, я помню, встречала это слово, кажется, в повести «Степь» и еще где-то. У Пушкина помню тоже, в «Братьях-разбойниках»: «богатый жид иль поп убогий», здесь действительно нет ничего уничижительного. У Гоголя в «Тарасе Бульбе» — да, неоднократно встречается, причем с неприкрытой ненавистью, это правда. Что-то вроде «Перевешать всю жидову!». А вот у Достоевского не припомню, хотя вроде все его романы читала. В «Преступлении и наказании» Свидригайлов перед самоубийством встречает солдата-еврея, но вроде бы там не было слова «жид» или чего-то оскорбительного. Ты ничего не путаешь? Или меня память подводит?

Люся усмехнулась.

— Это оттого, Веруня, что ты читала именно романы, а я — дневники и публицистику. И первое же, с чем столкнулась, когда изучала вопросы правовой реформы, было вот такое чудесное высказывание нашей совести нации...

Она прикрыла глаза и начала неторопливо и четко цитировать по памяти:

— «Ограничить права жидов во многих случаях можно и должно. Восемьдесят миллионов существуют лишь на поддержание трех миллионов жидишек. Наплевать на них». И вот еще довольно характерное высказывание: «Жид распространяется с ужасающей быстротой. А ведь жид и его кагал — это все равно что заговор против русских». Цитаты

можно продолжить, если хотите, но эти две я помню наизусть, а остальные нужно в моих записях поискать.

За столом повисла тяжелая тишина, будто сотканная из войлока, поглощающего звуки. «В ее записях! — говорил себе Орлов. — К ее научной работе антисемитизм Достоевского, если он и вправду был, не имеет никакого отношения. К истории Раевских и Гнедичей — тоже. Зачем же Люсенька вела эти записи? Понятно, зачем: все это было интересно и живо обсуждалось, когда она вертелась в кругу диссидентов. Когда была с Хвылей. Но с Хвылей все кончено. И Люсенька дала мне слово, что с ее участием в этих кругах тоже все завершено. Она же понимает, не может не понимать, что от этого зависит и Борька, и Верочка, а значит, в конечном итоге и Танюшка, и наши будущие внуки. Люсенька никогда не была безответственной. Зачем же она хранит эти проклятые записи? Для чего? Неужели не понимает, что если бы наверху сочли эти тексты безобидными, то их опубликовали бы в полном собрании сочинений! У нас на полке стоят эти серые тома — собрание сочинений Достоевского, и никаких дневников там нет. Значит, «там» считают, что народу этого лучше не читать. И если, не дай бог, придут с обыском, то могут зачесть эти записи с цитатами как запрещенную литературу. Ах, Люсенька, Люсенька!»

Ему нестерпимо захотелось закурить. С этой вредной привычкой Александр Иванович и после инфаркта не расстался, хотя количество выкуриваемых за день сигарет существенно сократил. Но встать сейчас из-за стола и выйти на кухню нельзя: это будет выглядеть как демонстративный жест, дескать, он, Орлов, не намерен поддерживать разговор на затронутую тему. А это не так! Ему нужны любые доказательства того, что он живет действительно в антисемитской стране. В стране, где ненавидят евреев и где быть евреем опасно и трудно. Потому что только это может хоть как-то оправдать его ложь и его молчание.

— Неужели Достоевский так и написал: «жидишек»? — полным отвращения голосом произнесла Вера. — Какая гадость! Поверить не могу.

— Придется поверить, — со вздохом ответила Люся. — Я своими глазами читала. Ладно, не будем больше о грустном, у нас же сегодня праздник! Давайте еще раз выпьем за здоровье наших детей. Санечка, наливай дамам!

Орлов с готовностью плеснул в их рюмки коньяку, себе налил клюквенный морс. Запрет врачей на спиртное он переносил легко.

— Кстати, Санечка, а как тебя вообще занесло в магазин «Мелодия»? — вдруг спросила жена, когда разлила по чашкам свежесваренный чай. — Что ты там делал?

Орлов рассказал, как искал альбом в подарок детям и как вдруг решил найти ту колыбельную, которую «ему пел отец». Александру Ивановичу удалось даже не запнуться на этих словах. Рассказывал живо, в красках и в лицах, и в том месте, где он изображал свою растерянность перед предложением «напеть мелодию», а потом копировал сухопарую пожилую продавщицу, скрипучим противным голосом напевавшую себе под нос, Люсенька и Вера хохотали до слез. По окончании рассказа дамы выразили желание послушать песню. Орлов немедленно включил проигрыватель и поставил диск. Слушали внимательно, но по-разному: Люсенька — настороженно и с интересом, Вера — расслабленно и с явным удовольствием. Сам Александр Иванович изо всех сил пытался скрыть свои чувства, потому что объяснить их он не смог бы.

— Шуберт вместо колыбельной, — сказала Людмила Анатольевна, когда песня закончилась. — Вот что значит: немецкая бабушка.

«Это не моя колыбельная! — билось в голове у Орлова. — Это не мое детство! Это не моя бабушка была немкой! И это не моя жизнь...»

Глава 3. 1990–1994 годы

Что-то пошло не так.

Хотя начиналось все многообещающе! В пятьдесят пять лет Вера Леонидовна, сменившая фамилию «Потапова» на «Верещагина», вышла в отставку и уехала к мужу в далекий сибирский город. Уже обосновавшись на новом месте, она узнала, что Танюшка беременна. Добираться из города, в котором располагался Штаб военного округа, где служил Олег Семенович, до Москвы было несложно, но долго: без малого семь суток поездом. Самолет для Веры исключался: врачи запретили категорически, у нее обнаружили какие-то серьезные проблемы с сосудами. Разумеется, к ожидаемому времени родов Вера Леонидовна приехала в Москву, но дорога измучила ее так, что о пути назад она думала с содроганием.

Родилась девочка, которую называли Алисой — с весны 1984 года это имя стало едва ли не самым популярным в стране. Именно так звали всенародную любимицу — героиню фильма «Гостя из будущего». Вера Леонидовна пробыла в Москве почти три месяца, помогая несколько растерявшейся от новых забот дочери, и взяла обратный билет только тогда, когда Танюшка твердо заявила:

— Всё, мамуля, ты меня азам научила, дальше я справлюсь сама. Если что — тетя Люся рядом, поможет. А ты двигай к своему Семенычу, а то у тебя там замначальника Штаба округа без пригляда остался, еще уведут, не приведи господь.

— Неужели ты думаешь, что мой Семеныч мне дороже дочери и внуки? — рассмеялась Вера Леонидовна.

Татьяна не стала спорить.

— Может, и не дороже, — ответила она. — Но лично мне твой Семеныч ужасно нравится, и еще мне ужасно нравится, что ты такая счастливая рядом с ним. Не лишай меня удовольствия знать, что у тебя все в порядке и тебе хорошо. Поезжай спокойно, мы тут сами справимся. Если ты останешься, я буду нервничать. А если я начну нервничать, у меня пропадет молоко. И виноватой в этом будешь ты.

Вера сперва колебалась, ведь Танюшка казалась ей такой беспомощной и неприспособленной!

— Не валяй дурака, Веруня, — строго сказала ей Людмила Анатольевна. — Вспомни, как ты прислала Танюшку на подмогу Сане и Борьке, когда... Ну, когда меня не было несколько месяцев. Она уже тогда

была совершенно самостоятельной и прекрасно управлялась с хозяйством, а с тех пор четыре года прошло. И мы с Саней под боком, чуть что — за пятнадцать минут долетим. Ты столько лет пахала, как проклятая, что заслужила право пожить спокойно и счастливо хотя бы на пенсии.

— В отставке, — с улыбкой поправила ее Вера Леонидовна. — А ты сама-то на пенсию не собираешься?

— Пока нет. Но если будет нужно — в любой момент уйду. Ни о чем не беспокойся, мы тут без тебя не пропадем.

Вера уехала. Вернулась к мужу она совсем больная и с высокой температурой: подцепила вирус то ли в Москве, то ли от кого-то из соседей по вагону, а квалифицированную медицинскую помощь в поезде получить было негде. Лекарства собирали по проводникам всех вагонов, добросердечные попутчики выскакивали на станциях в попытках найти поблизости аптечный киоск, но ни одним из оказавшихся в доступности препаратов не удалось ни сбить температуру, ни снять душивший Веру кашель, ни вообще хоть как-то улучшить ее самочувствие. Встретивший ее на вокзале генерал Верещагин почти на руках дотащил жену до служебной черной «Волги» и повез прямо в госпиталь, где состояние Веры определили как тяжелое и оставили в стационаре.

— Одна больше никуда не поедешь, — сердито говорил Олег Семенович, сидя на краю кровати и держа Веру за руку. — Ты как ребенок, честное слово! Ну как можно было сесть в поезд без набора первой помощи на все случаи жизни, зная, что предстоит семь дней пути?

— Но я же никогда так тяжело не болела, — тихо сопротивлялась Вера. — Мне и в голову не могло прийти, что оно вот так случится... Свои лекарства для сосудов у меня были, их надо каждый день принимать, а про другие я и не подумала... Даже вспомнить не могу, когда в последний раз у меня хотя бы простуда была...

— Вот то-то и оно, что ты не подумала, — продолжал ворчать генерал. — И правильно тебя Танюха выперла из Москвы, никакого от тебя толку все равно не было бы.

В больнице ее продержали почти месяц: возникало то одно осложнение, то другое. Потом Вера Леонидовна еще долго долечивалась дома, кляня саму себя за то, что какая-то непонятно откуда взявшаяся болезнь сосудов не позволяет теперь прилететь в Москву самолетом всего за каких-нибудь шесть часов.

Первое время после выхода из больницы она звонила дочери ежедневно, слушала ее спокойный уверенный голос, сообщавший, что все в полном порядке и она отлично справляется, и Борька помогает изо всех

сил, насколько служба позволяет, и тетя Люся с дядей Сашей всегда рядом, единственная проблема — очень хочется спать, постоянно хочется, потому что выспаться никак не удастся... Потом Вера стала звонить через день, потом — через три, потом — раз в неделю. Раз все хорошо, то и беспокоиться не о чем.

Сидеть без дела она не собиралась с самого начала, и едва поселившись на новом месте, стала искать работу. Выбор у нее, собственно говоря, был невелик, ибо следственная работа исключалась: в прокуратуру Вера Леонидовна не вернулась бы просто из принципа, а следователь в МВД должен быть офицером, а не гражданским лицом, пусть и в отставке. Оставалось преподавание. Ее охотно взяли в среднюю школу милиции читать курс по теории государства и права — преподаватели на этой кафедре были неаттестованными, то есть именно вольнонаемными, а не офицерами. Вера, к тому моменту уже знавшая о беременности дочери, подсчитала все сроки и договорилась с начальником кафедры, что приступит к работе с нового учебного года, то есть с сентября. До отъезда в Москву она добросовестно и с неожиданным для себя удовольствием восстанавливала и обновляла знания по предмету преподавания, вспоминая, сколь многое казалось ей совершенно непостижимым во время учебы в университете, и радуясь тому, насколько понятным и простым все кажется теперь, когда за плечами столько лет практики и на любой теоретический тезис тут же находится масса иллюстрирующих и разъясняющих примеров...

К новой работе пришлось приступить, когда она только-только оправилась после болезни. Трудно Вере Леонидовне не было — спасал азарт и желание доказать самой себе, что она еще не старая и легко может освоить новый вид деятельности. Похорошевшая в счастливом замужестве, заметно посвежевшая после отъезда из загазованной столицы, по-прежнему элегантная, она мгновенно стала любимицей всего курса: самый скучный для слушателей (после истории КПСС) предмет заиграл новыми красками, расцвеченный примерами из следственной практики и живыми жизнеописаниями настоящих, реальных преступников, отбывающих наказание. Кроме того, нашел свое применение и замеченный Олегом Верещагиным еще в детстве талант Веры объяснять сложные вещи просто и доступно.

— На что ты потратила свою бесценную жизнь, Примерка! — сокрушался Олег Семенович. — Сначала следствие, потом наука, потом вообще непонятно что, бумажки перекладывала... Твое призвание — педагогика, обучение. Слава богу, хоть на склоне лет ты своим делом

занялась.

— За «склон лет» можно и ответить, — угрожающе говорила Вера, делая страшное лицо.

Однажды, уже во втором семестре, к ней после занятий подошел один из слушателей — невысокий крепкий паренек, старательный, но талантами не блещущий.

— Вера Леонидовна, вы не могли бы мне помочь? — робко попросил он.

Просьба Веру изрядно позабавила: у слушателя был младший брат-старшеклассник, который никак не мог освоить некоторые вопросы по обществоведению, касающиеся государственного устройства.

— Я ему уж и так объяснял, и эдак, — сетовал слушатель, — а он не понимает, хоть тресни. Может, вы подскажите, как еще можно объяснить? Я же старший брат, мне нужно перед ним марку держать, а получается, что я сам плохо понимаю, раз толково объяснить не могу.

— Ну, пойдем, — усмехнулась Вера, — посмотрим, что можно еще придумать.

Они нашли свободную аудиторию, Вера достала блокнот и принялась рисовать схемы. Через полчаса паренек забрал исписанные ею листки и ушел с выражением облегчения на веснушчатом лице.

К чести этого слушателя, надо признать, что обманывать младшего братишку он не стал и добросовестно рассказал, кто ему помог. Буквально через неделю Веру возле здания школы милиции уже поджидала супружеская пара: родители одноклассника младшего брата пришли просить за сына.

— Вера Леонидовна, не откажите, на вас вся надежда, ничего не можем сделать: в слове из четырех букв делает пять ошибок. И ведь учит правила, мы сами видим, что учит на совесть, а пишет так, что хоть стой, хоть падай. Видно, что-то в этих правилах он не понимает. А нам сказали, что вы даже необъяснимое можете объяснить так, что становится понятно.

— Но я же не учитель русского языка, — растерялась Вера. — Если бы по обществоведению или в крайнем случае по истории, я бы еще как-то могла попробовать. Но русский язык...

Супруги были настойчивыми, а азарт испытать себя в новом деле еще не угас, и Вера рискнула. В конце концов, удавалось же ей сорок лет назад объяснять все эти правила туповатой подружке Катерине! Может быть, и сейчас получится.

И у нее получилось. Конечно, не сразу и не без усилий. Но получилось. Порой у Веры опускались руки, и ужасно хотелось поддаться

соблазну закрыть дверь за учеником, позвонить его родителям, извиниться, признать собственное бессилие и больше никогда не видеть мальчика. И тогда в ней просыпалась та маленькая девочка, которая шла, шатаясь от голода и умирая от страха, и в которой жила только одна мысль: «Я должна дойти». Вере становилось стыдно за желание отступить. Если уж она ребенком смогла сделать невозможное, то неужели сейчас даст слабину?

В общем-то, родители паренька сильно преувеличивали, говоря, что он делает пять ошибок в слове из четырех букв. Орфографических ошибок у него было не так уж много, а настоящей бедой стал синтаксис. Принципа расстановки знаков препинания мальчишка усвоить никак не мог, что и стало камнем преткновения. Из-за огромного количества учительских исправлений в знаках препинания оценки по русскому языку никогда не поднимались выше «тройки», а ведь впереди маячили выпускные экзамены и поступление в институт. К счастью, школа, в которой учился парень, уже перешла на одиннадцатилетнее обучение, и Вера, занимаясь с десятиклассником, понимала, что в крайнем случае у нее в запасе еще целый год. Хотя еще год борьбы с запятыми, скобками и тире она, наверное, не выдержит...

Сконцентрированная на «здесь и сейчас», Вера Леонидовна Верещагина обладала весьма слабой способностью охватывать ситуацию всю целиком в ее развитии, поэтому сердилась на себя, когда не могла добиться от ученика понимания конкретного правила, не замечая явных признаков прогресса: в применении тех правил, которые ей все-таки удалось объяснить, парень ошибок больше не допускал, и количество сделанных учителем исправлений постепенно и неуклонно уменьшалось. Неудача на каждом конкретном уроке воспринималась ею как катастрофа, без учета прошлых стабильных успехов. Она была немало озадачена, когда в конце учебного года родители мальчика пришли к ней с горячей благодарностью, огромным букетом цветов и роскошной подарочной коробкой конфет — с самого начала Вера предупредила их, что ни о каких деньгах и речи быть не может. Нарушать закон, получая вознаграждение за частные уроки, она не станет ни за что.

Но еще больше ее удивило, что рядом с родителями ученика на пороге ее квартиры стояла женщина лет тридцати пяти — сорока, которую представили как учителя русского языка и литературы. Женщина выглядела одновременно смущенной и решительной.

— Вера Леонидовна, я пришла просить вас, чтобы вы поделились со мной своими секретами, — сказала она. — Дима — мой ученик, я веду этот класс уже три года и была уверена, что мальчик безнадежен. Теперь я вижу,

что ошибалась. Как вы это делаете?

Вера растерянно пожала плечами. Как она это делает? Она и сама не знает. И никогда не знала раньше, когда занималась с Катюхой Верещагиной. Объяснения и примеры рождались у нее в голове интуитивно, без всякой системы, без алгоритмов и правил. Они просто появлялись — и все.

Тут же был сервирован чай, подаренная коробка конфет немедленно открыта, и когда домой со службы вернулся генерал Верещагин, вся компания увлеченно обсуждала недостаточность имеющихся в распоряжении школьных учителей дидактических приемов. Гости тут же деликатно покинули их, чтобы Вера могла спокойно накормить мужа ужином. Расстались они если не друзьями, то, по крайней мере, добрыми знакомыми.

— Ну что, Примерка, отмечаешь заслуженный успех? — весело спросил Олег Семенович, разглядывая пышный букет. — Денег не предлагали?

— Пытались, — призналась Вера. — Но я не взяла.

— И умница! Жена замначальника Штаба округа не может подрабатывать частной халтурой, она может только официально работать.

— А если меня еще кто-нибудь попросит помочь? И потом, с Димкой-то мы не закончили, я с ним еще весь одиннадцатый класс буду заниматься, ему нужна твердая «четверка» и на экзаменах, и в аттестате, и на сочинении при поступлении в институт.

— Это, моя любимая Примерка, должно называться «хобби», а не «халтуркой», поняла? Занимайся сколько угодно и с кем угодно, но чтобы ни копейки за это не получала. Я всегда мечтал иметь жену, у которой было бы какое-то хобби, и желательно — не одно, а несколько. Чтобы не заикливалась на мне и не пилила за опоздания к ужину или за то, что я с тобой в театр не пошел, потому что задержался на службе.

Вера внимательно посмотрела на мужа.

— Я помню. Но все-таки ты удивительный, Алик. Впервые встречаю мужчину, который не стремится быть главным для своей жены.

— Это только несостоявшиеся неудачники хотят быть главными хоть для кого-то, и выбирают для этой цели жену как самый доступный объект. А я — командир, я для своих бойцов должен быть главным, а не для женщины, пусть и самой любимой. Поняла, Примерка?

— Так точно, товарищ генерал! — отрапортовала Вера Леонидовна.

Очень хотелось съездить в Москву, она соскучилась по дочери и мечтала увидеть внучку, но мысль о неделе в душном грязном поезде, пусть

даже в купе СВ, приводила в ужас: воспоминания о предыдущей поездке и ее последствиях были еще свежи и не особенно приятны. Она попыталась выбить из врачей разрешение на перелет самолетом, но медики были непреклонны: ситуация с сосудами у Веры Леонидовны за минувший год не улучшилась, а стала даже несколько хуже, препараты только «придерживают» развитие заболевания, не давая ему быстро прогрессировать, но не излечивают, и рисковать ни в коем случае нельзя.

Вера звала дочь приехать с ребенком к ним в Сибирь, но разумная и рассудительная, как всегда, Татьяна не согласилась, сказав, что такой длительный перелет со сменой климата и часовых поясов для малышки не полезен: знающие педиатры утверждают, что ребенок как минимум до трех лет должен жить в той полосе, где родился, тогда у него будет крепкое здоровье. О такой точке зрения педиатров Вера Леонидовна слышала впервые, но не доверять словам дочери у нее оснований не было.

— Вот исполнится Алисе три года — и мы обязательно к вам приедем, — пообещала Татьяна. — А пока наслаждайся жизнью. Мы еще успеем тебе надоесть.

В отпуск поехали на озеро, жили на турбазе, в маленьком дощатом домике. Верещагин рыбачил, Вера гуляла по лесу. Иногда брали напрокат велосипеды и ездили в ближайший поселок, километров за десять, чтобы позвонить с почты в Москву. Танюшка, как и полагается, год отсидела в отпуске по уходу за ребенком, и вот уже пару недель как малышку Алису отдали в ясли. Борис получил повышение и стал старшим следователем. Людмила Анатольевна, достигнув пенсионного возраста, перешла на полставки, чтобы освободить побольше времени для внучки и вообще для помощи семье сына. Все шло своим чередом.

Новый учебный год принес Вере Леонидовне и новых учеников: весть о репетиторе, который может объяснить что угодно и кому угодно, и при этом не берет денег, разнеслась за лето по сарафанному радио. Слухи, как обычно, сильно преувеличивали реальные возможности волшебного репетитора. К Вере стали обращаться с просьбами «подтянуть» школьников и даже студентов по химии, физике и математике — по предметам, в которых она не понимала ровным счетом ничего. Однако и желающих улучшить успеваемость по гуманитарным дисциплинам оказалось немало. Вера набрала учеников, предупредив родителей, что уровень знаний она ни проверять, ни повышать не берется; она не может и не имеет права обучать, ее задача — объяснить то, чего человек не понимает.

— Самое лучшее — если вы принесете от учителя-предметника

перечень вопросов, которые ваш ребенок не освоил, — говорила она. — Любой хороший учитель точно знает это о каждом ученике.

Многие родители такого подхода не понимали и считали, что если Вера Леонидовна называет себя репетитором, то она обязана в мгновение ока сделать из двоечника круглого отличника. Возникали недоразумения, обиды и даже конфликты. Верещагин только посмеивался:

— Видишь, как хорошо, что ты не берешь денег за уроки! Иначе были бы претензии, что, дескать, деньги взяла, а толку никакого. А так тебя и упрекнуть не в чем.

Ей было интересно, новый опыт казался увлекательным, и Вера не заметила, как пролетел еще один учебный год. Отпуск ей как преподавателю полагался только летом. На этот раз Олег Семенович предложил санаторий с природной целебной водой и великолепными маршрутами для пеших прогулок. Вера прислушалась к себе и с удовольствием согласилась, удивленно отметив, что о Москве думается как-то спокойно и без ностальгии.

Уезжая вслед за получившим назначение мужем, она была уверена, что будет тосковать по столице и рваться назад, к дочери, к подругам, к Орловым, к привычному быту, к своей квартире. Она уже не помнила, как уезжала когда-то из родного Ленинграда в Москву и тоже думала, что станет скучать, тосковать и при любой возможности приезжать, однако через два-три месяца погрузилась в новую жизнь и совершенно забыла о жизни прежней. Она умела жить только здесь и сейчас, не предаваясь воспоминаниям и сожалениям. Здесь и сейчас Вера Леонидовна Верещагина — жена заместителя начальника Штаба военного округа, хозяйка просторной удобной квартиры, востребованный преподаватель и «волшебный репетитор», день ее под завязку забит делами и расписан по минутам. И скучать и тосковать ей некогда. Да и смысла нет.

* * *

В первый год после рождения Алисы телефонные звонки Веры несколько раз оказывались не ко времени: девочка только-только успокоилась и заснула, Танюшка тоже прилегла подремать, а телефонная трель такая громкая, внучка проснулась и опять плачет... Приспособиться и подобрать оптимальные часы для разговора оказалось непросто, ведь разница во времени большая. В конце концов, договорились, что Татьяна будет звонить сама, когда ей удобно, а окажется ли мать в это время дома —

это уж как повезет.

С Орловыми было проще, после десяти вечера их, как правило, всегда можно застать, и если в течение долгого времени не удавалось созвониться с дочерью, Вера в четыре часа ночи потихоньку выбиралась из постели, стараясь не разбудить мужа, на цыпочках прокрадывалась к телефонному аппарату, уносила его на кухню и, плотно прикрыв дверь, разговаривала с Александром Ивановичем или Людмилой Анатольевной, которые уверяли ее, что все в полном порядке, и пересказывали забавные эпизоды, которых всегда так много, когда растёт малыш! Но и эти переговоры становились со временем все более редкими.

А жизнь в тот период менялась быстро, и каждый день приносил неожиданные известия, становившиеся главной темой разговоров и на работе, и дома. Бастовали рабочие крупных заводов, шахтеры, водители автобусов, развернуло активную деятельность правозащитное общество «Мемориал», вывели войска из Афганистана, в Москве прошла десятитысячная демонстрация в поддержку попавшего в опалу Ельцина... События чередовались с калейдоскопической скоростью, и все это было волнующим, увлекательным, обнадеживающим и немного пугающим. Землетрясения в Армении и Таджикистане, трагедия в Тбилиси, гибель подводной лодки «Комсомолец», авария на газопроводе в Башкирии, погромы в Фергане, события в Нагорном Карабахе — все немедленно становилось предметом самого живого обсуждения. Трансляции с Первого съезда народных депутатов смотрели, не отрываясь.

Изменения происходили не только в политической жизни, но и в повседневной. Уже два года, как разрешили открывать кооперативы и совместные предприятия, и те, кто чуял в себе (порой и безосновательно) коммерческую жилку, стали уходить с бюджетной работы в сферы сервиса, общепита и производства товаров народного потребления, проще говоря — в шитье и торговлю одеждой. Шитье было плохим, но торговля — бойкой, ибо за десятилетия плановой экономики люди изрядно подустали от тусклой немодной одежды, продававшейся в магазинах. Яркие цвета и модные фасончики «кооперативных шмоток» вполне искупали и низкое качество ткани, и линяющую при первой же стирке краску, и халтурно простроченные швы.

Захваченная круговертью событий, впечатлений и разговоров, Вера Леонидовна все реже думала о жизни в Москве и совсем-совсем по этой жизни не скучала. Ей было хорошо в ее нынешнем бытии. Иногда приходила в голову мысль о том, что она не рвется повидаться с дочерью и внучкой и это, наверное, как-то неправильно, но стоило ей поделиться

своими сомнениями с Верещагиным, как тот объяснил:

— Твоя Татьяна не жила с тобой уже задолго до твоего отъезда, ты давно привыкла жить без нее и видеть не то что не каждый день — даже не каждую неделю. Конечно, если бы вы жили вместе всю жизнь, то после отъезда ты бы сильно скучала с непривычки. А так-то...

— А Алиса? Наверное, Танюшка обижается и считает меня плохой бабушкой. Но я действительно не ощущаю себя бабушкой.

— Веруша, — ласково отвечал Олег Семенович, — наше будущее — это наши дети. А вот внуки — это уже будущее не наше, а наших детей. Лететь тебе все равно нельзя, а поездом ты одна больше не поедешь, я своих решений не меняю.

— Тебе легко рассуждать, — вздыхала Вера, — у тебя нет детей и внуков.

— Это правда, — соглашался Верещагин. — Зато у меня взгляд не субъективный.

Вера Леонидовна успокаивалась и возвращалась к своим занятиям.

Так прошел еще год. Потом еще один.

А потом что-то пошло не так.

* * *

— Почему мне никто ничего не сказал? — кричала Вера Леонидовна. — Как вы могли скрывать от меня, что ребенок болеет?

— Мам, ну мы не хотели тебя волновать, — оправдывалась Татьяна. — Все детки болеют, если ходят в ясли и садик, там же без конца простуды и инфекции.

— Да, все маленькие дети болеют, но не так часто и так подолгу, как Алиса! Ты же с больничного не вылезала все это время! Почему никто мне не сказал?

— Не кричи, пожалуйста. Что толку, если бы тебе сказали? Что ты могла бы сделать? Ни прилететь, ни приехать. Только сидела бы там у себя и нервничала, здоровье тратила.

Правда открылась случайно. Был день рождения Танюшки, и Вера Леонидовна, вопреки обыкновению, позвонила дочери на работу, чтобы поздравить. Начальство у инженера Орловой было строгим, телефонных разговоров на личные темы не одобряло, а единственный на все КБ аппарат стоял непосредственно на столе у руководителя, так что и захочешь нарушить запрет — не сможешь. Зная об этом, Вера раньше звонила только

домой.

— А Татьяна Геннадьевна на больничном, — сообщил Вере сухой мужской голос. — У нее ребенок болеет, как всегда.

Это короткое и недовольное «как всегда» ошарашило Веру. Она долго смотрела на зажатую в руке трубку, не понимая, что происходит. Потом позвонила Орловым, застала дома Александра Ивановича и приперла его к стенке требовательными вопросами.

— Мы решили ничего тебе не говорить, — сказал Орлов, — потому что помочь ты все равно ничем не можешь, а переживания никому не на пользу. Танюшка очень просила тебя побережь, она так радовалась, что ты счастлива, и боялась все испортить.

— Но диагноз-то поставили? Что с ребенком?

— Да нет никакого диагноза, Верочка. Просто слабенькая девочка, все время простужается, любую инфекцию ловит и болеет подолгу, вот и все.

Вера отказывалась верить услышанному. Позвонила дочери домой. Потом, дождавшись, когда в Москве наступит вечер, поговорила с Людмилой Анатольевной. Дотошно выпросила, каким врачам показывали Алису и что эти врачи говорили. Люся повторила то же самое: никакого заболевания нет, просто слабый ребенок.

Но этого не может быть! Этого просто не может быть! Ведь вероятность была такой маленькой, всего один случай на сорок тысяч! Это же мизер! Это ничто! Ну почему, почему это должно было случиться именно с ее внучкой, единственной на сорок тысяч рожденных младенцев?

А может быть, все не так страшно, и дело именно в том, что ребенок слабенький? Сколько кругом примеров, когда ослабленные, часто болеющие детки превращались в здоровых взрослых и даже в олимпийских чемпионов...

Вера Леонидовна хорошо помнила старенькую Зинаиду Рафаиловну — участкового педиатра, лечившего Танюшку в раннем детстве. Однажды пришедшая на вызов доктор (у Танюшки была тяжелая ангина) приняла предложение Веры попить чайку: вызов к Потаповым был последним в тот день. За столом сказала:

— А давайте-ка, Верочка, коль уж мы с вами все равно сидим без дела, я соберу подробный анамнез на вашу девочку.

И начала задавать вопросы. Не только о Танюшке, о течении беременности и протекании родов, о самой Вере и ее муже, но и об их родителях, бабушках и дедушках, дядьях и тетках. Вера добросовестно вспоминала все, что знала из рассказов мамы, папы, бабушки Рахили и Сонечки, папиной младшей сестры. О семье Геннадия она знала,

разумеется, куда меньше, но тоже что-то смогла рассказать. Услышав, что у отца Веры в роду были случаи детской и подростковой смертности «непонятно от чего», при этом у умерших детей были большие животики или кровотечения, внимательно посмотрела на Веру поверх сдвинутых к кончику носа очков для чтения.

— Верочка, в вас есть еврейская кровь?

— Да, — растерялась Вера, которая к тому времени уже давно носила фамилию «Потапова». — Как вы узнали?

— Я не узнала, просто спросила на всякий случай. Так вы еврейка или полукровка?

— Мой папа еврей, а мама русская.

— Я обязана вас предупредить: очень похоже, что в вашем роду по линии отца есть носители болезни Гоше. Я ничего не утверждаю, но считаю, что о такой опасности вы должны знать.

Вера помертвела. Со слов Зинаиды Рафаиловны выходило, что если Танюшка, когда вырастет, выйдет замуж за еврея, то вероятность, что у нее родится ребенок с болезнью Гоше, будет составлять примерно 1:450, а если за нееврея — то 1:40 000.

— Цифры разнятся, — продолжала говорить педиатр, — у одних исследователей написано, что среди евреев эта болезнь встречается в пропорции «один на девятьсот пятьдесят», у других — что среди неевреев она диагностируется в одном случае на сто тысяч. Но в любом случае вывод очевиден: среди евреев заболевание встречается примерно в сто раз чаще, чем среди других народностей.

Увидев, что Вера побелела, доктор ласково похлопала ее по руке.

— Не отчаивайтесь раньше времени, Верочка, ваша девочка здоровенькая и совсем непохоже, что она больна. Хотя и к этому вы тоже должны быть готовы, потому что болезнь может начать проявляться в любом возрасте, а может протекать и вовсе бессимптомно и не доставлять никаких неудобств. А вот являетесь ли вы или Танечка носителем гена Гоше — мы с вами не знаем. Вероятность — пятьдесят на пятьдесят. Либо да, либо нет. Если «да» и если будущий избранник вашей Танечки тоже окажется носителем, то все равно вероятность рождения больного ребенка будет только двадцать пять процентов. Вероятность того, что ребенок будет носителем Гоше, конечно, выше, пятьдесят процентов, но больным он не будет.

Далее старенькая врач объяснила, в чем суть заболевания и как оно может проявляться.

— Это лечится? — спросила Вера упавшим голосом.

Зинаида Рафаиловна опустила глаза.

— У меня в семье были больные Гоше, — проговорила она медленно. — Мои родные брат и сестра умерли, не дожив до десяти лет. Именно поэтому я прочитала все, что оказалось доступным, об этой болезни. На сегодняшний день болезнь неизлечима. Но, как я уже сказала, она совсем не обязательно ведет к ранней смерти. Человек с болезнью Гоше может жить долго и счастливо, зачастую даже не зная о том, что болен.

— Но может — не долго и не счастливо? — уточнила Вера.

— Может, — кивнула педиатр. — Поэтому просто имейте в виду: вашей девочке больше подойдет муж, в котором нет еврейской крови.

В течение нескольких лет после этого разговора Вера с замиранием сердца присматривалась к дочери: не ухудшился ли аппетит, нормально ли она растет, не болеет ли чаще других детей, не меняется ли пигментация кожи, в особенности вокруг глаз, не увеличен ли животик — Зинаида Рафаиловна говорила о таком часто встречающемся симптоме, как значительное увеличение размеров селезенки или печени. Каждый раз, когда Танюшке приходилось сдавать анализ крови, Вера не выходила из кабинета терапевта до тех пор, пока ей не оглашали показатели тромбоцитов и лейкоцитов.

— Что вы так беспокоитесь, мамочка? — недовольно морщилась участковый врач, сменившая Зинаиду Рафаиловну, которая, к сожалению, скончалась примерно через полгода после того разговора.

Вера на вопрос не отвечала, виновато улыбалась и уходила.

Со временем она успокоилась: ни малейших оснований для волнений не было. «Может быть, Танюшка и носитель Гоше, но она совершенно точно не больна», — говорила себе Вера.

Она так хорошо помнила свой ужас и отчаяние, что твердо решила для себя: пусть дочь живет в счастливом неведении. Вера расскажет ей правду только в том случае, если Татьяна соберется выходить замуж за еврейского мальчика. Во всех других случаях вероятность рождения больного ребенка настолько мизерна, что ее можно не учитывать. И незачем отравлять девочке счастье замужества и материнства.

Когда Татьяна начала встречаться с Борей Орловым, Вера Леонидовна вздохнула с облегчением: не просто «хороший мальчик» и «мальчик из хорошей семьи», а еще и русский. Ну что такое «один случай на сто тысяч»? Да даже и «один на сорок тысяч» — все равно полная ерунда!

И вдруг оказалось, что это не ерунда.

Или, может быть, все-таки ерунда, и Алиска действительно просто ребенок с ослабленной иммунной системой? Побольше витаминов,

физкультура, движение на свежем воздухе — и малышка выправится?

Пугать дочь и зятя не хотелось, но хотя бы с Орловыми-старшими поговорить нужно, это Вера понимала. Олег Семенович, не говоря ни слова, только кивнул и на следующий день положил на стол билет на поезд. Рядом поставил объемистый пакет с лекарствами, как он выражался, на все случаи жизни. Вера сглотнула готовые брызнуть из глаз слезы благодарности и помчалась в школу милиции утрясать вопрос с отпуском за свой счет по семейным обстоятельствам.

— Может, больничный оформите, Вера Леонидовна? Наверняка ведь можно как-то договориться в поликлинике, — предложили ей. — Все-таки зарплата будет идти, а если по заявлению — тогда без сохранения содержания.

Вера отказалась. «Договариваться» и идти обходными путями она не умела и учиться этому не собиралась.

Семь дней пути прошли, как во сне, дорогу Вера, погруженная в горестные и тревожные мысли, практически не заметила. С вокзала поехала к себе, готовая встретить толстый слой пыли и застоялый душный воздух, и приятно удивилась сияющей чистоте и прохладной свежести: кто-то позаботился о том, чтобы к приезду хозяйки квартира обрела жилой вид. Кто? Наверное, Танюшка или Люсенька, больше некому. Разбирать вещи не стала, бросила раскрытый чемодан посреди комнаты, быстро приняла душ, переделалась и помчалась к детям. Прежде чем разговаривать с Сашей и Люсей, нужно увидеть дочь и внучку.

Татьяна показала ей совсем не изменившейся, только немного уставшей. Она радостно смеялась, впустив Веру в квартиру, и весело знакомила Алису с бабушкой, приговаривая:

— Бабушка Вера точно такая же бабушка, как бабушка Люся, только живет далеко, поэтому раньше она к нам не приезжала.

Алиса, лежавшая в кроватке и одетая в красивую пижамку, кивнула с серьезным видом:

— Я про тебя все знаю, бабушка Вера. Раньше ты сажала плохих людей в тюрьму, а потом вышла замуж за принца и уехала в далекое королевство, и больше никого никуда не сажаешь.

Говорила малышка чисто и правильно, не картавила и не шепелявила.

Вера расхохоталась:

— Ну, в общем и целом — все верно.

Тревожным цепким взглядом она ощупывала девочку, боясь заметить те признаки, о которых говорила Зинаида Рафаиловна.

— Давай поиграем, — предложила она. — А покажи-ка мне свои

глазки! Дай я их рассмотрю как следует.

Девочка с готовностью подставляла личико под свет, льющийся из настенного бра.

— А теперь покажи, какой у тебя животик...

— А теперь давай посмотрим, какая у тебя спинка...

— А теперь давай посмотрим, какая ты большая девочка. Встань в кроватке, пожалуйста.

Пигментных пятен нет, кожа вокруг глаз чистая. Или Вера просто не видит, не понимает? Животик не кажется большим, и рост у девочки вроде бы нормальный. Или все-таки чуть-чуть маловат для трехлетнего ребенка?

К приезду матери Татьяна приготовила свои фирменные салаты и испекла торт. Продуктов по доступным ценам в магазинах становилось все меньше, и кулинарное искусство каждой хозяйки оценивалось по умению создавать разнообразные и красивые блюда из минимального набора того, что можно было купить за «нормальные» деньги. «Не нормальными» считались суммы, указываемые на ценниках в кооперативных магазинах: вполне приемлемые на первый взгляд цифры оказывались ценой не за килограмм, как все привыкли, а всего за 100 граммов. Вера не могла не признать, что ее дочь — превосходная хозяйка по всем критериям. То, что стояло на столе, было не только красивым, но и вкусным. «Танюшка выглядит довольной и не измученной, — думала Вера Леонидовна, глядя на дочь, сидящую напротив с ребенком на коленях, — Алиса выглядит нормальной трехлетней девочкой, немножко бледненькой, но она ведь простужена... Может быть, я напрасно так переполошилась?»

Пришел с работы Борис — широкоплечий и высоченный, в отца, с обильной ранней сединой, радостно расцеловал тещу.

— Тетя Вера, красotka вы наша! — басил он. — Вот что значит счастливое замужество! Вы помолодели лет на двадцать! Если все женщины так реагируют на хороших мужей, то через пару лет мы Танюшку в детский сад поведем.

— А ты разве хороший муж? — со смехом осведомилась Татьяна. — У меня есть основания молодеть?

— Я — отличный муж, — гордо заявил Борис. — И не смей в этом сомневаться.

Вера оттаивала, сидя рядом с ними. Алису отнесли в постель — девочке пора было спать, и начались разговоры о следователях Гдляне и Иванове, которые вели широко известное дело «узбекской мафии»: Генеральная прокуратура провела проверку и выявила ряд грубых процессуальных нарушений при ведении многолетнего дела о

многочисленных фактах коррупции. Борис настаивал на том, что выявленные нарушения были сфальсифицированы, чтобы убрать неугодных следователей-демократов, ставших народными депутатами, Вера же склонялась к тому, что работники прокуратуры сработали честно: некоторых сотрудников из числа проверяющих она знала лично и в их добросовестности не сомневалась. Хотя прошло столько лет, а люди, как известно, меняются...

Домой она уехала поздно вечером почти полностью успокоенная. У Танюшки действительно все в порядке, и она отлично справляется. С Борисом у нее все хорошо, а то, что малышка Алиса прибаливает чаще, чем другие дети, может быть никак не связано с неизлечимой редкой болезнью. Первоначально принятое решение поговорить с Орловыми преобразовалось в намерение ограничиться разговором только с Людмилой Анатольевной. Зачем понапрасну волновать Сашу? Не дай бог, второй инфаркт случится. Да и что толку разговаривать с мужчинами о болезнях детей? Они все равно ничего в этом не понимают.

* * *

— Болезнь Гоше? — переспросила Людмила Анатольевна, сдвинув брови в жесте непонимания и недоумения. — А что это такое? Я впервые слышу о такой болезни.

Вера объяснила, как смогла, пересказав то, что запомнила из слов Зинаиды Рафаиловны. Есть такой фермент — глюкоцереброзидаза, при болезни Гоше этот фермент недостаточно активен, он не выполняет свою функцию — помогать организму разрушать неполноценные клетки. Из-за ферментной недостаточности в клетках накапливается жировое вещество, которое называется «глюкоцереброзид». Накопление этого вещества в органах и костях может привести к возникновению симптомов, и симптомы эти могут быть различной степени тяжести и проявляться в любом возрасте от младенчества до зрелых лет.

— Да, один случай на сорок тысяч, а тем более на сто тысяч — величина и вправду ничтожно малая, — согласилась Людмила Анатольевна. — В любом случае ты поступила совершенно правильно, что не стала ставить Сашу в известность. Пусть сердце побережет. Сначала нужно попытаться узнать точно, есть у Лисика эта болезнь или нет. Надо поднимать связи, искать знающих докторов.

Энергии Людмилы Анатольевны можно было только позавидовать, да

и круг знакомых у нее был весьма обширным. Уже через несколько дней перед ней лежал список «самых лучших педиатров страны», и некоторые фамилии даже были снабжены номерами телефонов. После первого же обзвона с просьбой принять для консультации список сократился больше чем наполовину: указанные специалисты о болезни Гоше не знали вообще. Из оставшихся и согласившихся проконсультировать двое жили и работали в Ленинграде, трое — в Москве и один — в Новосибирске.

— Ну, допустим, в Ленинград мы Лисика сможем отвезти, — сказала Вера. — А в Новосибирск — далековато.

— Начнем с Москвы, — решила Людмила Анатольевна.

Татьяна долго не могла понять, к чему такая активность и зачем нужно показывать Алису «самым лучшим докторам». Неужели из-за обычных рядовых простуд? Да, девочка болеет часто и подолгу, но это же всего лишь простуды, бронхиты и ангины, ничего особенного.

— Вот мы и должны убедиться, что это именно «ничего особенного», — твердили в один голос мать и свекровь. — Девочку нужно закалять и укреплять, но следует быть уверенным, что этим мы ей не навредим.

Алиса поправилась, Татьяна закрыла больничный по уходу за ребенком и вышла на работу, а Вера Леонидовна и Людмила Анатольевна отправились показывать внучку специалистам. Один из рекомендованных трех столичных светил заподозрил лейкемию, двое других согласились с тем, что вероятность болезни Гоше достаточно высока, но болезнь эта так мало изучена в СССР, и нет методик диагностики, и поставить точный диагноз вряд ли кто-то сможет.

Девочку повезли в Ленинград, где от двух педиатров слышали два разных мнения. Один сказал, что речь, судя по анализам, может идти о лейкемии, другой ответил, что ничего не может утверждать, пока ребенок не пройдет всестороннее обследование в стационаре.

— Но вероятность болезни Гоше вы не исключаете? — без всякой надежды спросила Вера.

— Не исключаю. Как и вероятность того, что это лейкемия. И то и другое опасно для ребенка. Но в случаях лейкемии мы хотя бы знаем, как диагностировать и как лечить. С болезнью Гоше все сложнее.

— Что же делать? Что вы посоветуете?

— Ищите возможности передать образцы крови в Израиль, — проговорил педиатр после небольшой паузы. — В Израиле болезнь Гоше хорошо изучена, и методы диагностики у них превосходные. Только так вы сможете узнать точно, есть у ребенка это заболевание или нет.

— А лечение? Если Алиса больна, ее там вылечат?

Врач покачал головой.

— Боюсь, что нет. Методов лечения еще не изобрели. Известно, что в США над этим работают уже много лет, но результата пока нет.

Из Ленинграда возвращались подавленными. Однако Людмила Анатольевна довольно быстро сумела взять себя в руки и уже в вагоне дневного «сидячего» поезда принялась просматривать записную книжку в поисках нужных контактов: если постараться, то наверняка можно найти людей, выезжающих в Израиль в командировку или даже на ПМЖ.

— Не отчаивайся, Веруня, — говорила она, — мы найдем способ передать образцы, мы договоримся с клиникой и все узнаем точно. Я уверена, что Лисик ничем серьезным не больна.

— А если лейкемия? — тоскливо спрашивала Вера, покачивая на коленях прикорнувшую внучку и с трудом удерживаясь, чтобы не заплакать.

— Если лейкемия — вылечим, — твердо обещала Люсенька. — Главное, чтобы это оказалось не Гоше. Но давай будем верить, что у Лисика нет ничего плохого. И мы просто хотим в этом убедиться. Давай-ка встряхнись и начинай думать, кому звонить и о чем просить. Жалко, что мы не можем подключить Саню, у него каких только знакомств нет! Но ему говорить пока рано.

— А Алла? — вдруг спохватилась Вера Леонидовна. — Она же актриса, у нее должна быть масса знакомств в театральных кругах. Вдруг кто-то едет на гастроли?

— Ой, Алла теперь деньги зарабатывает, «челночит», мотается по липовым приглашениям в Польшу и в Чехословакию, туда возит бытовую технику и электроприборы, оттуда — шмотки. Хотя... — Орлова призадумалась и кивнула: — Ты права, надо с Аллой поговорить. И вообще, надо говорить со всеми, с кем только можно. Никогда не знаешь, за каким поворотом удача улыбнется. Как говорится: стучите во все двери, и где-нибудь вам обязательно откроют.

Энтузиазм и оптимизм Людмилы Анатольевны оказался заразителен, и когда поезд подошел к перрону Ленинградского вокзала в Москве, Вера чувствовала себя преисполненной надежд. Они с Люсенькой все устроят, организуют, найдут нужные связи, со всеми договорятся, и ответ из израильской клиники будет просто замечательным: у Лисика нет ни болезни Гоше, ни лейкемии, и вообще ничего серьезного.

Алла Горлицына махнула рукой на сценическую карьеру: трудно в сорок восемь лет рассчитывать на то, что тебя наконец «заметят». Сын Миша — отрезанный ломоть, вместе с друзьями по спортивной секции занимается неизвестно чем, называя это «частной охранной деятельностью». Алла подозревала, что парень и его дружки промышляют рэкетом, но сделать со взрослым сыном ничего не могла. В их квартире в Печатниках он появлялся редко, хотя звонил достаточно регулярно, ночевал то у приятелей, то у подружек, иногда приносил матери деньги, иногда — но намного реже — просил займы. Заметных ролей в театре Алле по-прежнему не давали, сниматься в кино не приглашали, личная жизнь складывалась бестолково и все менее активно — яркая внешность с годами стала тускнеть и будто бы ветшать и грубеть.

Принимая решение «податься в бизнес», она первым делом приехала посоветоваться к Орловым, которые по-прежнему оставались для нее самыми близкими друзьями. Александр Иванович был категорически против и тут же начал перечислять Алле все возможные неприятности, в которые можно вляпаться, занимаясь челночным бизнесом. Людмила Анатольевна, напротив, поддержала ее.

— Ну что ты сразу пугаешь, Санечка, — сказала она с упреком. — Пусть Алла попробует. Разве лучше просиживать штаны в театре, где она никому не нужна? Давай смотреть правде в глаза: Алла не молодеет, рассчитывать на внезапный карьерный рост у нее нет оснований, на Мишу надежды никакой. Ей нужно создать себе хотя бы минимальный плацдарм для будущей жизни, денег заработать. Тысячи людей челночат — и ничего с ними не случается. Пусть Алла воспользуется возможностью, пока эта возможность есть. А то ведь, не ровен час, завтра все это запретят, потом будет локти кусать.

Александр Иванович мнения своего не изменил, но поскольку Алла заручилась поддержкой Люсеньки и поступила так, как считала нужным, очень просил сообщать ему каждый раз об отъезде за границу и о возвращении. Он места себе не находил, пока не получал звонка от Аллы: «Я дома».

Теперь она виделась с Орловыми намного реже, но перезванивались они регулярно, и у Аллы Горлицыной теплело на душе при мысли о том, что кому-то на этом свете не безразлична ее судьба и кто-то за нее волнуется и переживает. Конечно, жаль, что этим «кем-то» был не сын, и

обидно, что не муж. Но так уж сложилась ее жизнь, что ж тут поделать... Зато бизнес хоть и хлопотный, и порой небезопасный, но прибыльный: за одну поездку можно, если повезет, заработать полторы-две тысячи рублей.

Когда позвонила Люсенька Орлова с вопросом, нет ли среди ее знакомых кого-то, кто в ближайшее время собирается выезжать в Израиль, Алла сперва растерялась, но быстро сообразила, у кого можно спросить. У Миши! Ведь за границу постоянно выезжают не только артисты, но и спортсмены, а в спортивных кругах у сына множество знакомых.

— В Израиль? — недоверчиво переспросил Миша, который буквально на следующий день после разговора Аллы с Людмилой Анатольевной зашел к матери. — Это зачем?

— У Орловых внука болеет, они уже нашли клинику в Израиле, договорились, чтобы сделали анализы, но нужно отправить туда образцы крови. Почтой же не пошлешь, только из рук в руки можно, это специальный контейнер, небольшой. Сынок, надо помочь, пожалуйста.

Миша задумчиво пожевал губами, полуопустив веки над выпуклыми яркими, как у матери, глазами.

— Ишь как... Это Борькина дочка, что ли, болеет? Да-а, дела-а... Я спрошу у пацанов, может, кто-то на соревнования едет.

Подумал немного и повторил:

— Спрошу. Дядя Саша хороший мужик, я помню, как он меня в секцию отдал. И вообще много со мной возился. И Борька правильный, конкретный такой. Попробуем порешать проблемку, — деловито пообещал он.

Прошло еще несколько дней, и Миша позвонил матери:

— Через неделю пацаны на соревнования по дзюдо едут. Годится? Если да, то начнем обрабатывать народ, чтоб взяли передачку. Денег дать придется, сама понимаешь, за спасибо никто вязаться не будет.

— Конечно, — торопливо согласилась Алла. — Орловы заплатят, сколько нужно, даже не сомневайся.

А про себя подумала: «Да я и сама могу заплатить». Она рада была оказаться полезной и помочь Саше и Люсе, которые столько лет поддерживали ее в самые трудные минуты. О том, что у Люси был роман с Андреем, почему-то вспоминалось без злости и без ревности. О бывшем муже Алла думала с презрением, а о Люсеньке — с неизменным сочувствием и уважением. Она искренне переживала, когда Люся ушла от Саши, и так же искренне радовалась, когда она вернулась. Орловы — добрые, умные и честные люди, а Андрей — обычный полубогемный кобель, которого она столько лет любила и которому все прощала. Теперь

уже не любит. Теперь ей все равно.

Когда-то Люся сказала ей:

— Мне стыдно за то, что я увлеклась твоим мужем.

— Перед кем стыдно? — спросила тогда Алла. — Передо мной или перед Сашей?

— Перед собой.

В тот раз Алла подругу не поняла. И только спустя какое-то время после развода осознала смысл сказанного. Нет, ей не было стыдно за свою многолетнюю любовь к Андрею. Но ей было странно и как-то непонятно: неужели она всерьез полагала, что не сможет дышать и умрет, если этот человек оставит ее? Ей тоже было стыдно, но не за любовь, а за то, что сделала смыслом и сутью своей жизни мужчину, который изменял ей направо и налево. «Не делайте из любви культа», — насмешливо говорила сама себе Алла Горлицына, перефразируя известную цитату. Любить — хорошо. А делать культ из своей любви — неправильно.

* * *

В организацию диагностики в израильской клинике было вовлечено множество людей как в Москве, так и в Тель-Авиве. Часть из них помогала Орловым просто из дружеского расположения, другую же часть следовало «отблагодарить» деньгами, подарками или услугами. Людмила Анатольевна не была мастером конспирации, и, наблюдая за ней, Александр Иванович довольно быстро понял, что от него что-то скрывают. Он долго боролся с желанием задать жене прямые вопросы, каждый раз останавливая себя: разве он может требовать ответов, если сам столько лет обманывал ее? Если он, Александр Орлов, признает за собой право иметь свои секреты, то обязан предоставить точно такое же право Люсеньке.

Далеко не сразу сообразил Орлов, что если ему чего-то не говорят, то не потому, что тайна постыдна, а исключительно потому, что берегут его сердце и не хотят волновать. Если это действительно так, то лучше все узнать, а не мучиться неизвестностью.

— Милая, что происходит? — спросил он Людмилу Анатольевну. — Вся эта суета, бесконечные телефонные переговоры, твои отлучки... Ты нервничаешь, Верочка на себя не похожа, Борька какой-то дерганый. Я понимаю, что это из-за Лисика, но что конкретно? Если ты не ответишь мне сейчас, я начну думать бог знает что, волноваться, подозревать самое плохое.

Жена вымученно улыбнулась, и сердце Орлова болезненно екнуло.

— Не надо заранее подозревать самое плохое, еще ничего не известно. И очень вероятно, что все обойдется. Мы с Верочкой подумали, что нужно все-таки постараться выяснить, почему Лисик такая слабенькая и часто болеет, а наша медицина — сам знаешь, на доисторическом уровне. Мы нашли хорошую педиатрическую клинику в Израиле и отправили туда кровь Лисика, через несколько дней нам обещали дать ответ. Вот и все.

— Почему вы мне ничего не сказали?

— Чтобы ты понапрасну не волновался. Никто не хочет, чтобы у тебя был еще один инфаркт.

— Дался вам этот инфаркт! — взорвался Орлов. — Семь лет прошло, а вы со мной нянчитесь, как с младенцем! Я здоров как бык, на мне пахать можно, а вы развели тут тайны мадридского двора! Что значит «ничего еще не известно»? Что значит «все обойдется»? Что должно стать известным и что должно обойтись? Вы возили ребенка в Ленинград на консультацию к известным докторам и потом сказали мне, что врачи не нашли никаких серьезных причин для такой болезненности. Вы меня обманули? Вам сказали что-то другое? Почему нужно посылать анализы в Израиль? Если ты мне немедленно не ответишь, то тебе обеспечен тот самый мой второй инфаркт, которого ты так боишься.

Когда он услышал про подозрения на лейкемию, в глазах потемнело.

— Санечка, только не впадай в отчаяние, — доносился до него упавший голос жены. — Лейкемия — не приговор, она поддается лечению, методы давно разработаны. И вообще, это всего лишь подозрение, оно ничем не подкреплено пока и не проверено. Вот получим результаты из клиники, и наверняка окажется, что с Лисиком все в порядке...

Обошлось без «Скорой». Александр Иванович стойко перенес известие, даже за таблетками не потянулся. Похоже, за годы соблюдения режима его сердце действительно несколько окрепло.

А слова «болезнь Гоше» в том разговоре все-таки не прозвучали. Но даже если бы Людмила Анатольевна рассказала все до конца, ничего не утаивая, Александр Иванович все равно ничего не понял бы: он о такой болезни никогда не слышал.

Он понимал, в каком напряжении находятся все — и жена, и сын, и невестка, и Вера, и постарался сделать все возможное, чтобы облегчить им тревожное ожидание и стать опорой хотя бы на те дни, которые оставались до объявления приговора. Был со всеми спокоен, ласков и предупредителен, пытался развлечь и отвлечь рассказами о своих клиентах (в рамках дозволенного, разумеется), с готовностью включался в

обсуждение политических новостей, не задавал лишних вопросов. «Я старший в этой семье, — твердил себе Орлов. — Я должен о них позаботиться. Если бы я мог принять удар только на себя и оградить всех остальных, я сделал бы это, не задумываясь. Но это невозможно, так не получится. Поэтому я должен сделать хотя бы то, что реально могу».

Но разговоры «о новостях» все равно имели налет печали: шел июль 1990 года — месяц, когда один за другим уходили из жизни известные и любимые народом люди. 11 июля умер футболист Эдуард Стрельцов, через день на Памире погибли 43 альпиниста, еще через день скончался великий скрипач Олег Каган, на следующий день — поэт Михаил Матусовский, автор знаменитых «Подмосковных вечеров», днем позже — известный писатель Валентин Пикуль, еще через два дня ушел актер Георгий Бурков и следом за ним — кинорежиссер Сергей Параджанов, прославившийся на весь мир своим фильмом «Тени забытых предков». Тема болезней и смерти оказалась в эти дни неизбежной, что изрядно подрывало усилия Александра Ивановича успокоить и поддержать родных.

Наконец, получили ответ из Израиля. У Алисы диагностирована болезнь Гоше первого типа.

* * *

— Ну почему, почему, почему? — твердила Вера, глядя на Орловых невидящими глазами. — За что? Ведь такая маленькая вероятность, всего один случай на сорок тысяч, а по некоторым данным — вообще на сто тысяч... Ну почему именно с нами это должно было произойти? Почему именно Лисик?

«Вот он и настал, этот момент, — с неожиданным для себя спокойствием и даже словно бы отупением подумал Александр Иванович. — Мне придется за свою ложь заплатить здоровьем внучки, а может быть, и ее жизнью. Надо сказать правду наконец. Но что изменится от этой правды? Алиса поправится? Нет. Так зачем она нужна, моя правда?»

— Это я во всем виноват, — произнес он негромко, но очень отчетливо. — Простите меня.

Две пары заплаканных опухших глаз — жены и Веры — непонимающе уставились на него.

И он все рассказал. Все, без утайки. О медсестре Зое Левит. О том, как умирал Саня Орлов и как советовал Мише Штейнбергу скрывать свое

происхождение. О своем командире, капитане Травчуке, знавшем правду. Об освобождении Полтавы и расстреле евреев. О своих страхах сперва только за собственную жизнь, а потом и за семью.

Александр Иванович не щадил себя. Он говорил о своих сомнениях и своем стыде, о презрении к себе и о раскаянии. Он объяснял свои поступки, объяснить которые прежде не мог, не раскрыв правду. Он не надеялся на прощение. Просто считал, что нельзя больше молчать.

— Именно поэтому я с таким равнодушием отнесся к истории Раевских, когда приехала Коковницына, — говорил Орлов. — Это не мои корни, это не мои предки. И именно поэтому я так привязан к Алле и пытаюсь о ней заботиться. Теперь вы понимаете, что никакого романа у меня с ней не было и быть не могло. Я трус и подлец. Если бы я не скрывал от вас правду...

— То — что? — с неожиданной злостью спросила Людмила Анатольевна. — Лисик была бы здорова? Что изменилось бы, если бы мы знали? Не позволили бы детям пожениться, даже при том, что они безумно любят друг друга? Или заставили бы Танюшку сделать аборт из страха, что может родиться больной ребенок?

Вера Леонидовна поморщилась, словно он сильной боли.

— Погоди, Люся, погоди... Я никак не могу осознать... Поверить не могу...

Она посмотрела на Орлова полными слез глазами и беспомощно проговорила:

— Ну как же так, Саша?

* * *

Разговор был тяжелым. Но еще тяжелее оказалось то, что происходило в следующие несколько дней.

В тот, первый, день Вера осталась у них ночевать. Они с Люсей закрылись в спальне, Александр Иванович лег на диване в гостиной. Заснуть он, конечно же, не мог, ворочался, пережевывал в голове тоскливые мысли и понимал, что сейчас там, за стенкой, две женщины тоже не спят и пытаются решить, что им теперь делать. Сказать ли детям? Или утаить? Его самого от обсуждения вопроса отстранили, но Орлов и не думал обижаться. Он — виновен, он — преступник, а они — его судьи. Все правильно, так и должно быть.

Известие о неизлечимом заболевании внучки повергло его в ужас, но

вместе с тем сам разговор с Люсей и Верой, несмотря на всю тяжесть, принес облегчение. У него больше нет тайн. И больше не нужно врать, притворяясь потомком дворян Гнедичей-Раевских.

Он не сомкнул глаз до рассвета. В шестом часу утра в гостиной появились жена и Вера, обе бледные, с темными кругами под глазами. Первой заговорила Вера:

— Саша... Или Миша? Я не знаю, как правильно к тебе обращаться... Пусть останется Саша, как мы все привыкли. Я хочу сказать... В общем, я не имею права ни в чем тебя упрекать, потому что тоже скрывала свое еврейство, когда была в оккупации. Да и потом спряталась сначала за возможность указать в паспорте другую национальность, потом за фамилию мужа и ни перед кем свое происхождение не афишировала. И от всех скрывала, что мы с Танюшкой можем быть носителями гена Гоше. Я ничем не лучше тебя. Мне нужно было еще вчера сказать тебе все это, но я растерялась, я была так ошарашена...

Орлов подошел к Вере, крепко обнял и непослушными губами пробормотал:

— Спасибо тебе.

Люся стояла у окна, повернувшись к ним спиной, и молча ждала, когда Вера скажет все, что хотела. Потом медленно, словно ноги плохо ее слушались, сделала несколько шагов и уселась за стол.

— Нет смысла устраивать судилище и выяснять, кто виноват больше, а кто меньше, — заговорила она. — Если тут вообще есть виноватые... Случилось так, как случилось. И это уже случилось. Нужно не виноватых искать, а думать, что делать дальше, и принимать меры, какие только возможно. У Лисика заболевание, которое не лечится, вот из этого и будем исходить. Болезнь может проявиться совсем скоро, может — не скоро, а может не проявиться вообще никогда. Так говорят врачи.

— Но она уже проявляется тем, что ребенок постоянно болеет, — возразила Вера.

— Да, — согласилась Людмила Анатольевна, — но все может только этим и ограничиться. И первое, что имеет смысл сделать, это не водить девочку в садик, чтобы не подвергать риску простуд и инфекций. Сидеть с ребенком дома Таня не сможет — статью за тунеядство никто не отменял, а инвалидность Лисику не оформят, потому что поставить диагноз не смогут. Диагноз, поставленный в Израиле, в наших медучреждениях не примут. Значит, я уйду с работы и буду сидеть с ребенком.

— Я... — начала было Вера, но Людмила Анатольевна решительно остановила ее.

— Твоя кандидатура даже не обсуждается. У тебя муж, и ты должна жить рядом с ним. Если пострадает твоя семейная жизнь, Саша будет чувствовать себя виноватым еще и в этом. Мне кажется, ему уже и так достаточно. И Танюшка пусть за тебя радуется, это ее поддержит.

За ночь Людмила Анатольевна сформировала четкую программу из нескольких пунктов: оградить Алису от рисков; сказать правду детям, сделав акцент на том, что летальный исход не является стопроцентно неизбежным; оказывать Татьяне и Борису максимально возможную моральную поддержку; искать контакты в США и других странах, где ведутся поиски методов лечения болезни Гоше, чтобы сразу узнать, как только такой метод изобретут.

— Это все, что я смогла придумать, — закончила она. — Если у вас есть еще какие-то идеи — говорите.

Александр Иванович откашлялся, прочистив горло.

— Милая, когда ты предложила сказать правду детям, ты имела в виду только Танюшу и Борю, или Аллу тоже?

Жена подняла на него потускневшие от усталости глаза на измученном лице. Орлов вдруг заметил, как она постарела. Когда произошли эти перемены? За последние месяцы? За минувшую ночь?

— Разумеется, Аллу тоже. Хватить вранья. Хватит притворства. Верочка права: бросить в тебя камень имеет право только тот, кто сам никогда никому не солгал. Я обманывала тебя три года, поэтому тоже не стану ни в чем упрекать. А вот за Аллу поручиться не могу. Не могу прогнозировать, как она воспримет такую новость. И тут, я думаю, решать должен только ты сам. Решишь сказать — скажи, решишь промолчать — твое право.

Они снова проговорили втроем до позднего вечера, расписывая весь план по пунктам и намечая последовательность действий. Людмила Анатольевна была собранной и деловой, Вера — рассеянной и подавленной, Орлов — молчаливым и опустошенным. Он был благодарен, что они больше не произнесли ни слова о его вине, трусости и обмане. Невольно вспомнились давние размышления о том, как порой различается менталитет юристов, занимающихся разными отраслями права. Для Веры важно решить, кого и в чем можно обвинить, а для Люсеньки — что сделать, чтобы минимизировать ущерб или негативные последствия.

Когда Вера ушла, Людмила Анатольевна сказала, не глядя мужу в глаза:

— Саша, извини, но я какое-то время не смогу с тобой разговаривать. При Верочке я старалась держаться, но... Мне нужно прийти в себя. Умом

я понимаю, как жить дальше, но сердцем этого пока не приняла. Дай мне время.

В эту ночь и еще несколько следующих Орлов спал в гостиной на диване. Вернее, не спал, а лежал, погруженный в невеселые раздумья. Что могло бы измениться, если бы он не скрывал правду и не выдавал себя за русского? Вера была бы настороже, предупредила Танюшку и Борьку, и они, может быть, не стали бы рисковать, рожая ребенка, а усыновили бы сироту из детского дома. Это один вариант. Другой вариант — дети не поженились бы, не стали бы создавать семью и разошлись с разбитыми сердцами. И кто знает, были бы они счастливы с кем-то другим так, как счастливы друг с другом... Или дети выслушали бы Веру и решили, что вероятность «один на четыреста пятьдесят» все равно невелика. И родилась бы Алиса. Но зачатие могло произойти в другой день, и хромосомы поделились бы иначе, и у девочки не оказалось бы пресловутых «генов Гоше». История не знает сослагательного наклонения, это старая истина.

Но если бы он, Орлов, не скрывал от своих родных правду, то как бы ситуация ни сложилась — она была бы результатом их решения и их выбора. А теперь выходит, что он своей ложью лишил их возможности самим решать и выбирать. Поэтому он всегда будет виноват. Во всем. И в собственных глазах, и в глазах жены, и в глазах сына и невестки.

И Алла... Сказать ей? Или промолчать? Ведь у Аллы есть сын, родной внук Орлова, и если дочь может обрадоваться и простить отца за ложь, то как отнесется Миша к новоявленному деду — это еще большой вопрос. Миша, получивший свое имя в честь Михаила Штейнберга, геройски погибшего осенью сорок первого в боях под Харьковом. В честь труса и лжеца...

Днем Александр Иванович работал, а Людмила Анатольевна, выполняя первый пункт составленного ими плана, занималась своим увольнением. До начала учебного года еще месяц, и руководство кафедры с пониманием отнеслось к тому, что доцент Орлова больше не может преподавать, поскольку ей нужно сидеть с часто болеющей внучкой. За месяц вполне можно найти ей замену.

Танюшка встретила известие о болезни Алисы мужественно.

— Давайте верить, что у Лисика болезнь не проявится, — сказала она, но чуткое ухо Александра Ивановича уловило, как дрогнул ее голос. — И еще давайте верить, что в самое ближайшее время найдется метод лечения. Всегда надо верить в хорошее и надеяться на него, иначе жить невозможно будет. Тетя Люся все замечательно придумала, и я уверена, что мы

справимся.

Произнося это, Татьяна не сводила глаз с матери, и Орлов понял, что Таня притворяется, чтобы успокоить Верочку. Она хочет, чтобы ее мама вернулась к любимому мужу, не волновалась за дочь и внуку и была счастлива.

А вот Борис, как оказалось, удар держал хуже. Весь вечер, пока происходил «семейный совет», он ни на шаг не отходил от жены, то обнимал ее за плечи, то держал за руку, а когда Орловы и Вера Леонидовна собрались уходить, спустился вместе с ними к машине. Когда он заговорил, обращаясь к Александру Ивановичу, голос его вибрировал от ненависти:

— Я хотел, чтобы у нас с Танюшкой было много детей. Я мечтал об этом. Даже если с Лисиком все обойдется, рисковать еще раз мы не станем. Я — мужик, я справлюсь, но при мысли о том, что моя жена будет смотреть, как умирает наш ребенок, мне хочется тебя убить. Если бы мы заранее знали, что есть вероятность неизлечимого заболевания, мы не мечтали бы о детях. Если Танюшка не справится, если у нее будет нервный срыв, то виноват будешь только ты. Никогда тебя не прощу.

Ну вот, теперь и миролюбивый и доброжелательный Борис превратился в неумолимого обвинителя...

При Вере и детях Орловы вели себя, как обычно, но оставаясь наедине — молчали. Александр Иванович терпеливо ждал, когда жена заговорит с ним. Прошло несколько дней, прежде чем Людмила Анатольевна обратилась к нему:

— Все, Саша, я справилась. Пожалуйста, давай больше не будем это обсуждать. И постарайся, если сможешь, не винить себя ни в чем, это бессмысленно, детям и Лисику этим не поможешь. А мы с тобой должны именно помочь, иначе в нас как родителей нет ни малейшего смысла. Мы должны быть уверены в благополучном исходе и излучать эту уверенность. Мы должны быть сильными, здравомыслящими и позитивно настроенными. И здоровыми, кстати, это тоже важно. Договорились?

В этот день впервые за последние годы они вышли перед сном прогуляться. Людмила Анатольевна держала мужа под руку, они неторопливо шагали по пустынным улицам — начало августа, дачный сезон, время отпусков — и негромко обсуждали планы на ближайшие дни. «Я — чудовище, — то и дело мелькала мысль у Александра Ивановича, — моя внучка неизлечимо больна, мой сын ненавидит меня, а я счастлив. Счастлив, что больше не нужно врать. Счастлив, что Люсенька снова со мной. Неужели так бывает?»

Алла посмотрела на Орлова печальными глазами и вздохнула.

— А я знала, Саша. Уже давно знала. С того самого дня, когда мы вместе ездили летом на Клязьминское водохранилище купаться, помнишь?

— Как — знала? — растерялся Александр Иванович. — Что ты знала? Откуда?

— Мама рассказывала мне, что у моего отца была маленькая татуировка на плече. Когда он был школьником, среди пацанов это было модно, и он наколол сердечко, пронзенное стрелой. Многие так делали. Я ведь заметила, как дрогнуло у тебя лицо, когда я назвала твое имя и мамино, ты распереживался ужасно, пошел на кухню курить, но решила, что ты волнуешься из-за воспоминаний о войне, я же понимала, что воспоминания наверняка тяжелые. Но это был только первый звоночек, а второй прозвенел, когда ты не сказал мне, что тоже был добровольцем и тоже, как мой папа, участвовал в боях за Харьков. Мне только Люсенька об этом сказала, но уже позже. А ты промолчал. Я тогда подумала, что у тебя есть какие-то причины... Ну, в общем, лезть не стала. Проявила деликатность. Наверное, напрасно, да? Если бы я тогда начала к тебе приставать, ты бы признался?

— Нет, — покачал головой Орлов.

— Ладно. А вот когда два года назад ты разделся на пляже, и я увидела татуировку, в голове как щелкнуло. Я сразу поняла, почему мне так уютно рядом с тобой и Люсей, так тепло, почему меня так тянет к вам. И почему ты так обо мне заботаешься. Но я тогда подумала, что раз ты не признаешься, значит, так правильно, ты же юрист, и ты намного старше, умнее, опытнее. Ты очень любишь Люсеньку, и, может быть, думал, что рассказ о любви к моей маме повредит твоим отношениям с женой. Не знаю... Я приняла тот факт, что у тебя есть веские причины не говорить правду. И решила, что буду относиться к тебе по-прежнему: как к старому другу. И не только в поступках, но и в мыслях тоже. Просто не буду думать о том, что ты мой отец. Наверное, я вся в тебя, — криво усмехнулась она.

— Почему? — не понял Орлов.

— Тоже умею долго знать и молчать. И с Андреем столько лет молча терпела, и с тобой вот тоже... Видимо, наследственность.

Александр Иванович вспомнил ту поездку на водохранилище, вспомнил, как они загорали и плавали, как играли в волейбол — он в паре с Борькой против Люси и Аллы, а Танюшка с годовалой Алисой сидела в

тенечке и отчаянно «болела» за команду мужа. И как у Аллы вдруг испортилось настроение, она стала вялой и будто бы чем-то расстроенной, на все их вопросы отвечала что-то невнятное, то ли голова болит, то ли живот прихватило... Орловы тогда решили, что Алла переживает из-за сына, ведь Мишку нельзя было считать благополучным и надежным парнем: институт хоть и окончил, но не с дипломом, а со справкой, связался с какими-то подозрительными личностями, ночует неизвестно где, шальные деньги то и дело появляются...

— Я несколько раз собиралась поговорить с тобой, — продолжала Алла. — Но потом думала: дочь — неудачливая бесталанная актриса, брошенная мужем; внук — чуть ли не уголовник. Зачем тебе такая родня? Ты адвокат, Люсенька преподает, Боря — следователь, а тут — здрасте, вот они мы. А теперь тебе, наверное, и подавно не нужна дочь-челночница. Да?

Они сидели в квартире Аллы в Печатниках. Орлов редко бывал здесь, обычно Алла приезжала к ним в гости на Метростроевскую. Унылый район, унылый безликий дом, и эта маленькая неудобная квартирка на первом этаже — как островок красоты и покоя: после долгих лет жизни в общежитии Алла Горлицына с любовью и тщательностью свила свое гнездо, привозя из поездок не только вещи на продажу, но и огромное количество очаровательных мелочей, которые так украшают жилище.

— Не говори глупости, — рассердился Александр Иванович. — С таким же успехом я могу заявить, что тебе не нужен отец — вор, обманщик и трус. Скажи мне только одно: ты сможешь меня простить? Борька не смог. Он теперь не разговаривает со мной. А ты?

— Ну что ты... — Она запнулась и посмотрела на него с робкой улыбкой. — Знаешь, я все эти последние два года примеривалась, смогу ли назвать тебя папой, если жизнь как-то так повернется, что ты признаешься. Даже перед зеркалом репетировала, честное слово! И поняла, что все равно не смогу, хотя и очень хочется. Все-таки называть «папой» нужно того, кто вырастил, к кому привык, правда же? Меня вырастил Горлицын. Хоть он и бросил нас с мамой, но я привыкла относиться к нему как к отцу. Ничего, если я буду называть тебя Сашей, как всегда? Тем более при посторонних, а то ведь люди будут удивляться, почему я говорю «папа». Никто ведь не знает? Ты не собираешься никому рассказывать, кроме своих?

— Не собираюсь, — подтвердил Орлов.

Он тоже вряд ли смог бы назвать Аллу дочерью вслух. В мыслях — да, называл ее именно так, но выговорить не смог бы. Да, родная кровь, это правда. Но Борьку он видел рядом с собой с самого рождения, менял ему пеленки, укачивал часами, чтобы дать Люсеньке поспать хоть чуть-чуть,

учил его читать и считать, водил за руку в школу. Борьку он вырастил. И очень любил его. А Алла появилась в его жизни уже взрослой женщиной, и кроме чисто человеческой симпатии, чувства вины и желания заботиться о ней, чтобы эту вину хотя бы в малой степени загладить, в душе Александра Ивановича не было ничего.

— А Миша? Как с ним быть? — спросил он.

Лицо Аллы помрачнело.

— Не знаю. Давай подождем, хорошо? Это ведь не к спеху? Не будем пока ничего ему говорить. Знаешь, друзья у него какие-то сомнительные, мало ли...

— Конечно, — поспешно согласился Александр Иванович. — А чаю престарелому отцу нальешь?

Алла подскочила со стула, побежала на кухню.

— Когда ты позвонил и сказал, что заедешь повидаться, — кричала она оттуда, — я же кинулась в магазин, чтобы все было, как надо! А ты прямо с места в карьер начал говорить, и я совершенно растерялась и про все забыла! С тех пор как стала челночить и Мишка перестал дома жить, готовку совсем забросила, все навыки растеряла, в магазинах шаром покати, но я из рыбных консервов сделала паштет и батон за двадцать пять копеек удалось урвать совсем мягкий, только-только машину разгрузили... В колбасном отделе продавщица знакомая, она предложила копченую колбасу с переплатой, но тебе копченое нельзя, я помню, так что брать не стала, а вареной хорошей сегодня не было...

Орлов сидел в комнате, слушал громкий, хорошо поставленный голос дочери и улыбался. И ненавидел сам себя. «Моя внучка больна, а я счастлив. Как же это может быть?»

Алла принесла и расставила на столе тарелки с закуской, корзиночку с ломтями белого хлеба, чашки, салфетки. Чай оказался невкусным, паштет — слишком соленым, но Александр Иванович ничего не замечал, весь поглощенный невероятным облегчением, разливающимся в груди.

— Теперь ты можешь рассказать мне о своей... ну, и о моей семье? О моих бабушке и дедушке? — спросила Алла.

Ему стало больно. Столько лет он запрещал себе вспоминать. Он предал свой род, свои корни. И за это наказан болезнью маленькой Алисы.

Он говорил и плакал, плакал и говорил. Постепенно стемнело, начал накрапывать дождь, быстро перешедший в тяжелый обильный ливень, в небе погромыхивало. Позвонила Людмила Анатольевна, попросила позвать Орлова к телефону.

— Саша, у нас тут жуткая гроза.

— Здесь тоже.

— Пожалуйста, побудь у Аллы, пока дождь не закончится. Уже совсем темно, и я не хочу, чтобы ты ехал на машине в такую непогоду. И обязательно позвони мне, когда будешь выезжать.

Орлов пообещал, положил трубку и виновато развел руками:

— Люсенька просит, чтобы ты еще потерпела мое присутствие, пока не закончится гроза.

— Это правильно, — радостно откликнулась Алла. — В такой ливень садиться за руль — самоубийство. Саша, а ты можешь рассказать, чем твоя мама вас кормила? Что она готовила, какие блюда? Моя мама говорила, что в еврейской кухне много рецептов без мяса и без рыбы, но я тогда глупая была совсем и ничему у нее не научилась, а сейчас такие рецепты оченьгодились бы, ничего ж не купишь, если полдня в очередях не прстоишь.

Он припомнил куглы — запеканки, на которые Руфина Азиковна была большой мастерицей, изобретая самые разные сочетания доступных в то время продуктов. Куглы она делала рисовые, свекольные, картофельные, морковные, из репы, брюквы, капусты, домашней лапши и даже из репчатого лука. Припомнил и ангемахц — редьку в меду, и морковный торт, и тушеный чернослив со свеклой, с неожиданным для себя удовольствием произнося давно забытые и казавшиеся уже ненужными слова: кнейдлах, цимес, фарфелах, ингберлах, хоменташен... О том, как это готовить, Александр Иванович рассказать толком не мог — мать к кухне сыновей не подпускала.

— Извини, — виновато признался он Алле, — секретов приготовления не знаю. Даже если бы и знал, забыл бы за столько лет.

— Все равно рассказывай, — попросила она, — мне даже просто послушать — и то в радость. Знаешь, такое странное чувство, как будто я долго-долго где-то жила на чужбине и вот наконец вернулась домой. Наверное, это и есть генетическая память, как ты думаешь?

Гроза начала стихать.

— Скоро можно будет ехать, — сказала Алла, глядя в окно, забранное некрасивой, казенного вида, решеткой — все-таки первый этаж. — Пока есть время, Расскажи мне, как ты встречался с мамой.

Орлов запнулся, сглотнул судорожно. Как он встречался с Зоенькой Левит? Да никак! У Зои был кавалер, поджидавший ее после работы, вот с ним она действительно встречалась, ходила в кино и на танцы, хотя о женитьбе, насколько все были в курсе, речь пока не велась. Сын Иосифа Ефимовича Штейнберга, заведующего хирургическим отделением, очень

нравился красивой медсестре, она кокетничала с Михаилом, а он, со своей стороны, с удовольствием оказывал ей вполне невинные знаки внимания — многозначительные улыбки, томные взгляды, комплименты. То, что произошло летней ночью во время празднования дня рождения, случилось всего один раз. Но Зоя сочла нужным поведать дочери несколько другую историю. Ее можно понять, и вряд ли у кого-то повернулся бы язык осудить эту ложь. Но ему-то, Орлову, что сейчас делать? Сказать правду? Или снова солгать?

«Я обречен на вечную ложь, — подумалось ему. — Может, это и есть судьба?»

* * *

Человек привыкает к несчастью. И привыкает даже быстрее, чем когда-то думал. Он перестраивает свое бытие, и несчастье становится не пропастью, через которую никак не перепрыгнуть, а просто обстоятельством жизни, с которым отныне нужно считаться. Страна бурлила и сотрясалась от политических перемен и экономических катаклизмов, но в семье Орловых этого почти не замечали: все были поглощены тем, как приспособить свое существование к новому обстоятельству — болезни маленькой Алисы. Из повседневных новостей интерес вызывали только обмен денег, замораживание вкладов в сберкассах и повышение цен, из политических — все, что свидетельствовало о скором наступлении возможности свободного выезда за рубеж. В мае 1991 года приняли закон о порядке выезда из СССР, и это вселяло надежду.

— Вот разработают метод борьбы с болезнью, а у нас как раз границу откроют, и мы вылечим Алису, — уверенно говорила Людмила Анатольевна. — Так и будет, даже не сомневайтесь.

Она заражала всех своим оптимизмом. Алиса, заботливо опекаемая вышедшей на пенсию бабушкой, действительно стала вроде бы поменьше болеть, и селезенка пока не увеличивалась. Может быть, и вправду все обойдется?

Когда грянуло 19 августа, Орловых волновало только одно: если вернутся старые порядки, то закон о свободном выезде могут отменить. Но старые порядки не вернулись, и закон не отменили. Все вздохнули с облегчением, даже не подозревая о том, как болезненно эти «новые порядки» в самом ближайшем будущем ударят по бюджету семьи.

В декабре 1991 года надежды на благополучный исход вспыхнули с

новой силой: пришло долгожданное известие о том, что в США разработан препарат «аглоцераза», позволяющий лечить болезнь Гоше. Правда, лечение состоит в том, что больному раз в две недели ставят капельницу, но какое это имеет значение, если процедура позволит Алисе вести полноценную нормальную жизнь? Самое главное — достать препарат в потребном количестве. Орловы утроили усилия, чтобы как можно быстрее все разузнать в подробностях и приступить к организационным мероприятиям.

Начало 1992 года обернулось катастрофой. В первых числах января произошло обвальное повышение «отпущенных на свободу» цен абсолютно на все товары. А через несколько дней Александр Иванович получил от вернувшегося с международной конференции знакомого врача первую информацию о стоимости лечения. Она составляла десятки тысяч долларов в год.

Цифра ошарашивала. Как же это возможно? Получается, лечение болезни Гоше доступно только миллионерам? А те, кто не зарабатывает миллионы, должны тихо угасать? Им, выросшим и воспитанным в условиях бесплатной медицины, невозможно было осознать такое.

— Доллар стоит сто десять рублей, — потерянно говорила Татьяна. — Где мы возьмем столько денег?

— Я заработаю, — твердо сказал Борис. — Уйду со службы и займусь компьютерами, сейчас на этом можно хорошо и быстро подняться. Все равно я со своими принципами как бельмо на глазу: взятки не беру, бандитов не отмазываю, выбитые показания не принимаю. Они только счастливы будут от меня отделаться. А Стас меня уже несколько раз звал к нему в партнеры, он как раз бэушные компьютеры из-за бугра гонит. Там они копейки стоят, а у нас можно за триста-четыре ста баксов каждый пристроить.

Стас, бывший опер и старый друг Бориса, вовремя подсуетился, бросил службу, организовал совместное предприятие и остро нуждался в честном и надежном партнере. Он действительно несколько раз делал предложения Орлову, но Борис отказывался.

— Там же нарушение на нарушении и нарушением погоняет, — смеялся он. — Взятки надо давать, от налогов уходить, черным налом оперировать, постоянно кого-то обманывать, с «крышами» договариваться. Я этого не люблю, ты же знаешь.

— Ты меня осуждаешь, что ли? — ехидно спрашивал Стас.

— Да ни боже мой! Кто я такой, чтобы кого-то осуждать? Просто это не мое. Но если тебе самому нравится и у тебя все получается, то я

искренне рад за тебя.

Александр Иванович отчетливо понимал, как трудно его сыну принимать решение бросить любимую работу и идти заниматься тем, к чему душа совсем не лежала. Но он не мог не признать, что на сегодняшний день это было единственным выходом — единственной реальной возможностью достать деньги на лечение Алисы.

Но и Орлов-старший от решения проблемы не уклонился. Ему в этом году исполнится семьдесят — для адвоката еще далеко не старость, и чувствует он себя здоровым и полным сил. «Теневые» в прошлом капиталы вышли на поверхность и возвращаются теперь не только в бизнесе. Берясь за защиту клиента, от которого за версту пахло криминалом, Александр Иванович нещадно увеличивал ставку своего гонорара. Ему было противно, но ради внучки он готов был на любые жертвы.

К концу года стало казаться, что все напрасно. У них ничего не получится. Рубль стремительно падал, и если в марте 1 доллар можно было купить за 140 рублей, то к октябрю его стоимость поднялась до 334. Цены же на продукты, одежду и прочие необходимые для жизни вещи всего за один год выросли больше чем в 25 раз.

Алла тоже не осталась безучастной и предложила помощь, которая была с благодарностью принята. Однако до минимально необходимой суммы было далеко, как до Луны. Нужно было создать люфт и заработать столько, чтобы хватило хотя бы на первые пять лет лечения, тогда можно было бы рассчитывать, что за следующие пять лет они заработают еще. Что толку в приобретении препарата, если его хватит только на год? При нынешнем состоянии экономики невозможно прогнозировать ничего, и нельзя быть уверенным в том, что за следующий год удастся собрать необходимую сумму.

Единогласия в этом вопросе среди Орловых сначала не было: Татьяна хотела как можно быстрее начать лечение дочери, но муж и его родители твердо стояли на своем.

— Мы узнавали, и врачи четко ответили: от спорадически вводимого препарата толку не будет, это выброшенные деньги. Кроме того, препарат совсем новый, мало изученный, и медикам необходимо постоянно наблюдать больного; никто не готов просто так взять и выделить дорогостоящее редкое лекарство, которое введут ребенку несколько раз, да еще без должного врачебного контроля. Лечение должно быть постоянным, только тогда в нем есть смысл.

Орловы изо всех сил старались не поддаваться унынию, но денег от этого не прибавлялось — все съедала инфляция.

1993 год снова принес пусть призрачную, но все-таки надежду: всем гражданам разрешили оформлять загранпаспорта и отменили уголовную ответственность за тунеядство. Транспортное машиностроение постепенно приходило в упадок, НИИ, в котором трудилась Татьяна Орлова, быстро хирело, сокращались должности и даже целые лаборатории и КБ. Как только представилась возможность, Татьяна ушла с работы и стала сидеть дома с дочкой, а Людмила Анатольевна легла наконец в больницу: в последний год ее замучило давление, все чаще и чаще повышавшееся до критических показателей.

Борис отчаянно бился за прибыль, уговаривал Стаса идти на рискованные сделки, конфликтовал с «крышей», то и дело повышавшей ставки, и с самим Стасом, который считал, что прибыль нужно вкладывать в расширение бизнеса, а не прятать в кубышку. Борис понимал, что его друг прав с экономической точки зрения, но безумно боялся вложить деньги в дело, которое могло рухнуть в любой момент. В конечном итоге со Стасом пришлось расстаться. Но за то время, что Борис занимался персональными компьютерами, у него появились новые знакомства в сфере торговли поддержанными иномарками.

— Ну, попробуй, — пожал плечами Стас, когда Борис Орлов объявил ему о своем решении выйти из дела. — Только имей в виду: чтобы все было так, как ты хочешь, ты должен быть хозяином. Поставить бизнес и качать из него бабло или продать, когда время придет. Хозяином ты не будешь никогда — кишка тонка, характер не тот, хватки нет, наглости маловато. А в «шестерках» ты нигде не заработаешь больше, чем со мной. Я с тобой по-братски делюсь, как со старым другом, все по чесноку, а в тачках твой номер будет не второй и даже не шестнадцатый, а двадцать пятый. Тебя кинут — ты и опомниться не успеешь. А что ты сделаешь? Наши с тобой бывшие коллеги только ручки радостно потирать будут, если ты лоханешься, их всех твоя принципиальность достала, так что если что — ни помощи, ни поддержки, ни защиты, ни крыши тебе не видать. Это я для всех был рубахой-парнем, никому на горло не наступал, всегда шел навстречу, если кто чего просил, оставил по себе добрую память, потому и кручусь сейчас без особых проблем.

— Я все-таки попробую, — упрямо проговорил Борис. — Деньги очень нужны, и нужны быстро, Алиска болеет, сам понимаешь.

Новые знакомые, отношения с которыми сложились во время длительных ожиданий на таможне, отправили Бориса в Хабаровский край, куда на теплоходах из Японии гнали огромными партиями старенькие «Ниссаны»: в Стране восходящего солнца их можно купить совсем дешево

и продать в России с достойным наваром. Жена и родители нервничали и требовали, чтобы Борис обзавелся мобильным телефоном — большой редкостью, доступной в те времена только крупным чиновникам или «новым русским».

— Нечего деньги тратить, — отвечал Борис. — Ничего со мной не сделается. Как смогу — буду звонить.

Александр Иванович даже не пытался отговорить сына. И не потому, что поддерживал его решение, а совсем по иной причине: Борис с отцом практически не разговаривал. На вопросы отвечал сухо и односложно, в глаза не смотрел, первым не звонил. Пропать образовалась мгновенно в тот самый день, когда Орлов рассказал правду сыну и невестке. Та ненависть, которую Александр Иванович увидел в глазах Бориса, оказалась отнюдь не сиюминутной эмоцией. Исправить ситуацию Александр Иванович не пытался. «Это все не важно, — твердил он себе. — Важно собрать деньги на лечение Алисы, вот первостепенная задача, и все силы должны быть брошены на ее решение. Остальное подождет».

* * *

...Когда человек уж весь во власти глубокого упадка духа, когда он изнемогает под бременем своих мучительных сомнений, и вера и отчаяние одинаково близки, одинаково доступны ему. Весь вопрос, что пересилит, чьей отдастся он власти.

Из речи Н. П. Карабчевского на судебном процессе по обвинению Ольги Палем

Первой сдалась Татьяна. Всегда спокойная и рассудительная, она оказалась слабым звеном в семье Орловых. У Алисы начал расти животик, что свидетельствовало об увеличении селезенки. Надеяться на то, что все обойдется, больше не приходилось, а собранных денег не хватало пока даже на первые два года лечения. Людмила Анатольевна пыталась найти работу, но в шестьдесят лет и с диагнозом «гипертоническая болезнь» это оказалось невозможно. Ее в таком возрасте могли бы взять только на преподавание, но преподаватель, который в любой момент может слечь с очередным кризом и сорвать занятия, никому не нужен. Борис улетал на Дальний Восток и проводил там по несколько недель, Александр Иванович брался за любые дела, даже самые сомнительные. Но денег все равно не

хватало.

— Если селезенка сильно увеличится, можно ее удалить, — говорили врачи. — Это единственное, что делается при подобных заболеваниях.

— А потом что? — спрашивали Орловы.

— Функцию селезенки возьмет на себя печень, — объясняли им и тут же предупреждали: — Но и печень может не выдержать нагрузки и тоже будет увеличиваться.

Газетные и журнальные развороты пестрели аккуратными рамочками — рекламой «потомственных целительниц». Эти Василисы, Пелагеи, Стеллы и прочие обещали и вернуть неверных мужей, и снять венец безбрачия, и излечить от любого заболевания. Кто-то из них, вероятно, действительно обладал особыми способностями и знаниями, но большинство было просто шарлатанами и мошенниками. Отчаявшаяся дожидаться возможности лечить ребенка в рамках традиционной медицины, Татьяна Орлова принялась водить Алису по тем адресам, которые вычитывала в рекламе, с надеждой смотрела, как над малышкой совершают пассы руками, поила ее «заговоренной» водой, мазала какими-то мазями, за которые отдавала немалые суммы, следила, чтобы во время сна под подушкой дочери всегда был купленный у целительницы хрустальный шарик...

Борис, узнав об этом, сердился, его родители только качали головами.

— Боренька, не отнимай у Тани надежду, пусть ходит к этим бабкам. А вдруг поможет? — уговаривала его мать.

— А если станет хуже?

Людмила Анатольевна, воспитанная в воинствующем атеизме, считала, что пользы от целительниц, конечно, быть не может, но и вреда никакого. Если они мошенники и шарлатаны, то все их заговоры и мази ничего изменить не могут.

— Ну отчего может стать хуже, сынок? Пойми, Тане нужна надежда, не лишай ее этого. А вдруг попадется настоящий целитель? Говорят, Джуна даже Брежнева лечила, значит, люди с такими способностями существуют. Если бы у нее не было способностей, в которых убедились кремлевские врачи, ее бы к генсеку и близко не подпустили.

— А толку-то от того, что она его лечила, — махнул рукой Борис.

Он смотрел вокруг, видел, как быстро богатеют те, кто занялся своим бизнесом, и не понимал, почему у него так не получается. Может, прав был Стас, когда говорил, что у него, Бориса Орлова, нет хватки, коммерческой жилки? Или он просто обыкновенный неудачник?

В очередной раз передав партнерам деньги в Москве, Борис улетел в

Приморье встречать транспорт с партией стареньких иномарок. Партнеры были относительно новыми, но их рекомендовали люди, которым Борис доверял, и несколько сделок они провели уже вполне успешно. Теплоход пришвартовался, но машин, которые должен был забрать Борис, на нем не оказалось. Несколько дней ушли на попытки выяснить, что произошло: то ли партию не успели подогнать в японский порт отправки, то ли не хватило места на забитом под завязку теплоходе. Потом выяснилось, что машин не было вообще, а новые партнеры банально кинули Орлова, забрав деньги и скрывшись в неизвестном направлении.

Поскольку сделка имела место в Москве, то и в милицию обращаться полагалось там же, по месту совершения преступления. Борис написал заявление и, не дождавшись официального ответа, в положенный срок пришел выяснять, когда возбудили уголовное дело и какому следователю оно расписано. К немалому его изумлению оказалось, что в возбуждении уголовного дела отказано.

— У вас гражданско-правовые отношения, обращайтесь в суд с иском о ненадлежащем исполнении условий договора. — Молодой, выбритый налысо оперативник, которому была поручена проверка заявления Бориса, смотрел на него нагло и насмешливо.

— Какое же это «ненадлежащее исполнение», если у них не было даже намерения исполнять договор? — возражал Борис. — Они с самого начала знали, что ничего покупать не будут в Японии, просто возьмут деньги и скроются. Это чистой воды мошенничество.

— А субъективная сторона не установлена, — улыбнулся оперативник. — Какое же может быть мошенничество без субъективной стороны?

— Ну так установите! Вы же даже не попытались найти этих людей! Как вы можете судить о субъективной стороне, о наличии или отсутствии умысла, если вы с ними даже не разговаривали?

— Борис Александрович, — оперативник выговорил его имя и отчество демонстративно-отчетливо, — по вашему заявлению принято решение. Если оно вам не нравится — обжалуйте. Вы считаете себя грамотным юристом? А чего ж ушли со следствия и машинами теперь торгуете?

Борис вздрогнул. О том, что он служил в МВД и был следователем, он в заявлении не указывал и этому оперативнику ни слова не говорил. Значит, тот навел справки: кто таков заявитель и нужно ли надрываться по этому делу.

Он написал жалобу в прокуратуру, получил еще один отказ. Написал

вышестоящему прокурору, обжалуя решение, вынесенное районной прокуратурой. На этот раз материалы проверки были возвращены в милицию для проведения дополнительных мероприятий. Дело было расписано тому же самому оперу, который, разумеется, вынес точно такое же решение, как и в первый раз: состава преступления не усматривается, оснований для возбуждения уголовного преследования не усматривается, дело имеет характер гражданско-правовой, и заявителю рекомендовано обратиться в суд.

— Ну а как ты хотел? — пожал плечами Стас, выслушав рассказ Бориса о злключениях в милиции и прокуратуре. — Ты, конечно, можешь подавать жалобы хоть до посинения, но толку не будет. Все хотят денег, Борь, пойми это. И тот факт, что ты их зарабатываешь, а они — нет, приводит их в бешенство. Они ненавидят тебя уже за одно то, что ты в бизнесе, а они на государственной службе. И хотят иметь с этого свой профит. Они звонят твоим бывшим коллегам и спрашивают, можно ли с тобой поладить. А что слышат в ответ — легко догадаться. Поладить с тобой нельзя, ты никому платить ни за что не собираешься. Да еще и грязью польют, отыграются за твою строптивость и неуступчивость. Нет, Борька, не затевайся ты с этим, не выйдет ничего. Даже если ты сумеешь добиться, чтобы дело возбудили, они его через некоторое время прекратят за неустановлением или за нерозыском лица, подлежащего привлечению, а делать все равно ничего не будут. Подумаешь: всяком больше — всяком меньше, не убийство же. Теперь не советская власть, теперь во главе угла не событие преступления, а личность потерпевшего. Нравится личность, дает она деньги — будет расследование. Не нравится — значит, ничего не будет. Если бы ты не нажил себе столько врагов, пока был следоком, сейчас все могло бы быть иначе.

— Но моих партнеров даже не искали. Я не понимаю, как так можно!

— Да кто тебе сказал, что их не искали? — рассмеялся Стас. — Их отлично нашли. И с ними договорились: вы нам отстегиваете, а мы вас не находим. Так все делают.

— А если бы я тоже заплатил, тогда как?

— Тогда они смотрели бы, кто заплатит больше. Но они же справочки навели и выяснили, что заявитель Орлов платить не будет, потому как сильно принципиальный. И вообще, хорошо бы ему на хвост наступить, потому что он всем надоед до смерти своей несговорчивостью и лишил кучу людей возможности срубить бабла влегкую. Поэтому и пошли договариваться с мошенниками. Ради кого другого, может, и постарались бы, а на тебе банально отыгрались.

— А милицеекское братство? — уже совсем безнадежно спросил Борис. — Оно больше ничего не значит?

— Эк ты размахнулся! Все наше братство дало трещину, когда федорчуковский десант высадился на наши головы и начали убирать старых опытных профессионалов. А уж когда теневые капитали наружу вылезли в восемьдесят седьмом, так братство и закончилось. Потому что деньги большие, и все их хотят. Кто кому платит — тот тому и брат. А на сладкий жирный кусок бывшая власть сразу налетела и начала выдавливать нормальных ментов, чтобы занять их места и самим дела крутить. Вот тебе и все наше бывшее братство.

Борис понимал, что его друг прав. Но при одной только мысли о том, чтобы платить деньги за возбуждение уголовного дела и проведение предварительного следствия, у него начинали дрожать руки и к горлу подкатывала тошнота. Он — мужчина, он сын, муж и отец, и есть совсем немного вещей в жизни, которых он не сделает даже во имя этого. Одна из таких вещей — дача взятки. Он не будет. Он просто не может.

Он написал еще одну жалобу, материалы снова вернули в милицию, причем в новой бумаге из прокуратуры были перечислены мероприятия, которые рекомендуется провести органу дознания для принятия законного и обоснованного решения. Мероприятия эти появились в результате усилий самого Бориса, который ходил к прокурору на прием.

— Лично я в имеющихся материалах не вижу оснований для возбуждения дела, — сказал ему прокурор. — Но не могу не согласиться с тем, что доследственная проверка проведена некачественно. Пусть попотеют, а то совсем от рук отбились.

При этих словах по лицу прокурора мелькнула ехидная улыбка, и Борис понял, что преступления, преступники и потерпевшие нынешнюю правоохранительную систему интересуют в самую последнюю очередь. На первом месте — стремление заработать денег, на втором — желание при любом удобном случае свести личные счета с теми, кто каким-то образом помешал эти деньги заработать. Вероятно, с тем отделом внутренних дел, куда Борис Орлов подавал заявление, у этого конкретного прокурора что-то не срослось. Прошло совсем немного времени — и насколько же все изменилось!

Рекомендованные прокуратурой мероприятия проведены не были, а Борис получил очередной отказ. Если до этого момента он еще надеялся на то, что система выполнит свое предназначение и свои обязанности, то теперь не оставалось ничего другого, кроме как признать правоту Стаса: никто ничего не будет делать просто так, а уж для бывшего коллеги,

нашедшего способ заработать и не желающего «делиться», не будут делать тем более. Хоть об стенку расшибись.

Деньги пропали, и надежда на их возвращение пропала тоже. Признав это, Борис пил два дня, потом встряхнулся и взял себя в руки. Нужно было зарабатывать на лечение Алисы, а не сопли вешать. Он зафиксировал убытки и принялся искать более надежных партнеров.

* * *

Татьяна Орлова с детства привыкла рассчитывать только на себя и не надеяться на помощь со стороны. Разумеется, любую помощь она принимала с благодарностью, но никогда не исходила из представлений о том, что за нее все сделают, а сама она сможет отсидеться в тихом уголке. Она видела, как ее муж бьется изо всех сил, и точно так же видела, что получается у него плохо. Честный и законопослушный, он не мог обманывать тех, с кем вел дела, и не считал для себя возможным не выполнять своих обязательств. Если пообещал — сделает, минута в минуту и копейка в копейку, даже в ущерб собственным интересам.

У Татьяны хватало трезвомыслия на то, чтобы понимать: за эти качества она безмерно уважает Бориса, но эти же качества не дадут ему заработать столько, сколько нужно на лечение ребенка. Деньги в заветной шкатулке прибавлялись медленно, а болезнь Алисы развивалась, и селезенка становилась все больше.

И Татьяна решилась. Очень уж завлекательными выглядели бесконечные рекламы, обещающие быстрое и гарантированное приращение вложенного капитала. Срабатывало и воспитанное в советское время и автоматически включавшееся сейчас убеждение: раз показывают по телевизору и говорят по радио, значит, это правда и поддерживается властью; если бы были какие-то сомнения, на радио и телевидение не пропустили бы.

Дождавшись, когда Борис в очередной раз улетит встречать новую партию машин, она отсчитала из хранящихся в шкатулке денег сумму, необходимую на повседневные траты. На эти деньги они спокойно проживут полгода. Остальное вложила в одну из широко разрекламированных финансовых пирамид, надеясь через полгода получить как минимум в два раза больше. Борису не сказала ни слова, да и никому не сказала. Рассудительность, которую всегда отмечали в Татьяне окружающие, таяла с каждой неделей, ибо ни одна мать не сможет

сохранять ясный ум, зная, что ее единственный ребенок неизлечимо болен и может умереть. Последней каплей, превратившей намерение в твердую решимость, были слова приятельницы, когда-то работавшей с Татьяной в одном бюро:

— Я вообще ни на что особо не рассчитывала, когда зимой вложилась, просто хотела хоть чуть-чуть наварить, хоть десяток процентов, к отпуску. А на прошлой неделе получила в шесть раз больше, чем вложила, представляешь? Теперь жалею, что такая дура была и не поверила. Надо было вообще все, что есть, вкладывать.

— Ну так вложи сейчас, что мешает-то? — рассмеялась Татьяна.

— Да денег нету, потратила же все, что было, дачу достраивала, машину купила. Потому и говорю, что дура я. Надо было все вложить тогда, сейчас бы дачу не строила, а купила готовую, и в десять раз лучше, чем сама построила. Недострой мой, конечно, никому не нужен, а вот машину я, наверное, продам и деньги вложу. Через полгода смогу шесть таких машин купить.

Слова приятельницы упали на благодатную почву: Александр Иванович незадолго до этого сообщил, что в США разработан еще один препарат для лечения болезни Гоше — имиглуцераза, более безопасный и эффективный. Но чтобы лечить им ребенка, необходимо тратить примерно 130 000 долларов в год.

Цифры ошеломляли. Татьяна представила себе, как через полгода шкатулка доверху заполнится стодолларовыми купюрами, которых хватит на несколько лет лечения для Алисы. Ей, измученной переживаниями за дочь, несбывшимися надеждами на то, что болезнь не будет развиваться, и волнениями за мужа, так хотелось чуда!

Но чуда не произошло. Пирамиды стали рушиться одна за другой. Те, кого в агрессивно-напористой рекламе называли «партнерами», превратились в обманутых вкладчиков. Борис был на Дальнем Востоке и узнал обо всем, только когда приехал в Москву. Вернее, о том, что рухнула даже самая известная и широко разрекламированная пирамида, он, конечно, узнал сразу, а вот о том, что под развалинами этой пирамиды погибло все, что он сумел заработать, Татьяна сказала только тогда, когда он попросил принести шкатулку, чтобы положить в нее привезенные после реализации последней партии деньги.

Борис подавленно молчал. Он не знал, что сказать и вообще как реагировать? Орать на жену и доказывать ей, что она не права? Глупо. Она и сама знает, что поступила неправильно. И что изменится от его крика и гневных тирад? Деньги вернутся? Алиса выздоровеет? Нет, нет и нет. Все

бессмысленно. Смысл имеет только одно: поддержать Таню, не дать ей свалиться в пропасть отчаяния и самообвинений. Обнадежить.

Да, ему было безумно обидно, ведь поступок Татьяны говорил о том, что она не надеется на него, не верит в то, что он раскрутит свой маленький бизнес и заработает нужную на лечение сумму. «Я сам виноват, — говорил себе Борис. — Я не смог вселить в Танюшку уверенность в том, что я смогу, у меня получится. Наверное, это оттого, что я и сам в этом не уверен. Она устала ждать. У нее больше нет сил смотреть, как слабеет и болеет наш ребенок. Она совсем одна осталась с этим горем. Меня постоянно нет, тетя Вера далеко, моя мама делает, что может, но ее замучило давление, она все чаще чувствует себя плохо, отец... ну какой он помощник? Разве у меня есть право хоть в чем-то упрекать Танюшку, если она просто не выдержала и сдалась?»

Надо было думать о том, как начать все сначала. Весь вечер до глубокой ночи Борис просидел рядом с женой, обнимая ее за плечи и тихонько уговаривая не казнить.

— Мы справимся, — повторял он, — у нас получится, ты только не сомневайся. И не отчаивайся. Мы справимся. Мы вылечим Лисика. Нужно надеяться и верить. Ты меня слышишь?

Татьяна молча кивала, но Борису казалось, что на самом деле она не понимает ни слова из того, что он говорит.

Было уже почти два часа ночи, когда Татьяна поднялась с дивана, на котором они сидели, и отчетливо произнесла:

— Я подвела тебя. Прости. Я больше не могу. Я не выдержу.

Помолчала немного и добавила:

— Очень хочется умереть. Но ты не бойся, я глупостей не наделаю. Я же не могу оставить тебя одного с больным ребенком. Помогать тебе некому, если только моя мама вернется... Но я не хочу, чтобы она возвращалась. Пусть живет счастливо. Ей там хорошо. Не бойся, Боречка, больше я тебя не подведу. И никого не подведу.

Внутри у Бориса все похолодело. До самого утра он не сомкнул глаз, прислушиваясь к дыханию жены, готовый тут же вскочить, если она попытается встать и выйти из комнаты. Днем ему удалось поспать часа три, пока Татьяна гуляла с дочкой в сквере. Ночью он снова не спал: состояние Татьяны внушало ему серьезные опасения. Она, конечно, пообещала не делать глупостей, но кто может сказать наверняка, чего ожидать от человека в таком состоянии?

Алису в шесть лет в школу не отдали, побоялись, что девочка будет часто болеть. Но в этом году, когда ей уже исполнилось семь, нужно было

все-таки решать вопрос.

— Она в школу ходить не будет, — твердо заявила Татьяна. — Я сама буду с ней заниматься. Куплю все учебники и пойду строго по программе. Лисик уже сейчас читает и считает на уровне третьего-четвертого класса.

Это было правдой. Неработающая Татьяна много занималась с дочкой, и программа начальных классов ни малейших трудностей не вызывала. Вопрос с семейной формой обучения решить было бы хоть и непросто, но возможно, закон позволял. Однако Борис, вначале вроде бы не возражавший против такого варианта, теперь занял резко противоположную позицию.

— Мы обязательно вылечим Лисика, и не нужно приучать ее к тому, что она особенная. Ребенок должен вливаться в социум, учиться жить в коллективе, иметь друзей. Ей впоследствии все это очень пригодится.

На самом деле он просто не хотел, чтобы девочка целыми сутками находилась в обществе расстроенной и подавленной Татьяны. Финансовая пирамида рухнула в августе, до 1 сентября — рукой подать, а Таня ходит как в воду опущенная, взгляд устремлен куда-то внутрь, она даже порой не слышит, когда к ней обращаются. Ночами не спит, лежит неподвижно с открытыми глазами.

Да и самой Татьяне пойдет на пользу, если Алису нужно будет водить в школу, ходить на собрания, общаться с учителями и другими родителями. Если позволить жене продолжать сидеть дома, это может закончиться очень плохо. Борис слишком хорошо помнил потухшие глаза и монотонный голос потерпевших, потерявших своих близких: некоторые из них не находили в себе сил и интереса жить дальше, и заканчивалось все глубокой депрессией. Такой жизни для любимой своей Танюшки он не хотел. И мать, и отец с самого детства учили его: бороться нужно до конца, нельзя опускать руки, нельзя сидеть на стуле ровно и оплакивать свои неудачи, нужно двигаться вперед, а неудачи оставлять в прошлом и не оглядываться на них.

Борису очень не хотелось ставить родителей в известность о том, как сложилась ситуация, но он понимал, что промолчать и скрыть нельзя. Лучше всего было бы, конечно, поговорить с отцом, но испорченные когда-то отношения лучше за эти годы не стали. Наоборот, отчуждение нарастало. Борис общался только с матерью. И теперь ему приходилось делать далеко не самый простой выбор: обратиться к отцу, наступив себе на горло, или рассказать все Людмиле Анатольевне, но с риском, что у нее опять подскочит давление. Отец-то покрепче, после того инфаркта больше десяти лет прошло, а мама болеет все чаще и чаще. И так нехорошо, и эдак

неладно... После возвращения в Москву он приезжал к родителям пару раз, но один, без жены и дочери, и пока ничего о денежной катастрофе им не говорил.

Вопрос решился сам собой: 1 сентября бабушка и дедушка приехали, чтобы вместе с мамой и папой отвести Алису в школу. Борис несколько раз перехватывал встревоженные взгляды Людмилы Анатольевны, которые та бросала на Татьяну, и понимал, что мать о чем-то догадывается.

После торжественной линейки школьники разошлись по классам, и возникла неловкая пауза. Накануне они договорились провести весь день вместе, дожидаться окончания первого учебного дня Алисы и устроить торжественный обед с праздничным тортом, который собиралась испечь Татьяна.

— Как там мой любимый тортик? — весело спросил Александр Иванович. — Ждет нас?

Таня выдавила из себя виноватую улыбку.

— Не получилось... Вы уж извините, дядя Саша. Надо в магазине купить, наверное...

Людмила Анатольевна решительно тряхнула головой.

— Саша, ты же видишь, Танечке нездоровится, какой уж тут торт! Ребятки, давайте-ка мы вас отпустим, пусть Танюша отдохнет, а мы поедем домой. Да и Лисику не нужна толпа в квартире, она все-таки слабенькая, а день для нее сложный, столько волнений, столько новых впечатлений... Идея с торжественным обедом была не очень удачной. Договорились?

Борис, внимательно наблюдавший за матерью и женой, не мог не заметить очевидного облегчения на лице Татьяны. И понял, что в самое ближайшее время ему предстоит нелегкий разговор с Людмилой Анатольевной. Но уклоняться и тянуть больше нельзя.

Людмила Анатольевна действительно позвонила вечером.

— Сынок, ты ничего не хочешь нам рассказать?

— О чем?

— О Танюшке. О том, что с ней происходит. Я не видела ее всего три недели, а сегодня передо мной был совсем другой человек. Что могло случиться за это время такого?

Борис оглянулся на жену: та сидела на диване рядом с Алисой, уставившись неподвижным взглядом в экран телевизора, на котором мелькало что-то мультяшное.

— Мамуль, я заеду завтра утром, ладно? Ты будешь дома?

«Ты», а не «вы». Его интересовала только мать. Видеться лишний раз с отцом он не хотел.

— Куда ж я денусь, — усмехнулась Людмила Анатольевна. — У папы дела, а я буду дома. Приезжай.

Борис повесил трубку и с деланным огорчением обратился к жене:

— У них с краном какая-то проблема, вода подтекает. Завтра утром съезжу, починю.

Татьяна молча кивнула, не произнеся в ответ ни слова.

Глава 4. 1995–1997 годы

Два года и три месяца. Это тянулось два года и три месяца. И вот теперь Орловы провожали Людмилу Анатольевну в последний путь. Организацию похорон взял на себя институт, в котором доцент Орлова проработала много лет, оставив по себе добрую улыбчивую память: все ценили ее доброту, оптимизм и умение не унывать ни при каких обстоятельствах. И все равно Александр Иванович не ожидал, что провожающих окажется так много: уверен был, что стоит человеку выйти на пенсию — и о нем тут же забывают.

Инсульт случился в тот день, когда Борис приехал и рассказал матери про потерю денег в финансовой пирамиде. Людмилу Анатольевну увезли в больницу, продержали пару недель, ставили уколы и капельницы, потом отправили домой. Лишенная возможности двигаться и говорить, она сохранила только разум, зрение и слух. Врачи ничего определенного не обещали, о перспективах хотя бы частичного восстановления говорили уклончиво и советовали не терять надежды.

Александр Иванович полностью отказался от работы и превратился в сиделку. Приехала Вера, оставив мужа в далеком сибирском городе: нужно было помогать Танюшке и Орлову, потому что Борис так и продолжал мотаться по всей стране в попытках заработать денег на лечение Алисы. Ходить в школу девочка не любила, хотя сама учеба не доставляла ей ни малейших трудностей:

— Меня дразнят, потому что у меня большой животик, — то и дело жаловалась она родителям. — Я не хочу туда ходить.

Слышать это было невыносимо. Но Вера, посоветовавшись с Борисом, согласилась с его доводами о том, что нельзя забирать Алису из школы. Татьяна все больше погружалась в мутную беспросветную глубину, и если дать ей возможность не водить ребенка в школу и не забирать оттуда, она вообще перестанет выходить из дома. Она уже сейчас при каждой возможности ложится на кровать и отворачивается к стене, не вступая в разговоры и не отвечая на вопросы. Всем было понятно, что это депрессия и что Татьяне требуется лечение у специалиста, но Татьяна от любого лечения отказывалась категорически.

— Все деньги должны тратиться только на Алису, — говорила она. — Мне ничего не нужно, со мной все в порядке, я сама справлюсь.

Переубедить ее было невозможно. Она чувствовала себя виноватой не

только в том, что так бездарно потеряла с трудом заработанные деньги, но и в том, что из-за этого у Людмилы Анатольевны случился инсульт. Вера моталась каждое утро из своей квартиры сначала к дочери, потом к Орлову, потом снова к дочери, и в конце концов переселилась к Татьяне окончательно. И ездить меньше придется, и дочь оставлять одну надолго страшно. Когда возвращался Борис, Вера Леонидовна уезжала к себе ночевать, но целые дни все равно проводила у дочери.

Жизнь семьи превратилась в ежедневный круглосуточный труд, и физический, и душевный. И было совершенно непонятно, закончится ли он когда-нибудь.

Александр Иванович ухаживал за обездвиженной женой старательно и со знанием дела. Кормил, мыл, перестилал постель, менял пеленки, делал массаж, боролся с пролежнями, давал лекарства строго по предписанной схеме. Часами сидел возле Люсеньки, читая вслух или что-то рассказывая.

— Милая, ты не поверишь, но сейчас я чувствую себя намного более на своем месте, чем все прошедшие годы, — говорил он. — Я ведь хотел стать врачом, облегчать страдания, помогать тем, кто болен, а вынужден был стать юристом. Наверное, я был неплохим юристом, я очень старался быть профессиональным, чтобы нормально зарабатывать и обеспечивать вас с Борькой, я не халтурил, работал честно и добросовестно. Даже репутацию какую-то заслужил... Но я не вкладывал душу в свою работу, понимаешь? Я всегда знал, что это не мое, это чужое. Чужая жизнь и чужая профессия. А вот теперь, когда я ухаживаю за тобой, я как будто снова вернулся к себе — настоящему.

Глаза Людмилы Анатольевны наливались слезами, и Александр Иванович заботливо и осторожно промокал их платком или тонкой бумажной салфеткой.

Он рассказывал ей о своем детстве, о родителях, о братьях и сестрах, о школьных товарищах и соседских мальчишках, с которыми дружил. Читал ей детективы, которые в изобилии продавались на книжных лотках возле метро. Обсуждал новости, старательно избегая всего, что могло бы разволновать больную. Никаких разговоров о захвате заложников в Буденновске, об убийстве Влада Листьева или о землетрясении в Нефтегорске. Зато подробный, сдобренный шутками, рассказ о новой моде на татуировки, которые в прежние времена были распространены в основном среди уголовников и моряков. О реконструкции Кремля. О широкомасштабной операции по борьбе с блатными. О российско-американском экипаже «Шаттла».

В спальню перенесли телевизор и вместе смотрели «Куклы», фильмы,

передачи Раздинского и Вульфа. Александр Иванович сам для себя постановил, что Люсенька ни одной минуты, ни одной секунды не останется в одиночестве. Если нужно было выйти на кухню или в туалет, он продолжал громко разговаривать с женой, чтобы она слышала его голос и знала: она не одна, ее не бросили. Уйти из дома Орлов позволял себе только тогда, когда кто-нибудь приходил, чтобы сменить его. Чаще всего это бывала Вера. Борис навещал мать, когда бывал в Москве. Первые несколько месяцев то и дело забегала Алла, потом ее визиты сделались все реже, а весной 1995 года она смущенно заявила:

— Саша, я уезжаю.

Орлов сперва не понял. Ну, уезжает, и что в этом нового? Она и так постоянно ездит туда-сюда.

— Я насовсем уезжаю. В Турцию, — пояснила Алла. — Выхожу замуж.

— За кого? — опешил он.

— За вдовца с маленькими дочками. Он азербайджанец, их сейчас много в Турцию переехало, язык-то практически один и тот же. Его жена умерла, девочкам нужна мать, а дому — хозяйка. Я согласилась.

— Что значит — согласилась? — удивился Александр Иванович. — Ты его любишь или нет?

— Ой, Саша, ну конечно же, нет. Какая может быть любовь, ты что? Это обычный договор. Я воспитываю детей и содержу дом, он содержит и обеспечивает меня. Но это будет хоть какая-то жизнь, не то что здесь... Я устала, Саша, я не могу больше ездить с этими огромными сумками, ночевать на таможнях, скрючившись в машине, все время трястись от страха, что кинут, отберут, ограбят, сожгут... Не могу больше. Мишке я все равно не нужна, вижу его хорошо если один раз в три месяца. Оставляю ему квартиру и уеду, пусть живет, как хочет.

— Но...

Он смотрел на дочь, постаревшую и измотанную годами «челночного» бизнеса и торговли на вещевом рынке, и ему казалось, что все происходящее нереально.

— Что — но? — насмешливо спросила Алла. — Мне пятьдесят три года, и тебе кажется, что в этом возрасте невозможно выйти замуж? Что я старая и никому не нужна?

Орлов откашлялся. Именно это он и думал, но не признаваться же.

— Сколько лет твоему жениху?

— Не беспокойся, тут все в порядке, никаких молоденьких альфонсов. Он старше меня на два года.

— И такие маленькие дети? — усомнился он.

— Это был второй брак. С первой женой он развелся, это было еще в Баку, потом женился на молодой девушке, она родила четверых девочек и умерла. У него свой бизнес, он торгует ювелиркой и кожей, все налажено.

— И такой выгодный жених не смог найти себе жену в Турции?

Алла пожала плечами.

— Наверное, мог. Но он хочет семью, основанную на понятных ему принципах, и жену, воспитанную в той же правовой культуре и в той же системе ценностей, что и он сам. Это его слова.

Орлов помолчал. Ну что ж...

— Ты сама скажешь Люсеньке? — спросил он.

— Конечно, — кивнула Алла. — Вот она проснется — и я с ней посижу, все ей расскажу. Ты сходи пройдишь, Саша, проветришься. И знаешь, я хотела сказать.... Ну, в общем, я устала бояться за Мишку. Все эти его сомнительные занятия, маргинальные дружки... Я от любого телефонного звонка вздрагиваю: мне все время кажется, что это звонят из милиции, чтобы пригласить в морг на опознание. Иногда я думаю: лучше бы уж его посадили, я бы хоть меньше беспокоилась. Так вот, я подумала, что если в Турции у меня все сложится более или менее нормально, Мишка приедет в гости, увидит, что можно хорошо жить и без всякого этого криминала, и переедет к нам. Муж даст ему работу в одном из своих магазинов, потом, если Мишка себя хорошо покажет, может быть, и в партнеры возьмет. И все как-то наладится. Как ты думаешь, это возможно?

Такая идиллическая картина представлялась Александру Ивановичу поистине сказочной, а в сказки он не верил. Но если Алла верит — пусть. Люсенька всегда говорила: нельзя лишать человека надежды.

— Не страшно уезжать? — негромко проговорил он. — Все-таки ты выросла в этой стране, а там все чужое.

— Ну и пусть. Мне, видимо, так на роду написано. Я родилась в эвакуации, а не там, где выросли и жили мои родители, потом отцу... — Она запнулась и тут же поправилась: — Горлицыну предложили хорошую должность в другом городе в хорошей больнице, и они не стали после войны возвращаться в Полтаву, да и родных у мамы там не осталось. Мы переехали в Куйбышев. Потом я вышла замуж за Андрея и снова переехала, уже в Иркутск. Потом мы оказались в Москве. Где мой дом? Где мои корни? Я не знаю. Так какая теперь разница, где я доживу свой век?

Орлов так и не смог определить, сколько в словах дочери было горечи и сколько — безразличия.

— Когда ты уезжаешь?

— В конце мая, самое позднее — в начале июня. Надо документы оформить на рыночное место, продать повыгоднее.

— Значит, на День Победы ты будешь еще здесь? В этом году юбилейные торжества, много мероприятий, я почти от всех отказался, но есть такие, на которые не пойти нельзя. Ты сможешь мне помочь с Люсенькой? Побудешь с ней?

— Конечно! Даже не сомневайся, — заверила его дочь, — я буду сидеть здесь, сколько надо.

— Хорошо. — Он встал, вышел в прихожую и начал обуваться. — Тогда я пойду прогуляюсь, куплю нам чего-нибудь вкусенького к чаю.

Маршрут его прогулок теперь всегда был одним и тем же: именно по этим улицам и бульварам они гуляли с Люсей, пока она была здорова. Он шагал и мысленно продолжал разговаривать с женой, каялся в своих грехах и просил за них прощения. Все эти слова он произносил и мысленно, когда был один, и вслух, когда сидел у постели Людмилы Анатольевны, повторял снова и снова, как будто внутри вскрылся нарыв и с каждым словом наружу вытекал зловонный омерзительный гной.

— Знаешь, милая, я вот смотрю на нынешних девятнадцатилетних ребят и понимаю, что они еще совсем дети. А ведь нам с Саней тогда было по девятнадцать. Совсем пацаны. Конечно, мы сами себе казались уже взрослыми, мужиками, бойцами. А на самом-то деле... Двое насмерть перепуганных мальчишек, оказавшихся в лесу, без поддержки, без надежды, один из них — со смертельным ранением. Разве можно было от нас ждать разумных и правильных решений? Сначала была только одна мысль: как спасти Саньку. Потом, когда я понял, что его уже не спасти, на место этой мысли пришла другая: как облегчить его страдания. И только после его смерти я стал думать о том, как выжить самому. Удивительно, что я вообще в состоянии был хоть о чем-то думать. В тот момент Санькино предложение воспользоваться его документами и поменять имя показалось мне единственно правильным, спасительным. Я хотел выжить и воевать, защищать Родину, бить врага. Если бы я попал в плен, у меня как у русского был бы шанс на побег, а как у еврея у меня ни одного шанса не было бы. Это ведь только потом я понял, что у бежавших из плена жизнь оказывалась ужасной, они подпадали под подозрение и проходили бесчисленные проверки, им не верили и априори считали завербованными немецкими агентами, их отправляли в штрафбаты или даже в лагеря, а то и расстреливали без суда и следствия. Но в тот момент такое даже в голову не могло прийти. У меня были только три варианта: «дойти до наших», «плен и побег» или «плен и немедленный расстрел». И вот сейчас я оглядываюсь

на себя, тогдашнего, и понимаю, что никак иначе поступить не мог.

Он просил прощения за многолетний обман, за Бориса, за Татьяну, за внучку, за insult Людмилы Анатольевны.

— Если бы я не лгал и не выдавал себя за Орлова, если бы сказал правду Верочке, она предупредила бы детей, и они, возможно, приняли бы какие-то другие решения. В любом случае болезнь Лисика не оказалась бы такой неожиданностью для них, они были бы готовы, и, как знать, может быть, у Борьки все сложилось бы иначе с бизнесом, и не было бы этой ужасной истории с пирамидой, и Танюшка не ушла бы в депрессию... И у тебя не было бы insultа. Я во всем виноват, только я один. И нет мне прощения, — твердил Александр Иванович, глядя в глаза жены.

И те же самые слова он вновь и вновь произносил мысленно, вышагивая по бульвару среди едва покрывающихся нежной весенней зеленью деревьев. «Я остаюсь в одиночестве, — думал он. — Борька со мной не разговаривает, Алла уезжает, Люсенька не может говорить, Танюшка вообще почти рот не открывает, Вере не до меня. Остались только друзья, приятели и коллеги. Да, их много, но ведь они не знают правды обо мне, и с ними все снова получится ложью, притворством, маской. Может быть, было бы лучше, если бы я промолчал и ни в чем не признался? Лисику это не помогло бы, конечно, но отношения с сыном я бы сохранил. И как знать: если бы он не отвернулся от меня и продолжал рассказывать о своих делах, я бы помог советом, подсказал бы что-нибудь, в чем-то поддержал, от чего-то отговорил. И все было бы иначе...»

* * *

Два года и три месяца круглосуточного ухода за парализованной женой и непрерывного круговорота мыслей о собственной вине.

Людмила Анатольевна скончалась ночью от инфаркта. Когда медики назвали причину смерти, Александр Иванович ушам своим не поверил:

— Как — инфаркт? — растерянно спросил он. — Этого не может быть...

— Может, — сказали ему. — Если был insult, значит, поражены сосуды, а где больные сосуды — там и инфаркт рядом. Так случается очень часто.

«Это мое наказание, — говорил себе Орлов. — Это я, а не Люсенька, должен был умереть от инфаркта еще тогда, тринадцать лет назад. Лучше бы умер. И не было бы всего этого кошмара. Все сложилось бы иначе, и

Лисика зачали бы в другой день, и хромосомы поделились бы по-другому. Я должен был умереть от этого проклятого инфаркта, я, я!»

Мысль о том, что любимая жена умерла от болезни, предназначенной для самого Орлова, не давала ему покоя. Воспитанный пионерским, комсомольским и партийным мировоззрением, Александр Иванович был крайне далек от религиозного и тем более от эзотерического мышления, поэтому ответов на свои вопросы не находил. Да и сам вопрос никак не удавалось сформулировать внятно и четко. Просто жило внутри Орлова ощущение чего-то неправильного и тревожно-беспокойного.

Сороковины пришлось на середину января. Александр Иванович приехал на кладбище с самого утра и несколько часов простоял на сыром морозе, по привычке разговаривая с Люсенькой. Собратья договорились в два часа, к этому времени приехали Борис с Верой Леонидовной; Танюшку с Лисиком оставили дома, чтобы девочка не простудилась. Еще в течение часа подходили друзья и коллеги Людмилы Анатольевны, потом все поехали в ближайшее к дому Орловых кафе, где для поминального обеда был зарезервирован небольшой зал. Уже в середине скорбной трапезы Орлов почувствовал озноб, заложенность в груди и в носу, начала побаливать голова. К вечеру он свалился с высокой температурой.

— Не вздумай ко мне приезжать, — сказал он по телефону Вере Леонидовне, с трудом проталкивая слова сквозь приступы удушающего кашля. — Не дай бог это вирус какой-нибудь, Лисика заразишь. И вообще, я отлично справлюсь сам, у меня полный дом лекарств, ты же знаешь. Мне ничего не нужно.

— К тебе Борька заедет, — ответила Вера.

— Не нужно! Подцепит от меня заразу, и Лисик...

— Не волнуйся, он завтра улетает, заедет к тебе с утра, принесет продукты и все, что нужно, и от тебя прямо в аэропорт, домой возвращаться не будет, так что никакой угрозы для ребенка нет, — успокоила его Вера.

Борис действительно приехал утром, коротко поздоровался с отцом, осмотрел припасы в холодильнике и кухонных шкафах, сухо осведомился, был ли врач и выписал ли какие-нибудь рецепты. Сходил в магазин и в аптеку, разложил покупки, отдал лекарства.

— Сынок... — начал было Александр Иванович, но Борис решительно перебил его:

— Если бы ты не скрывал свое происхождение, мы давно могли бы уехать в Израиль, где болезнь Гоше хорошо знают, а теперь, когда открыли препараты, еще и лечат. Но ты обманывал нас, и мы вынуждены жить здесь. Жизнь в депрессии — это жизнь в аду. И жизнь рядом с ребенком,

обреченным на медленное умирание, это тоже жизнь в аду. И жить, думая, что ты виноват в болезни и смерти свекрови и в разрушенной семейной жизни матери, тоже, знаешь ли, нелегко. Моя жена живет в этом аду только из-за твоей лжи. А мы с тетей Верой смотрим на это каждый день. Извини, но я не могу относиться к этому равнодушно и делать вид, что у нас с тобой все хорошо. Выздоровливай.

Больше он не произнес ни слова, и только щелчок замка во входной двери известил Орлова о том, что сын ушел.

Еще пару дней ему было совсем худо, потом понемногу Орлов начал приходить в себя и поправляться. Захотелось читать, и не что-нибудь из обширной домашней библиотеки, а такое, где могли найтись ответы на мучившие его, но так и не сформулированные вопросы. Он позвонил давнему знакомому, букинисту, который был когда-то клиентом адвоката Орлова. Давным-давно, еще в 1960-е годы, этот человек, влюбленный в творчество Анри Матисса, по каким-то своим каналам договорился, что из Великобритании привезут роскошный альбом с репродукциями знаменитого француза, но расплатиться за него нужно будет долларами, а не рублями. Валютные операции были запрещены, и букиниста, пытавшегося по крохам собирать нужную сумму, кто-то сдал. Благодаря усилиям адвоката срок дали условный. А знакомства Орлова в среде московских любителей и знатоков книги стали с того момента активно расширяться.

Объяснить букинисту, какие книги он хотел бы прочесть, оказалось непросто. Орлов долго и путано рассказывал о своем инфаркте, о смерти жены, о болезни внучки, стараясь не вдаваться в излишние подробности и ненавидя себя за то, что многолетняя ложь теперь мешает говорить правду. Его собеседник-букинист был старым человеком, но ясности ума не утратил.

— Кажется, я понял, Александр Иванович, — ответил он в конце. — Когда вы сможете заехать? Я подберу вам литературу.

Пришлось сказать и о своей болезни, которая никак не позволит в ближайшее время приехать за книгами.

— Да о чем вы говорите? Я сам привезу!

— Неловко вас беспокоить, — смутился Орлов.

— Никакого беспокойства! Скажите мне адрес и время, когда вам удобно, и я все привезу. Буду рад повидаться, мы с вами давненько не встречались, я уж грешным делом подумал, что чем-то вас обидел. Не знал, что у вас такие печальные обстоятельства.

Рувим Наумович, старик букинист, приехал через два дня. Александр

Иванович чувствовал себя уже намного лучше, только очень быстро уставал и мучился одышкой. Увидев солидные фолианты в кожаных переплетах, Орлов полез за бумажником, но был остановлен решительным жестом гостя:

— Это подарок.

— С какой стати?

— У вас в этом году семидесятипятилетие, я не путаю?

— Да...

Ему действительно в этом году исполнится 75. Совсем забыл...

— Значит, память меня пока не подводит, — удовлетворенно улыбнулся букинист. — Вот это и будет моим подарком к юбилею. И не вздумайте отказываться.

— Спасибо, — растроганно ответил Орлов. — Как-то забываешь в повседневной жизни, что ты уже старик, а как день рождения отмечаешь — так и понимаешь, что все главное позади, а впереди совсем немного осталось.

— Ну вот и глупости! — решительно возразил Рувим Наумович. — Мне восемьдесят семь стукнуло, а я бодр и весел и помирать пока не собираюсь. У меня, знаете ли, планов громадье на ближайшие годы! Хочу осуществить хотя бы малую часть своих мечтаний, благо теперь ездить можно повсюду, лишь бы деньги были. Да и деньги-то, в сущности, нужны не такие уж большие, проезд можно устроить совсем недорого, и дешевых отельчиков много повсюду.

— И куда же вы собрались, уважаемый Рувим Наумович? — поинтересовался Орлов.

— Меня интересуют кладбища, — сообщил букинист. — Преимущественно, конечно, русские, но и кое-каких европейцев хотелось бы навестить в местах их последнего упокоения. Так что первоочередные мои устремления — Франция и Германия. Жаль, что Моцарта похоронили в общей могиле, я бы и его навестил. Кстати, если у вас есть родня, упокоенная за границей, то скажите, где, я найду, цветочки от вас положу, привет передам.

Орлов смешался. К такому повороту он не был готов.

— Да вроде... даже не знаю, — пробормотал он. — Мама, конечно, знала точно, кто и где похоронен, но она умерла, когда я был младенцем еще, а отец этим как-то не интересовался. Так что можно считать, что зарубежных могил у меня нет.

— Печально, печально, — покачал головой Рувим Наумович. — Что же, никого из родственников по линии вашей матушки вы не застали?

— Никого. Все эмигрировали, кроме мамы и ее отца, моего деда. Деда расстреляли в девятнадцатом, еще до моего рождения, осталась одна мама. Она умерла в двадцать четвертом году от дифтерии.

Рувим Наумович неожиданно оживился.

— Любопытно, очень любопытно. — Его глаза заблестели интересом. — А почему же, позвольте спросить, ваш дед не уехал вместе со всеми? Он поддерживал большевиков? Был при них в больших чинах?

— Да бог с вами! — рассмеялся Орлов. — Мой дед был ученым, криминалистом, он считал, что его долг — служить делу борьбы с преступностью, и не важно, какая на дворе власть, важно, чтобы преступники были пойманы и изобличены.

— А матушка ваша? Почему она не уехала?

— Она ждала с фронта своего жениха, моего отца. Мама была квалифицированной медсестрой, во время империалистической работала в госпитале, а когда мне было чуть больше года, ее отправили на борьбу с вспышкой дифтерии куда-то за Урал, на границу с Казахстаном. Вернее, это теперь считается границей с Казахстаном, а в те годы это была территория Киргизской автономной республики, а Оренбург был ее столицей. Мама заразилась и умерла.

— Прискорбно, прискорбно. — Рувим Наумович снова сочувственно покачал головой. — Могилу навещаете?

Орлов судорожно сглотнул. Опять ложь. Неужели это никогда не кончится?

— Увы — нет. Отец рассказывал, что население деревни было совсем темным, и, несмотря на разъяснительную работу приехавших медиков, люди считали, что болезнь настолько заразна, что трупы нужно сжигать. Так что навещать нечего.

На самом деле Саня Орлов говорил ему когда-то совсем другое. Его мать, Ольга Александровна, действительно была отправлена в составе бригады медиков на вспышку дифтерии и действительно умерла в этой глухой деревне, но похоронена была в обычной могиле, и Саня с отцом ездили туда каждый год. Навещать могилу совершенно постороннего человека Орлову не хотелось, да и ехать далеко, поэтому сначала Люсе, а потом и всем остальным он рассказывал придуманную им же самим ложь о диких нравах и непросвещенности местных жителей и о полном уничтожении тел умерших от дифтерии.

— Ну, про могилу вашего деда я не спрашиваю, ибо с расстрелянными и так все понятно, — заключил букинист. — Ваш батюшка, помнится мне — вы говорили, погиб при обороне Ленинграда, так что и об этом вопросов

не задаю. А те, кто эмигрировал?

— Жена деда, моя бабушка, была немкой, она с младшими детьми уехала в Германию, потом перебралась в Австрию. Были еще родственники, врачи, они уехали в самом начале века по линии Красного Креста в Панаму, там свирепствовала желтая лихорадка, врачей не хватало. Они остались в Латинской Америке, и никаких сведений о них у меня нет.

Чтобы прекратить обсуждение неприятной для себя темы, Орлов предложил гостю попить чайку, на что Рувим Наумович согласился с видимым удовольствием. К чаю, правда, нашлось только изрядно подсохшее печенье — выходить в магазин за продуктами Александр Иванович пока еще не решался. К счастью, обнаружилась баночка клубничного джема, по всей вероятности, купленная Борисом: сам Орлов клубнику не любил и такой джем никогда не купил бы. Наверное, сын просто забыл вкусы своего отца. Или вообще не думал о них, когда делал покупки. Ах, Борька, Борька...

Допивая третью чашку заваренного по всем классическим правилам чаю, Рувим Наумович вновь вернулся к интересующему его вопросу:

— Я ведь не зря спрашиваю вас о покойных родственниках, дорогой мой Александр Иванович. В тех книгах, которые я вам принес, вопросам рода и предков уделяется очень большое внимание. Поэтому если вы не готовы думать в этом направлении, то вам и читать их бесполезно. Мне вы можете ничего не отвечать и не рассказывать, если не хотите, воля ваша. Но когда вы начнете читать, вы поймете, что без знания своего рода, своих корней, своей истории у вас все равно ничего не выйдет. Если заинтересуетесь, то могу рекомендовать вам более современную литературу на эту же тему, на Западе она в большой моде, там много пишут, а у нас теперь и переводят. У меня-то, сами понимаете, интересы лежат в области изданий далеко не современных, потому и книги я вам принес старинные.

Слов букиниста Орлов в тот момент не понял, но ничего больше спрашивать не стал. Проводив гостя, вернулся на кухню, вымыл посуду, аккуратно вытер и поставил на полку чашки и блюдца, ложечки сложил в ящик, протер влажной тряпочкой стол и, предвкушая удовольствие, уселся в кресло, приготовившись изучить подаренные книги.

Подарок оказался действительно дорогим: три книги, изданные между 1850 и 1870 годами. Такие издания в нынешнее время просто по определению не могут стоить дешево. Орлов осторожно погладил пальцем кожаный переплет верхнего тома, и снова в его памяти всплыло то ощущение: он сидит на крыльце дома, в котором вырос и в котором жили

совершенно посторонние люди, и нащупывает вырезанные когда-то ножиком на ступеньке свои инициалы. Болезненно сдавило грудь, на глазах выступили слезы.

Он глубоко вздохнул, открыл книгу и начал читать.

* * *

Несколько следующих дней прошли как в тумане. Орлов читал, думал, снова читал, перечитывал, возвращаясь на несколько глав назад. Он забывал поесть и принять лекарства, выныривая из глубины роящихся бессвязных мыслей только тогда, когда звонил телефон. Перевернув последнюю страницу третьей книги, он выпил кофе, принял душ, оделся потеплее и вышел в стильную февральскую морось.

Он шел медленнее обычного — сказывалась слабость после болезни, но Александр Иванович твердо решил не возвращаться домой до тех пор, пока мысли не придут в относительный порядок.

Примерно через полтора часа он понял, что можно возвращаться. И домой, и к жизни вообще. К той жизни, которая у него есть, потому что другой все равно уже не будет. Он зашел в магазин, порадовавшись, что теперь есть такая удобная штука, как супермаркет, и не нужно мотаться из булочной в «Молоко» и из овощного в гастроном, универмаг и в «Хозтовары», а можно все купить в одном месте.

Дома он в удобном ему и привычном порядке разложил покупки, сварил гречневую кашу на ужин и овощной суп на завтрашний обед. Позвонил Вере Леонидовне и предупредил, что завтра после обеда придет навестить внуку. Сел к письменному столу, открыл блокнот и составил список дел на ближайшие дни.

Он не знал, откуда пришел ответ на мучивший его вопрос: из книг ли, подаренных букинистом, или из подсознания. Но ответ был. И казался он настолько простым и очевидным, что оставалось только удивляться, почему Орлов не додумался до этого раньше.

Тридцать два года этот ответ был перед его глазами, а он не видел, не замечал, не понимал. Анна Юрьевна Коковницына, приехавшая из Парижа, рассказавшая свою горестную историю и считавшая, что ей необходимо исправить ошибку своего отца. Она приняла Михаила Штейнберга за настоящего потомка Раевских и была уверена, что передала содержимое сигарной коробки своего деда по назначению. Она заблуждалась. И с того момента у него, у Александра-Михаила Орлова-Штейнберга, находились

чужие вещи, к которым он не имел никакого отношения и которые нужно было вернуть законным владельцам. Как вернуть? Где их искать? Коковницына говорила, что пыталась найти их, но не нашла никого, кроме Александра Орлова, а уж у нее-то возможностей наверняка было больше, чем у живущего за «железным занавесом» рядового адвоката. Но Коковницына искала живых потомков рода Раевских. А из прочитанных книг Александр Иванович понял, что это совсем не обязательно. Прах к праху.

Он должен поехать туда, где умерла мать Сани Орлова, Ольга Александровна, и похоронить то, что передала Коковницына в ее могиле. Вот тогда все будет правильно. И может быть, ему самому станет хоть немного легче. А может быть, и не только ему... Он не знал, можно ли верить тому, что написано в этих старых книгах. Проживший всю жизнь в материалистическом безбожии, Александр Иванович не умел мыслить категориями «кармы», «энергетики», «ауры» и «астральных тел». Но смотреть, как страдают его близкие, как болеет и угасает его внучка, как ненавидит его сын, как заживо хоронит себя невестка, было невыносимо. Люсенька всегда говорила, что нужно бороться до конца, нужно пробовать все варианты, даже самые невероятные, нельзя отступаться и опускать руки. И пусть то, что он задумал, глупо и смешно, пусть оно бессмысленно и не принесет никакой пользы, — он, Орлов, все равно должен сделать это, чтобы не казнить себя за то, что не сделал.

* * *

То, что в 1924 году именовалось «глухой деревней», за последующие 70 лет превратилось в довольно крупный поселок городского типа, выросший вокруг большой текстильной фабрики. До Оренбурга Орлов летел самолетом, потом несколько часов на поезде и еще три часа автобусом — и он был на месте. На автовокзале Александр Иванович сразу заметил нескольких пожилых женщин, стоящих с написанными от руки плакатами: «Комнаты недорого». Неторопливо окинув взглядом каждую из потенциальных домовладелиц, он выбрал самую пожилую — сухощавую, опрятно одетую, интеллигентного вида женщину в очках. Длинная клетчатая юбка торчала из-под потертого пальто с куцым, когда-то рыжим, воротником. С первого же взгляда было понятно, что для женщины сдача комнаты — не бизнес, а средство выживания. «Наверное, бывшая учительница, — решил Александр Иванович. — Или чиновница какая-

нибудь из советско-партийных учреждений».

Орлов подошел к ней. В глазах старой женщины вспыхнула надежда.

— Желаете комнату снять? — спросила она чуть дрожащим голосом. — Здесь недалеко, дом хороший, пятиэтажка, правда, без лифта, но все удобства, чисто, и если желаете, могу предложить столоваться у меня...

— Желаю, — улыбнулся Александр Иванович. — Вы давно здесь живете?

— Всю жизнь, — удивленно ответила женщина. — А для вас это важно?

— Тогда тем более желаю. Пойдемте?

От автовокзала до дома действительно было совсем недалеко, минут пять-семь средним шагом.

— Я смотрю, у вас много предложений о сдаче комнат, — заметил Орлов. — Неужели есть спрос?

— Ну а как же! У нас ведь текстильный комбинат, с зарплатами беда, денег нет, поэтому платят товаром. Кто как может, тот так и сбывает. А продукция у нас на комбинате очень хорошая и востребованная: полотенца, постельное белье, скатерти, салфетки. Вот и съезжаются без конца покупатели, оптом затариваются и увозят в другие регионы продавать. Только так и выживаем.

— А гостиница?

— Да что вы, какая у нас гостиница! Было что-то вроде Дома колхозника, но давно, теперь пришло в полную негодность. Правда, нашелся инвестор, который предложил построить у нас небольшой, но приличный отельчик, но администрация ему не разрешила.

— Почему же? Разве плохо, если в городе будет приличный недорогой отель?

— Как же вы не понимаете! — В голосе женщины зазвучала досада. — Если будет отель, значит, у него будет хозяин, и вся прибыль от приезжающих пойдет ему в карман. А сейчас отеля нет, и мы, пенсионеры, имеем хоть какую-то возможность заработать прибавку к пенсии.

— Вообще-то это странно, — скептически усмехнулся Орлов. — Насколько я понимаю современные реалии, администрация обязательно должна была согласиться на предложение инвестора, потому что такое предложение подразумевало очень приличный откат. Кто ж откажется от дармовых денег? Или у вас администрация необыкновенно честная?

Женщина, не замедляя шага, бросила на Орлова испытующий острый взгляд.

— Администрация у нас обыкновенная. А вот инвестор был иностранцем и давать взятки не собирался. У них в Америке так не принято, там мир цивилизованный.

— Инвестор — американец? — изумился Орлов. — В первый раз слышу, чтобы американцы захотели строить маленький недорогой отель вдали от туристических маршрутов. Или вы что-то путаете, или здесь что-то нечисто.

Женщина распахнула дверь подъезда, поднялась на третий этаж, открыла квартиру и сделала приглашающий жест рукой:

— Прошу. Посмотрите комнату. Если вас устроит — будем знакомиться и договариваться об условиях. Вы ведь даже цену не спросили.

Квартира была двухкомнатной, необыкновенно чистенькой и уютной. Маленькую комнату хозяйка оставила для себя, комнату побольше сдавала. Орлова все устроило.

— Александр Иванович, — представился он.

— Елена Денисовна. — Хозяйка протянула ему морщинистую руку, которую Орлов осторожно пожал. Ему казалось, что ее хрупкие косточки сломаются в его мощной ладони. — И откуда же вы к нам пожаловали, Александр Иванович?

— Из Москвы.

— По делам? Или так, погулять?

Орлов улыбнулся. Строчка из песни Окуджавы про Ленку Королева прозвучала в разговоре естественно и непринужденно, как обычные слова.

— По делам, — ответил он.

— Бизнес? — В голосе женщины ему почудилась легкая брезгливость.

— Нет, семейное. Хочу найти могилу матери, она была медсестрой, умерла здесь в двадцать четвертом году во время вспышки дифтерии. Я ведь потому и спросил, давно ли вы здесь живете: без помощи местных старожилов мне не обойтись.

Елена Денисовна с любопытством посмотрела на него.

— Уж не сын ли вы Ольги Орловой?

— Да, — кивнул Александр Иванович.

— Ну надо же... Так вы ничего не знаете? Вы вообще были здесь когда-нибудь?

— Был, — привычно солгал Орлов. — Давно, еще до войны. После войны как-то не довелось. А что я должен был знать?

Она вздохнула.

— Давайте-ка выпьем чаю, или лучше я вас ужином накормлю, вы же с дороги. Вы, кстати, кто по образованию?

— Юрист.

— Странно. — Елена Денисовна пожала плечами. — Если юрист, то должны бы знать, что захоронение, за которым в течение пятидесяти лет никто не ухаживает, считается бесхозным, или, в просторечии, — бесхозом, и кладбищенская администрация вправе распорядиться этим местом по своему усмотрению. Что же вы тянули так долго?

Орлов не знал, что ответить, и отправился в крошечную ванную помыть руки, после чего закрылся в своей комнате, чтобы переодеться. Сменил несвежую сорочку, сверху натянул джемпер потоньше — в квартире было тепло, достал тапочки, переобулся. Когда появился в кухне, на столе стояла тарелка с дымящимся супом и нарезанный толстыми ломтями хлеб на блюдечке.

Он был настолько голоден, что даже не мог понять, вкусный ли суп. В последний раз он ел в самолете, покупать же еду в аэропорту, на железнодорожном или автовокзале не рискнул: не хватало еще отравиться в поездке! Пока он ел, Елена Денисовна поведала, что сразу после войны здесь развернули строительство комбината, начали возводить жилье, школы, поликлинику и больницу, поселок быстро разрастался, и в пятьдесят втором году было решено снести старое кладбище и на его месте разбить городской сквер. Кладбище, как и положено, находилось рядом с церковью, которую разрушили еще в двадцатые годы.

— Так оно и шло с тех пор, — журчал голос Елены Денисовны. — Пока в восемьдесят девятом не появился Евгений Степанович Муромов. Вот тут-то все и началось!

А начались настоящие чудеса. Сначала поселковый совет объявил, что в сквере будет воздвигнут памятник — мемориал всем советским медикам, погибшим во время борьбы с эпидемиями и опасными болезнями. Мемориал начали возводить, а в поселке тем временем открылся краеведческий музей, директором которого и единственным сотрудником стал Муромов.

— Памятник очень красивый получился, — говорила хозяйка, прихлебывая чай маленькими глоточками. — У нас-то, кроме школ и пары техникумов, ничего нет, а вот в соседних райцентрах есть медучилища, так к нам в сентябре — октябре целыми делегациями оттуда приезжают каждый год. Решили, что будет такая традиция: посвящение в студенты у памятника погибшим медикам. Приезжают первокурсники, цветы возлагают, все торжественно, целая церемония. Весь поселок приходит смотреть на такую красоту.

Орлов слушал эту историю, как сказку, и не верил ни одному слову.

Хотя, конечно, про делегации к мемориалу Елена Денисовна вряд ли придумала, а вот все остальное вызывало у Александра Ивановича очень большие сомнения. Кто такой этот Муромов, если стоило только ему приехать — и начали возводить мемориал? И с чего вдруг вспомнили о врачах, погибших столько лет назад? Если Муромов — толстосум, имеющий свои интересы на территории поселка или на комбинате, то с какой стати ему заниматься краеведением? Одно с другим никак не вязалось.

— Так что на могилу матери у вас вряд ли получится сходить, — заключила хозяйка. — Теперь уж той могилы нет, а вот цветы принести к памятнику вы вполне можете.

* * *

Измученный длинным переездом, Орлов спал крепко и без сновидений. Проснувшись, обнаружил на кухонном столе завтрак: накрытую белоснежной салфеткой мисочку с сырниками. От одного вида золотистых корочек у Орлова потекли слюнки. Под край мисочки была подсунута записка, сообщавшая, что Елена Денисовна ушла «на базар», а ключи от входной двери висят на крючке в прихожей: маленький ключ — от верхнего замка, ключ побольше — от нижнего.

Александр Иванович быстро, но с аппетитом позавтракал, запер квартиру и отправился искать сквер, досадуя на себя, что не спросил дорогу еще вчера у той же Елены Денисовны. Ему почему-то и в голову не пришло, что ее может не оказаться дома, когда он проснется.

Возле соседнего подъезда на лавочке сидел древний старичок с газетой в руках. Он оказался глуховат, и свой вопрос Орлову пришлось задавать как минимум раза четыре, но зато ответ он получил вполне четкий: дойти до автовокзала, повернуть налево, дальше по прямой примерно с километр.

— А музей?

— А? — Старик приставил согнутую ладонь к уху.

— Музей! — почти крикнул Орлов.

— А музей-то — это совсем рядышком, только в другую сторону. Назад иди, мимо школы, и сразу за школой будет музей.

Александр Иванович решил сперва зайти в музей. Для осуществления задуманного ему необходимо было найти документы по кладбищу, и если их нет в самом музее, то его директор хотя бы подскажет, где их можно поискать.

Он легко нашел здание школы, миновал его и увидел небольшое симпатичное строение с вывеской у входа. «Ну, поглядим, что ты за птица — Евгений Степанович Муромов, волшебник местного разлива», — ехидно подумал Орлов, толкая массивную, покрытую лаком деревянную дверь. После яркого мартовского солнца глаза с трудом привыкали к полумраку, и Александр Иванович слышал голос прежде, чем обрел способность четко видеть.

— Здравствуйте, день добрый, проходите, пожалуйста. Чем могу служить?

К нему быстрыми шагами двигался, вернее, катился упругий колобок.

— Одну минутку, я включу освещение. Когда никого нет, я электричество выключаю в целях экономии.

Вспыхнули светильники, и Орлов встретился с сияющей широкой улыбкой. Невысокий полный, но очень подвижный мужчина лет пятидесяти сверкал блестящей лысиной, стеклами очков и белоснежными зубами. Костюм-тройка сидел на нем безупречно, сорочка и галстук подобраны в тон. Как-то это не вязалось с привычным, давно сложившимся образом музейного работника, да еще в такой далекой от центра провинции.

— Евгений Степанович? — неуверенно спросил Орлов.

— Он самый. Чем могу быть полезен? Желаете заказать экскурсию? Или у вас частные вопросы?

— Скорее, частные. Вы могли бы уделить мне время?

— Да сколько угодно! — радостно заулыбался Муромов. — В шестнадцать часов мне надо быть в школе, я веду там кружок любителей истории родного края, а до шестнадцати я совершенно свободен, как Винни-Пух до пятницы. На сегодня не запланировано ни одной экскурсии. Прощу ко мне в кабинет, я отвечу на все ваши вопросы, если смогу.

«Сюр какой-то, — думал Орлов, идя следом за директором музея на второй этаж. — Для музейного работника он слишком хорошо одет. Но в то же время ведет кружок по истории, значит, это его специальность. Здание явно новое или недавно отремонтированное, деньги вложены немалые. Откуда? Неужели поселковая администрация расщедрилась? Маловероятно. Сейчас с бюджетными деньгами всюду плохо. Кто-то инвестировал? Но кто? И зачем? Зачем кому-то открывать в этом захолустье краеведческий музей? Бред какой-то...»

Кабинет у Муромова был тесным, заваленным папками, бумагами и книгами. На столе стоял компьютер, не такой, как у самого Орлова — из бывших в употреблении, а новый, последнего поколения, очень дорогой.

«Ну и музей! — мысленно ахнул Александр Иванович. — Темная история».

— Внимательнейшим образом вас слушаю, — заявил Муромов, усевшись за свой стол и предложив посетителю занять один из двух свободных стульев, стоящих вдоль стены. Остальные стулья были заняты папками и какими-то картами и схемами.

— Меня интересует место захоронения Ольги Александровны Орловой, медсестры из Москвы, она умерла здесь в тысяча девятьсот двадцать четвертом году от дифтерии, — начал Александр Иванович заготовленную заранее фразу. — Мне сказали, что старое кладбище снесли, но, возможно, где-то остались планы с указанием могил...

Он не сразу обратил внимание на то, как стало меняться лицо Муромова: на нем поочередно проступали изумление, восторг, потом недоверие и будто бы сомнение.

— Позвольте-позвольте, — быстро заговорил директор музея. — Вы приезжий?

— Да, из Москвы.

— У мемориала еще не были?

— Нет, я только вчера приехал и вот сегодня прямо с утра — к вам. А в чем дело?

— Если бы вы посетили наш мемориал, вы бы увидели на нем имя и портрет Ольги Александровны Орловой. Мемориал стоит точно в том месте, где когда-то находилась ее могила.

— Как?! Не может быть!

— Может. Таково было условие заказчика.

— Погодите, погодите. — Орлов потряс головой, словно отгоняя наваждение. — Я ничего не понимаю. Какое условие? Какого заказчика?

Муромов смотрел на него глазами безумца. Наверное, именно таким мог бы быть взгляд человека, нашедшего сокровище после долгих лет бесплодных поисков. «Нет, он действительно историк, — мелькнуло в голове у Александра Ивановича. — Я знаю этот взгляд. Я видел его столько раз у Люсеньки... Но непонятно, что это за заказчик с его условием. И вообще: откуда деньги на все это?»

— Давайте-ка познакомимся как следует, — проговорил Муромов дрожащим от возбуждения голосом. — Мое имя вам известно, должность тоже, а вот сами вы не представились и причину своего интереса никак не пояснили.

— Орлов, Александр Иванович, пенсионер, адвокат, москвич.

Брови директора поднялись над тонкой оправой очков.

— Орлов? Александр Иванович? То есть вы...

— Да, — кивнул Орлов, — я ее сын.

— Мне рассказывали, что на могилу Ольги Александровны до войны каждый год приезжали ее муж и сын. А после войны их здесь ни разу больше не видели.

— Да знаете... как-то после войны все было сложно. Нужно было страну восстанавливать, профессию получать, свою жизнь как-то устраивать... А потом стало известно, что кладбище сровняли с землей и разбили сквер. Могилы больше нет. Потому и не приезжал.

«Сколько еще я буду врать? — тоскливо думал Александр Иванович. — Видимо, до гробовой доски. Нет мне спасения...»

— Понимаю, понимаю, — покивал Евгений Степанович. — А сейчас почему все-таки приехали? Узнали, что мемориал открыли?

Он сам подсказал ответ, и Орлов не замедлил воспользоваться невольной помощью директора музея.

— Знаете что, Александр Иванович? — Муромов поднялся из-за стола и потянулся за висящей в углу на вешалке курткой. — А пойдете-ка мы с вами в одно тихое местечко, выпьем кофейку и поговорим. А потом я провожу вас к нашему мемориалу.

— Может, лучше наоборот? Сначала к мемориалу, потом кофе?

— Нет уж, — твердо возразил директор. — Сперва мы с вами поговорим. Я должен многое вам объяснить, прежде чем вы придете на место, где была похоронена Ольга Александровна.

Они вышли из здания музея, снова прошли мимо школы и мимо дома, в котором снял комнату Орлов, свернули в переулок и оказались в сумрачном полуподвальном помещении, где стояло всего три столика, но зато не было ни одного посетителя, и в воздухе витал запах вполне приличного кофе.

— Итак, Александр Иванович, вернемся в тысяча девятьсот восемьдесят девятый год, — торжественно начал Муромов.

«Он точно историк», — снова подумал Орлов.

* * *

Евгений Степанович Муромов родился в Смоленске сразу после войны. Семья была большой, все трудились, как могли, а на интерес Жени к истории смотрели косо: нечего над книжками расслаиваться, надо идти вкалывать и зарабатывать, чтобы прокормить младших. Он очень хотел

поступить в институт, но вместо этого пошел в техникум, потом в армию, а потом на завод: зарплата рабочего была несоизмеримо выше студенческой стипендии. Спустя несколько лет он все-таки поступил в институт и получил высшее образование, правда, заочно: необходимости зарабатывать никто не отменил. Был Евгений активным и энергичным, его стали продвигать сначала по комсомольской, потом по профсоюзной линии. Профессионально заниматься историей он так и не нашел возможности, хотя любви к предмету не утратил. Женился, родились дети.

Прошли годы, началась перестройка, разрешили частнопредпринимательскую деятельность, Евгений Степанович воспользовался старыми знакомствами и пристроился к сфере общепита: кооперативные кафе позволяли неплохо заработать. Когда стали создаваться совместные предприятия, начали появляться и неведомые ранее заморские продукты, за которыми экспедитора Муромова отправляли в Москву. В одной из таких поездок все и началось...

Машина, под завязку загруженная коробками с яркими пакетиками и бутылками с золотистыми этикетками, прочно застряла в пробке на улице Горького: впереди случилась большая авария с несколькими автомобилями, все полосы проезда оказались перекрыты. Евгений Степанович выскочил из машины, добежал до места аварии, оценил перспективу и сказал водителю:

— Час как минимум.

— И чего будем делать? — лениво поинтересовался водитель, которого вполне устраивала возможность подремать: машины стояли наглухо, никто не двигался даже на сантиметр.

— Хочешь — поспи, — предложил Муромов. — А я на улице постою.

Они застряли прямо напротив большого книжного магазина, и Евгений Степанович увлеченно рассматривал выставленные в витрине книги, не забывая, однако, поглядывать на проезжую часть, чтобы успеть разбудить водителя, если транспортный поток вдруг оживет. Когда рядом раздался незнакомый мужской голос, Муромов даже не сразу сообразил, что слышит русскую речь — грамматически безупречно правильные фразы произносились с сильным акцентом и с чужеземной интонацией.

— Извините, я не говорю по-английски, — пробормотал он, не оборачиваясь.

— А разве я говорю с вами не по-русски? — удивленно возразил голос.

Только теперь Муромов повернул голову, чтобы увидеть собеседника. Перед ним стоял мужчина, возраст которого Евгений Степанович затруднился бы определить. Вроде ровесник... Но волосы густые, как у

молодого человека. Сам-то Муромов начал лысеть уже в тридцать. Кожа гладкая, но вокруг глаз множество морщинок. Да и одет как-то несерьезно: джинсы, футболка, сумка на длинном ремне.

— Простите, я не расслышал, что вы сказали, — смущенно проговорил экспедитор.

— Так увлеклись? Какая же книга вас так заинтересовала?

Теперь Муромов гораздо лучше различал слова, произносимые с сильно смягченными согласными. Он ткнул пальцем в лежащий за стеклом богато иллюстрированный том.

— О, вы знаток истории?

— Да какой там знаток! — Евгений Степанович махнул рукой и улыбнулся. — Так, балуюсь.

И зачем-то пояснил:

— Вообще-то я экспедитор, живу в Смоленске, в Москву за товаром приезжаю. Вон моя машина стоит. Водитель отдыхает, а я вот вышел книги посмотреть.

Он рад был скоротать ожидание беседой, а иностранец, судя по всему, никуда не торопился и начал с видимым интересом задавать вопросы. Евгений Степанович глазом моргнуть не успел, как оказалось, что он выложил перед незнакомцем всю свою жизнь, как на ладони. То и дело он увлекался, забывая, что разговаривает отнюдь не с соотечественником, потом внезапно спохватывался и принимался разъяснять понятные каждому русскоговорящему речевые обороты и идиомы, но иностранец каждый раз только улыбался и кивал:

— Я понял, я вас отлично понял.

— Откуда вы так хорошо знаете русский язык? — удивился Муромов.

— Я учил его практически с самого рождения. Моя бабушка была из России, она учила своему родному языку всех своих детей и внуков.

Они проговорили битых полтора часа, пока «Скорая» увезла пострадавших, а поврежденные машины наконец эвакуировали.

— Я обязательно приеду в Смоленск, — сказал на прощание иностранец. — Это старинный город, там есть что посмотреть.

— Приезжайте! — горячо поддержал его Муромов. — Вот вам моя визитка, позвоните мне, когда приедете. Я вам все покажу и расскажу лучше любого экскурсовода.

Встреча показалась ему забавной, даже приятной, но в то, что этот американец приедет в Смоленск, Евгений Степанович не верил. Каково же было его изумление, когда через три дня новый знакомый, представившийся Эдди Фаррелом, позвонил ему вечером домой.

— Я в Смоленске, — заявил Фаррел. — Ваше предложение остается в силе?

Муромов попросил у работодателя три дня за свой счет и с упоением отдался любимому занятию, показывая гостю город и рассказывая об истории родного края. На третий день Фаррел пригласил Евгения Степановича отобедать в самом дорогом ресторане.

— У меня к вам деловое предложение, — начал он, когда с закусками было покончено и ждали основное блюдо.

Суть предложения состояла в том, чтобы поехать в Зауралье, в Оренбургскую область. От такого странного начала Муромов опешил.

— Насовсем? Что я буду там делать?

— А что захотите, — широко улыбнулся Эдди. — Для меня важно, чтобы было найдено одно захоронение и на его месте воздвигнут монумент в память о медиках, погибших при борьбе с эпидемиями и опасными болезнями. Я богатый человек, Евгений. Очень богатый. Я спонсирую всю работу от первого до последнего цента. Для меня важно, чтобы памятник был построен и чтобы имя медсестры Ольги Орловой было увековечено. Сколько это будет стоить — меня не волнует. Но я сам не могу заниматься данным проектом, и мне нужен человек, которому я могу это поручить и которому могу доверять. Мне кажется, вы — как раз такой человек.

— Но почему именно я?

— Не знаю. — Улыбка Эдди стала еще шире. — Мне кажется, это задача вам по плечу. Вы хороший опытный организатор, вы умеете находить общий язык с самыми разными людьми, и вы любите историю. Для меня этого достаточно. Простите, если я нарушаю ваши личные границы, но позволю себе высказать предположение, что вы живете не своей жизнью и занимаетесь не своим делом. Ваша настоящая любовь — история, конкретнее — краеведение, и я даю вам возможность этим заняться.

— Вы знаете меня так мало, — усомнился Муромов, сердце которого уже бухало в груди от неожиданно открывшейся перспективы. — Как вы можете быть во мне уверены?

— А я и не уверен. Но у моей бабушки были в воспитании детей и внуков три главных пункта: русский язык, тренированная память и умение отличать людей, идущих своей дорогой, от людей, которые эту дорогу не нашли. Русский язык я выучил, как видите, вполне успешно. Память тренировал усердно. Но самое главное — я научился за очень короткое время выбирать правильных людей. Именно поэтому я не просто принял наследство, а приумножил его многократно. А наследство мне досталось

очень большое, можете мне поверить. Мой дед был одним из богатейших нефтепромышленников Техаса в начале века.

Муромов смотрел на Эдди во все глаза. Он, конечно, видел в американских фильмах всяких чудаковатых миллионеров, но не предполагал, что можно вот так запросто сидеть с одним из них за столом, есть салат «Столичный» и разговаривать по-русски.

— Если вы согласитесь, — продолжал между тем Фаррел, — мы с вами съездим на место, познакомимся с руководством, я решу с ними финансовые вопросы, открою счета и подпишу все необходимые бумаги. Заодно представлю вас в качестве моего доверенного лица. Вы будете жить в этом поселке и следить за расходованием средств и ходом работ. Найдете художника, закажете ему проект мемориала, согласуете со мной. В общем, будете моими глазами, ушами, руками и языком. Разумеется, вы будете получать достойную зарплату. И поскольку, вы уж меня простите, я не очень доверяю чиновникам в вашей стране, мне нужно, чтобы вы остались в поселке и постоянно наблюдали за сохранностью мемориала. Поэтому вам придется уговорить свою семью переехать. Но взамен...

Эдди сделал паузу, рассматривая принесенную официантом отбивную, проткнул кусок мяса вилкой, оценил выступивший сок и усмехнулся.

— Что взамен? — севшим голосом спросил Евгений Степанович, опасаясь, что сейчас ему огласят, какую именно «некорректную» услугу он должен будет оказать Фаррелу в обмен на высокую зарплату.

Но он ошибался. Миллионер Фаррел имел в виду совсем другое.

— Если вы бросите свою налаженную жизнь в Смоленске и решитесь переехать за Урал, я должен буду компенсировать эту жертву, и одной только зарплаты, пусть и весьма высокой, для этого недостаточно. У вас есть мечта? Вот представьте себе, что вы приехали в довольно большой поселок, практически город, и вам сказали: делай то, что хочешь. Что бы вы ответили?

Муромов колебался недолго. Этот странный миллионер действительно умел видеть людей. Эдди Фаррел совершенно точно определил: истинная любовь и настоящее призвание Евгения Муромова — краеведение.

— Если бы у меня был административный ресурс и достаточно денег, я бы открыл краеведческий музей, занимался бы им сам и сделал бы всю экспозицию своими руками, — без колебаний ответил Евгений Степанович. — И хорошо бы, чтобы это было совсем новое для меня место, о котором я ничего не знаю. Люблю начинать с нуля. Я бы изучил всю историю края, начиная с глубокой древности, поднял бы литературу, залез в архивы...

Фаррел удовлетворенно кивнул.

— Значит, я не ошибся в вас. А ваша супруга? Она согласится переехать?

— Надеюсь, что согласится. Дети у нас уже взрослые, с нами не живут. Жена у меня учительница, а учителя всюду нужны. Но у меня вот какой вопрос: где будет лежать моя трудовая книжка? Я должен где-то официально работать или хотя бы числиться, иначе могут быть неприятности.

Фаррел задумался. Такая проблема ему в голову, видимо, не приходила.

— А вы сами имеете представление о том, как решается этот вопрос? — спросил он.

— Конечно. Просто я думал, может, у вас есть какие-то требования. А так-то...

— Требование, Евгений, у меня только одно: нужно найти в местных архивах план уничтоженного кладбища, определить в плане точное месторасположение захоронения Ольги Александровны Орловой и возвести монумент на этом самом месте. Это условие должно быть соблюдено досконально, иначе весь проект не имеет смысла. Если вы беретесь за него, то я, со своей стороны, даю вам слово, что профинансирую организацию и функционирование музея, который вы откроете и которым будете руководить.

— А кто такая эта Орлова?

— Видите ли... — Фаррел загадочно усмехнулся. — В сущности, мне она никто. Ольга Александровна — Орлова по мужу, ее девичья фамилия — Раевская. Моя бабушка была воспитанницей в семье Раевских, они взяли ее из приюта совсем крошкой. Ольга Орлова — одна из прямых потомков рода Раевских. Бабушка очень ее любила. Узнав о том, как трагически сложилась судьба Ольги, я захотел сделать что-нибудь в память о ней. Бабушка подала мне в этом смысле хороший пример: другие Раевские, тоже медики, похоронены в Латинской Америке, и мы до сих пор ухаживаем за их могилами. Моя бабушка в девичестве носила фамилию Рыбакова, у нее нет кровного родства с Раевскими, но она до самой смерти считала их своей семьей.

Голова у Евгения Степановича шла кругом. Предложение выглядело невероятно заманчивым и столь же неосуществимым. Он совершенно не представлял себе, как можно финансировать американскими деньгами строительство памятника в России, да еще в строго определенном месте. Какое юридическое лицо создавать? Как составить договор? Как убедить

местные власти? Как провести по бухгалтерии? Какие нужны для этого разрешения и согласования?

— Нужен опытный юрист, — нерешительно заметил Муромов.

— Хорошо. Найдите его и договоритесь, — немедленно откликнулся Фаррел.

— И с местной властью непросто будет решать вопросы. Понимаете, Эдди, сейчас такое время... Все хотят заработать. Все хотят урвать свой кусок.

— Если вы о взятках, то я их давать не буду, — отрезал Фаррел. — Это не мой стиль ведения дел. А вот опытный юрист, который составит все бумаги так, чтобы чиновники, от которых зависит решение вопроса, остались довольны, действительно нужен. Я готов переплачивать, но по документам все должно быть абсолютно законно. Вступать в конфликт с советской властью в мои планы не входит.

Он задумчиво покачал головой и улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Бабушка рассказывала, что брать мзду борзыми щенками всегда было фирменным стилем русского чиновничества. Ваша страна опасна и непредсказуема. Я не хочу рисковать. Так вы готовы дать мне ответ, или вам нужно время, чтобы подумать?

— Я бы ответил уже сейчас, но мне надо переговорить с женой.

— Хорошо. Завтра после обеда я уезжаю. Надеюсь к этому времени получить ваш окончательный ответ.

— А если я откажусь?

— Значит, я буду искать другого человека. Послезавтра я улетаю домой, но как только позволят дела — сразу же вернусь и займусь поисками.

— Вам так легко дают визу, — с нескрываемой завистью проговорил Муромов. — А мы тут сидим и света белого не видим. Хорошо вам, американцам.

— Ну, положим, визу советское посольство дает не так легко, как вам кажется: ваше КГБ в каждом туристе с Запада видит шпиона. Но ваш Горбачев разрешил совместные с иностранным капиталом предприятия, и я тут же открыл небольшой бизнес, который позволяет мне получать долгосрочные разрешения на въезд в вашу страну. Прибыли этот бизнес, конечно, никакой не приносит, а если и приносит, то русские партнеры ее крадут, но я не обращаю на это внимания. Мои убытки в данном случае всего лишь плата за возможность прилетать в СССР в любой момент, когда мне вздумается.

На следующий день Эдди Фаррел получил от Евгения Муромова

твердое «да, согласен», а через два месяца они в компании с юристом и бухгалтером вылетели из Москвы в Оренбург. Как обычно случается, препоны ждали их в неожиданных местах, зато там, где предвиделись какие-то трудности, все проходило на удивление гладко. Юрист и бухгалтер работали сутками напролет, составляя варианты документов, которые тут же печатала нанятая на месте машинистка. Муромов нервничал, опасаясь, что из затеи американца ничего не выйдет. И только Фаррел выглядел безмятежным и уверенным в успехе.

— У меня всегда все получается, — говорил он, — потому что я правильно выбираю людей, которым поручаю работу.

Гостиницы в поселке не было, но председатель поселкового совета с первой же минуты понял, что прибыл «дорогой» гость, то есть богач, которого можно доить. Уже через пару часов вопрос с жильем был решен: Джеймсу Эдуарду Фаррелу-младшему и сопровождающим его лицам предоставили дачу первого секретаря райкома партии. Районный центр находился недалеко, и дачу партийный руководитель организовал себе именно в здешних, весьма живописных, местах.

Трудности и проблемы громоздились одна на другую, и Евгению Степановичу казалось, что через эту гору препятствий он не переберется никогда. И все-таки все закончилось. Как и обещал Эдди, все получилось.

Муромов нашел одинокого алкаша, с готовностью сдавшего ему полдома за совсем смешную ежемесячную плату. Эдди улетел в США, Евгений Степанович привез жену, нашел место, куда можно было пристроить трудовую книжку, и принялся за работу. Через два года мемориал героям-медикам был открыт, а еще через год в краеведческом музее директор провел первую экскурсию.

* * *

— Я понимаю, вам не терпится пойти к мемориалу, но прежде, чем я вас туда провожу, я должен рассказать еще одну вещь... — Муромов замялся. — Это может оказаться не очень приятным для вас, но у меня нет права скрывать.

Орлов недоуменно смотрел на собеседника. Вся рассказанная им история звучала слишком волшебной, чтобы ей можно было верить. И по опыту Александр Иванович знал, что такие сказочные истории зачастую рассказывают именно для того, чтобы потом огласить неприятные факты. Дескать, все так хорошо начиналось, и кто же мог ожидать...

— Мне с самого начала показалось странным, что такая опытная медсестра, какой считалась Ольга Александровна, все-таки заразилась дифтерией. Препараты были в наличии, их сами московские медики и привезли с собой. Почему же она умерла? Как такое могло получиться?

— Может быть, препаратов не хватало, и она не сочла возможным использовать их для себя? — предположил Орлов.

— Нет, — покачал головой Евгений Степанович, — я очень тщательно проверял всю историю этой вспышки дифтерии, а в последние годы, когда стали доступны многие архивные данные, даже запрашивал Москву и получил ответ. Препаратов было достаточно.

— Тогда что вы имеете в виду? Что Ольга Александровна... — Орлов запнулся и, пересилив себя, выговорил: —...Что моя мать была недостаточно квалифицированной, неопытной? Что не соблюдала меры предосторожности при контактах с заболевшими? Не распознала сама у себя симптомы заболевания? Что ее репутация одной из лучших медицинских сестер — дутая величина?

— Боже упаси! — замахал руками Муромов. — Я ни в коей мере не подвергаю сомнению репутацию и квалификацию вашей матушки. Но вопрос меня заинтересовал, и я начал в нем копаться. Уж коли мне поручено увековечить память, то следует досконально изучить не только жизнь, но и смерть усопшего. Я принялся искать старожилов, которые помнят ту вспышку дифтерии и московских докторов. Они, знаете ли, поведали мне немало любопытного.

— Это, должно быть, очень старые люди, — заметил Орлов недоверчиво. — Вряд ли можно полагаться и на их память, и на их разум. Для того, чтобы осознанно излагать события двадцать четвертого года, человек должен родиться не позже тысяча девятьсот десятого. Впрочем...

— Именно! — подхватил Евгений Степанович. — Им и сейчас-то еще девяноста нет, а ведь я разговаривал с ними лет шесть-семь назад. Но ваши сомнения я полностью разделял, поэтому спрашивал не только у них, но и у их детей, которым родители вполне могли давным-давно по секрету что-то рассказать. И внуков вниманием не обошел. Записывал их слова, анализировал, сопоставлял детали. Собственно, первые подозрения зародились во мне совершенно случайно. Я задал вопрос одному старику: почему медсестру Орлову похоронили здесь, а не отправили тело в Москву? В общем-то вопрос был глупым, просто я мыслил в тот момент современными категориями: цинковые гробы, самолеты, заморозка, бальзамирование, ну, вы понимаете, о чем я. В двадцать четвертом году в глухой деревне, от которой только до железной дороги нужно добираться

на подводе несколько дней, а потом еще поездом, да летом, в жару... Конечно, вопрос я задал по недомыслию, но вот реакция того старика меня удивила. Вместо того чтобы сразу объяснить мне все эти простые вещи, он стал отводить глаза и бормотать что-то невнятное. Ну, тут я в него и вцепился, как клещ. Как почуял: что-то здесь неладно.

Он замолчал и начал крутить в пальцах алюминиевую ложечку, которой размешивал сахар в своей чашке. Александр Иванович терпеливо ждал.

— Ваша матушка была убита, — наконец выговорил Муромов. — Мне очень жаль.

— Как — убита? — оторопел Орлов. — Кто ее убил? За что? И почему это скрывали? Почему всем говорили, что она заразилась дифтерией?

— Ольга Александровна приглянулась кому-то из тех, кто был прислан устанавливать и поддерживать советскую власть в деревне. «Глухой» деревню называли потому, что она находилась далеко от трассы, а вовсе не потому, что она была маленькой. Большая была деревня, как в те времена говорили — «громкая». Даже не деревня, строго говоря, а село: ведь здесь и церковь своя была. Ольга Александровна взаимностью не ответила, более того, проявила резкость. А очарованный ею деятель был пристрастен к самогону, злоупотреблял, и вообще был человеком грубым и жестоким. Когда медсестру Орлову обнаружили на опушке леса с проломленным черепом, ни у кого не было сомнений. Все знали, кто убил, как убил и почему. Местные активисты и партийцы были, разумеется, не заинтересованы в том, чтобы предать преступление огласке и опорочить представителя советской власти, в деревнях и без того большевиков не жаловали. Поэтому, несмотря на расползавшиеся по деревне слухи, было объявлено, что Орлова заразилась дифтерией и умерла, а то, что у нее якобы проломлен череп, всего лишь пустые домыслы сплетников, которые только и ждут возможности попугать доверчивых крестьян страшными историями. Кто-то поверил, кто-то — нет. Особо сильно сомневавшихся и не боявшихся говорить об этом вслух — а таковых набралось человека три-четыре — перед всем сходом поставили к стенке, то есть публично расстреляли как контрреволюционеров, агитирующих народ против светлых идей. Нравы были ужасными в те времена, сами понимаете, и методы у советской власти оказались не лучше, как ни прискорбно. Но расстрел людей испугал, разговоры смолкли.

— А врачи? — изумленно спросил Орлов. — Они ведь должны были знать правду. Почему же они ее никому не рассказали, когда вернулись в Москву?

— Отличный вопрос! — Муромов назидательно поднял палец. — И мне он тоже пришел в голову. Поэтому я запросил данные обо всех врачах и сестрах в той бригаде. Впрочем, «бригада» — это громко сказано. За Уралом в тот момент были отмечены четыре вспышки дифтерии, всего было направлено одиннадцать человек, по два-три медика на точку. Один врач и одна или две медсестры. Вместе с Ольгой Александровной здесь работал доктор Потемкин. Когда дифтерию удалось победить, он уехал. И знаете что?

— Догадываюсь, — вздохнул Александр Иванович. — До Москвы он не доехал.

— Да что там «до Москвы»! Он даже до железной дороги не доехал. Тело так и не нашли. Пропал без вести. И этот факт послужил для меня еще одним подтверждением того, что со смертью вашей матушки не все гладко. Одним словом, Александр Иванович, я вам сведения выложил, а уж верить в них или нет — решайте сами. Но я чувствовал себя обязанным проинформировать вас обо всех обстоятельствах. Вот теперь, если хотите, можем и к мемориалу пройти.

«Что я должен чувствовать? — спрашивал себя Орлов, идя рядом с директором музея по выщербленной мостовой, перемежавшейся то и дело длинными участками немощенной дороги. — Что должен чувствовать человек, узнавший, что его мать, которую он считал умершей от болезни, на самом деле убил пьяный насильник семьдесят лет назад? Я не знаю. Не могу себе представить. Как странно все складывается: стоило мне сказать своим близким правду — и я начал погружаться в собственную ложь все глубже и глубже. Почему так получается? Если верить тому, что написано в книгах, подаренных Рувимом, все происходит закономерно и правильно, и задача человека — понять эту закономерность и извлечь из нее урок. Какой урок я должен извлечь? Что нельзя лгать? Но я сказал правду, и стало только хуже. И что мне теперь делать?»

Сквер, к которому привел Муромов, выглядел уныло: черные и темно-серые голые деревья, под ногами — хлюпающий подтаявший грязный снег вперемешку с огромными лужами; скамейки в основном пустовали, только на одной из них, усевшись на спинку и поставив ноги на сиденье, компания крупногабаритных подростков распивала пиво.

Евгений Степанович заметил, что по лицу Орлова мелькнуло выражение тоски и безнадежности, но он истолковал это по-своему:

— Сейчас, конечно, сезон такой, когда красоты нигде нет. Вот если бы вы летом приехали, вы бы застали совершенно другую картину. Вы, наверное, идете и думаете о том, что шагаете по трупам. Я угадал?

Посмотрите направо: вот и памятник. Мы почти дошли.

Орлов молча кивнул. Разговаривать не хотелось. Чем ближе они подходили к мемориалу, тем больше он волновался.

Что ж, если проект действительно согласовывался с заказчиком, то Орлов не мог не признать, что вкус у Джеймса Эдуарда Фаррела-младшего был хорошим. Никаких традиционных чаш со змеями. Три высоких, неправильной формы, камня: черный, серый и белый, асимметрично расположенные на квадратной гранитной площадке.

На черном камне высечена надпись: «Ольга Александровна Орлова, 1895–1924». И чуть ниже — текст: «Мы должны жить Верой, Надеждой и Любовью: это наша опора, этим мы должны дышать, но надо помнить, что, как ни велика Вера, как ни благословенна Надежда, Любовь выше всего. Войно-Ясенецкий».

На сером: «Памяти всех медиков, погибших при борьбе с эпидемиями и опасными болезнями». И цитата из Пастера: «Я непоколебимо верю, что наука и мир восторжествуют над невежеством и войной, что народы сойдутся друг с другом не для разрушения, а для созидания, и что будущее принадлежит тем, кто сделает более для страждущего человечества».

На белом камне высечена горящая свеча, которую голландский хирург Николас ван Тюльп в семнадцатом веке предложил считать эмблемой врачебной профессии, и его знаменитый девиз: «Светя другим, сгораю сам».

— К сожалению, на момент работы над мемориалом мне не удалось раздобыть ни одной фотографии Ольги Александровны, — сказал негромко Муромов. — Конечно, было бы лучше, если бы здесь был высечен ее портрет.

— У меня есть фотографии, — ответил Александр Иванович. — Я бы вам их дал. Но вы ведь даже не попытались найти меня. Почему?

— Заказчик не разрешал. Не забывайте: все начиналось в восемьдесят девятом, когда еще была советская власть, КГБ и все такое. Я тоже предложил ему поискать родственников Орловых, но он ответил, что, насколько ему известно, в живых остался только сын Ольги Александровны, и если его вдруг начнет разыскивать гражданин США, который к тому же не является его родственником, это может быть расценено в инстанциях неблагоприятным образом. Эдди не хотел, чтобы у вас были проблемы. А я, со своей стороны, поговорил с местными, узнал, что после войны никто на могилу Орловой не приезжал и вообще никто больше захоронением не интересовался, ну и решил, что раз сыну все равно, то и искать его незачем. Простите великодушно, если я был не прав.

«Коковницына, — понял Александр Иванович. — Она нашла потомков Сандры Рыбаковой, она же говорила об этом. Наверное, после встречи со мной Анна Юрьевна написала им, что Александр Орлов жив-здоров, но своими корнями и историей своей семьи ни в малейшей степени не интересуется. И Фаррел счел меня отрезанным ломтем. А может быть, и в самом деле опасался навредить мне. Ведь Александра Иннокентьевича Раевского подозревали в связях с агентами империализма только потому, что его родственники жили за границей. И не просто подозревали, но и расстреляли за это. При советской власти иметь родственников за границей было не комильфо, этот вопрос отдельным пунктом стоял в каждой анкете, заполняемой для отдела кадров, даже если ты устраивался на должность дворника или уборщицы».

Он снял перчатку с правой руки, прикоснулся пальцами к черной поверхности камня, стоящего у самого края гранитной площадки. Камень, посверкивающий в лучах еще холодного солнца, оказался на удивление теплым.

— Скажите, Евгений Степанович, почему камни стоят именно так, а не иначе?

— Черный камень установлен точно над могилой Ольги Александровны. А остальную композицию художник уже подстраивал под оговоренное условие.

Значит, ему здорово повезло. Если бы черный камень стоял в центре площадки, добраться до земли под ним было бы крайне затруднительно. Но он стоит у самого края. Что это? Просто удача? Или, как написано в книгах Рувима, знак, что решение принято правильное?

* * *

На обратном пути они остановились перед домом, где снимал комнату Орлов.

— Вот здесь я и остановился. — Александр Иванович кивком головы указал на подъезд. — У Елены Денисовны.

— Долго еще планируете пробыть в наших краях? — поинтересовался директор музея.

— Самое большее — пару дней.

— Потом домой, в Москву?

— Да.

— Александр Иванович, должен предупредить: я непременно

расскажу о вас Эдди. Уж не знаю, одобряете вы это или нет, но утаивать такую информацию от заказчика я не имею права. Сегодня же вечером позвоню ему, у них как раз утро будет. Возможно, он захочет с вами встретиться или хотя бы поговорить по телефону. Что мне ему сказать?

Орлов вытащил из бумажника визитку, протянул Евгению Степановичу.

— Здесь и телефон, и адрес. Буду рад знакомству.

Конечно, знакомству он рад не будет, и никакой Фаррел-младший ему не нужен. Снова придется врать, врать, врать... Но ни одной уважительной причины для отказа от контактов с внуком Сандры Рыбаковой Александр Иванович Орлов придумать не смог.

Квартирная хозяйка Елена Денисовна оказалась человеком деликатным и никаких вопросов Орлову не задавала, вполне удовлетворившись сказанными накануне словами о том, что он приехал по семейным делам. Однако услышанное от Муромова направило мысли Александра Ивановича в определенном направлении. Какой-то американец хотел построить в городе небольшой отель... Уж не Фаррел ли?

— Он самый, — подтвердила хозяйка. — Имени не знаю, но это точно тот, кто заставил нашу администрацию памятник врачам поставить. Он когда в первый раз приехал — никак не мог себе жилье найти, чтобы было удобно и прилично, так его на райкомовской даче поселили. Вот тогда он и решил, что нам отель нужен. Ну, с нашими порядками на одних только взятках разориться можно, он и отказался. А потом бандиты всякие наезжать начнут, как теперь принято. Конечно, неприятно, что нравы наши отпугивают весь мир, но нам, пенсионерам, только на руку, что приезжим негде селиться, — повторила Елена Денисовна то, что уже говорила вчера.

Результатом ее утреннего похода «на базар» оказался изумительного вкуса грибной суп с перловкой и тушеная говядина. Поблагодарив Елену Денисовну за трапезу, Орлов ушел в свою комнату и прилег на подозрительно скрипящий диван. Когда-то очень давно, еще студентом-первокурсником, когда он был Михаилом Штейнбергом, он читал одну из любимых книг отца — «Очерки гнойной хирургии» Войно-Ясенецкого. И строки из трудов именно этого знаменитого хирурга он увидел сегодня на памятнике Ольге Александровне Орловой, молодой женщине, матери маленького сына, не дожившей до тридцати лет и погибшей во имя своей профессии. А он? Что он сделал? Предал все, что только смог предать: своих предков, свою семью, память, свои мечты стать врачом, самого себя. Вся его семья была расстреляна только потому, что отец не захотел оставить тяжелых нетранспортабельных больных. Иосиф Ефимович

Штейнберг был Врачом, именно так, с заглавной буквы. Руфина Азиковна могла уехать в эвакуацию без мужа, увезти детей, но она осталась, потому что для нее понятие «семья» было священным и тоже писалось с заглавной буквы. Если выжить, то всем. Если умирать, то вместе.

А их сын на все это наплевал и прожил жизнь с русской фамилией.

Даже когда умирала Люсенька, Орлову не было так тяжело, как в эти несколько часов, которые он провел, лежа в темноте на стареньком диванчике. Его одолевали мысли — одна чернее другой. За стеной негромко работал телевизор: Елена Денисовна смотрела какой-то фильм. Когда звуки смолкли, Орлов вышел и осторожно постучался в комнату хозяйки.

— Я вас не потревожу, если вернусь поздно? — спросил Александр Иванович.

— Вы уходите? — удивилась та. — Уже почти одиннадцать.

— Хочу прогуляться, подышать воздухом, иначе не смогу заснуть.

— Вы не беспокойтесь, — улыбнулась женщина, — возвращайтесь, когда захотите. Скорее всего я и вовсе еще спать не буду, я ведь ложусь поздно, а встаю чуть свет, бессонница у меня.

Орлов тщательно собрался, несколько раз перебирая в голове последовательность действий и прикидывая, все ли имеется, что может понадобиться. Упаковал все в сумку, перекинул ремень через плечо и вышел в темноту. С уличным освещением в поселке было совсем плохо, приходилось ориентироваться только по свету из окон, но дорогу Орлов запомнил, да она и несложная.

Сквер тонул во мраке. Ни одного фонаря не было. Несколько раз Орлов ступал в лужи, которые днем, при свете, удавалось обходить стороной, промочил ноги, но не обратил внимания. У него была цель. И цель эта уже совсем близка.

Вот и мемориал. Ночью все три камня казались одного цвета. Орлов снял перчатки, снова медленно провел пальцами по выгравированной надписи, задержавшись на слове «Орлова». В какой-то момент ему почудилось, что в слове нет последней буквы «а» и это памятник на его собственной могиле. Но наваждение исчезло так же быстро, как и появилось. Достав из сумки складной широкий нож, Александр Иванович присел на корточки и принялся выкапывать ямку под краем гранитной плиты. Земля была еще мерзлой и поддавалась плохо, но он в конце концов справился. Дрожащими руками вынул из пакета часы, кольцо и записку. Что он делает? Зачем? Он что, сошел с ума?

Он должен это сделать. Если в книгах Рувима Наумовича есть хотя бы

одно слово правды, то он должен. Прах к праху.

Завернув то, что привезла ему Анна Юрьевна Коковницына, в маленький полиэтиленовый пакетик, Орлов положил его в ямку, засыпал землей, тщательно утрамбовал. Вот и все. То, что принадлежало роду Гнедичей-Раевских, вернулось к своим законным хозяевам.

С трудом разогнув затекшую спину, Александр Иванович расстелил большой кусок полиэтилена на площадке перед черным камнем, сел и снова прикоснулся к памятнику.

— Простите меня, Ольга Александровна, — шепотом заговорил он. — Простите, что не смог спасти вашего сына, хотя и очень старался. Простите, что украл его имя и его жизнь. Но я сделал все от меня зависящее, чтобы не опорочить эту жизнь. Я жил честно, насколько это вообще возможно, учитывая мой обман. Я так и не узнал, что же произошло в вашей семье и почему эти предметы оказались у Коковницыных, но теперь они снова у вас. Вам не о чем больше волноваться, Ольга Александровна. Покойтесь с миром.

Ему показалось, что ледяной камень под пальцами стал не просто теплым — горячим. «Как услужливо восприятие, — подумал Орлов. — Всегда готово тебя обмануть. А ты и рад обманываться...»

* * *

Автобус отходил от автовокзала в час дня. Позавтракав, Александр Иванович выяснил у хозяйки, где можно купить цветы. Ему хотелось найти лилии. Чтобы получилось, как в той песне Шуберта, которую Сане Орлову пела мать вместо колыбельной:

Где страданье в сердце навеки замрет —
Там лилии белой цветок опадет...

Но лилий на прилавке, конечно же, не оказалось. Пришлось выбирать из того, что есть. Купил огромный букет, дошел до сквера, положил цветы перед памятником Ольге Орловой, постоял несколько минут, склонив голову, после чего вернулся на квартиру, чтобы взять вещи. У него оставалось еще немного времени, вполне достаточно, чтобы дойти до музея и проститься с Муромовым.

— Уже уезжаете? — с сожалением произнес директор. — Вы говорили

«день-два», я думал, вы еще побудете, в музей придете, я бы вам местные легенды рассказал... Я вчера позвонил Эдди, он очень обрадовался, что вы нашлись и что посетили наш мемориал! Собирается в самое ближайшее время прилететь в Москву, чтобы лично познакомиться.

«Только этого мне не хватало», — с досадой подумал Орлов. Но вслух сказал, разумеется, нечто совсем иное, более приличествующее ситуации.

Дорога домой прошла незаметно: при любой возможности, едва удавалось присесть, Александр Иванович засыпал. Он даже не подозревал, насколько устал за последние годы. Войдя в московскую квартиру, он в полубессознательном состоянии принял душ и рухнул в постель, после чего проспал без малого сутки.

Наверное, он спал бы и дольше, но его разбудил звонок телефона.

— Добрый день. Я могу говорить с Александром Ивановичем?

Абонент мог и не представляться. Акцент был настолько сильным, что не оставалось никаких сомнений: звонит Джеймс Эдуард Фаррел-младший.

* * *

— Вы представить себе не можете, какой была наша Сандра! — сверкая ярко-голубыми глазами, говорил Фаррел. — В разговорах с посторонними я, разумеется, называю ее бабушкой, но поскольку вы — член семьи Раевских, то с вами я буду называть ее только так, как было принято у нас в семье, то есть просто Сандрой.

— Вы хорошо ее помните? — вежливо осведомился Александр Иванович.

Он не нашел, да и не старался особо найти повод уклониться от встречи с Фаррелом. Встречаться не хотелось. Но Орлов сказал себе, что должен пройти весь путь до конца и заплатить по всем счетам.

— Разумеется, я ее помню, — с недоумением ответил Эдди. — Сандра умерла в восемьдесят пять лет, я был уже совсем взрослым. А знаете, как она умерла? Неудачно упала с лошади. Она каталась верхом до последнего дня.

— В восемьдесят пять лет? — не поверил Орлов.

— А что, вам это кажется глубокой старостью? — рассмеялся Эдди. — Уверяю вас, что восемьдесят пять — прекрасный возраст, во всяком случае, у нас в Америке. Но среднестатистический американец — это одно, а наша Сандра — нечто совсем особенное. Вы знаете, почему она оказалась в нашей стране?

Александр Иванович неопределенно пожал плечами. Из собранных Люсенькой материалов он знал, что Александра Рыбакова под именем Сандры Фишер выступала в качестве джазовой певицы, потом вышла замуж за техасского богача. Ну, раз была певицей, стало быть, именно для выступлений и приехала в США.

— Не угадали, — радостно ответил Фаррел. — Она приехала в качестве концертмейстера-репетитора с одной труппой, но эта работа была для нее всего лишь возможностью оказаться в Чикаго. Истинной ее целью было убийство Дегаева. Можете себе представить? Сандра решила, что может найти и убить того, кого не смогли найти и уничтожить самые опытные агенты из числа сочувствующих социалистам.

— Дегаев? Кто это?

— Агент охраны, который помог арестовать Веру Фигнер. Неужели вы не знали?

Александр Иванович виновато вздохнул. О Вере Фигнер он, разумеется, помнил из школьного курса истории, а вот имя Дегаева, равно как и обстоятельства собственно ареста революционерки как-то ускользнули от внимания. Впрочем, если агент Дегаев был не профессионалом охранного отделения, а завербованным народовольцем, то и немудрено, что в официальной истории такую фигуру постарались аккуратно обойти: не украшает она моральный облик революционеров.

— Откуда вам это известно? — спросил он.

— Сандра сама рассказала. Она вообще не стеснялась рассказывать о себе даже неприятные вещи, умела посмеяться над собой, над своими ошибками и заблуждениями. Она говорила, что в детстве очень любила подсматривать и подслушивать. А если представлялась возможность, то даже рылась в бумагах старших родственников и почитывала их дневники. Люди обычно стесняются признаваться в подобном поведении, и даже если их уличают — отнекиваются и отпираются до последнего. Но наша Сандра ничего не стеснялась. Всегда говорила нам с сестрой: «Дети, вы не должны ни из кого делать кумиров. Я хочу, чтобы вы знали, какой на самом деле была ваша бабушка, и любили меня такой, какая я есть. А если вы не сможете любить меня такой, какая я есть, значит, такая у меня судьба и я сама в этом виновата».

— Сколько лет вам было, когда умерла Сандра?

— Двадцать три. Я родился в тридцать пятом, Сандра умерла в пятьдесят восьмом. Как видите, у меня была возможность пройти с бабушкой хорошую школу. Моей сестре повезло больше, она старше меня на четыре года, соответственно, Сандра занималась ею на четыре года дольше.

— Школу? Что вы имеете в виду?

— Она учила нас русскому языку, заставляла тренировать память. У самой Сандры память была просто феноменальной от природы, ее детям и внукам такого таланта, конечно, дано не было, но она считала, что мы должны стараться и тренироваться. В обучении она могла быть очень жесткой.

— Неужели лупила? — улыбнулся Орлов.

— Конечно, нет, что вы! Но требовала строго. Находила возможность чувствительно наказать. Или просто язвила. Но вы не подумайте, что Сандра была злой, ни в коем случае. Она была доброй и щедрой, постоянно занималась благотворительностью. Если бы вы знали, сколько батальи ей пришлось вынести с моим дедом, чтобы уговорить его давать деньги на больницы, на школы, на помощь беднякам!

Они сидели в баре гостиницы в центре Москвы. Именно здесь и остановился Эдди Фаррел. Приглашать американца к себе домой Орлов не захотел, опасаясь, что скромная двухкомнатная квартира покажется миллионеру слишком убогой. Да и нейтральная территория представлялась Александру Ивановичу более удобной: встречаться с Фаррелом он отнюдь не рвался, и если ему захочется уйти — он всегда сможет это сделать, сославшись на занятость и неотложные дела. А из дома гостя поди-ка выгони, если он не собирается уходить и намерен еще пообщаться!

В прежние годы, до болезни жены, Александр Иванович часто бывал в ресторанах, барах и кафе: его клиенты предпочитали встречаться именно там, особенно те клиенты, за защиту которых адвокат Орлов стал браться, когда все старались заработать деньги на лечение Алисы. Но за последние два с половиной года он ни разу, если не считать поминок по Люсеньке в день похорон и сороковин, не посетил подобные заведения и теперь непроизвольно отмечал все изменения: цены, выбор напитков, внешний вид посетителей, музыка. У большинства сидящих за столиками людей имелись мобильные телефоны, горделиво выложенные на видное место, а в девяносто четвертом такие телефоны были еще мало кому доступны: слишком дороги. То ли сами телефоны подешевели за это время, то ли люди разбогатели...

Орлов поражался тому неподдельному интересу, с которым Фаррел расспрашивал о его жизни, о семье, о работе. Зачем американскому миллионеру все это знать? Внезапно в памяти всплыли слова, сказанные директором музея Муромовым: Эдди Фаррел умеет отличать людей, живущих своей жизнью, от людей, идущих чужим путем. Наверное, все дело именно в этом. Фаррел идет своим истинным путем, поэтому может

любить людей, искренне интересоваться ими, открывать их для себя и самому открываться им. А вот он, Александр Орлов, прятал от всех себя настоящего, скрывал, врал и притворялся, и другие люди были ему неинтересны. Есть ли какая-то связь между этими обстоятельствами? Может, есть, может, и нет. Но факты налицо: из всего рассказанного Муромовым Александр Иванович помнил едва ли половину, а о своей квартирной хозяйке Елене Денисовне не знал вообще ничего: ни сколько ей лет, ни чем она занималась, пока работала, ни какая у нее семья. Да, он пробыл в поселке совсем недолго, но ведь он не задал Елене Денисовне ни одного вопроса о ней самой. Ни одного! Не в том ли дело, что весь внутренний ресурс Александр Иванович Орлов тратит на поддержание маски, и на интерес к другим людям его просто не хватает? Или им руководит подсознательный страх откровенности, открытости и сближения: тебе расскажут правду, а ты в ответ должен будешь либо солгать, изображая ответную открытость, либо остаться закрытым и ничего не говорить о себе и тем самым поставить под сомнение искренность отношений. Сложно все это...

— В начале шестидесятых, уже после смерти Сандры, — рассказывал Фаррел, — я получил письмо от госпожи Коковницыной, проживавшей во Франции. Она разыскивала оставшихся в живых потомков рода Раевских. Эта дама проделала огромную работу, можете мне поверить! Из ее письма я узнал, что сын Александра Игнатьевича, Константин, погиб во время тренировочного полета на аэроплане, когда ему было лет двадцать или около того, а младшая дочь, Наташа, скончалась во время эпидемии испанки, свирепствовавшей в Европе. Судьба Элизы, их матери, осталась до конца не проясненной, но, судя по всему, она попала под бомбежку во время Второй мировой. Госпожа Коковница спрашивала, не знаю ли я, что стало с другими членами семьи, и я в ответ написал ей, что Игнатий и Валерий Раевские похоронены в Мексике и что Сандра встречалась с ними, пока они еще были живы, а впоследствии ухаживала за их могилами. Теперь эта почетная обязанность перешла ко мне и моим детям, а также к моей старшей сестре и ее семейству. После встречи с вами Коковница снова написала мне. Опираясь на ее впечатления, я сделал вывод, что будет лучше, если я не стану вас искать и пытаться с вами связаться. Я знаю, что она собиралась вам что-то передать, какие-то семейные реликвии. Передала?

— Передала, — подтвердил Орлов. — Но я не имею ни малейшего представления, что это за предметы, откуда, каким образом оказались у Коковницных и почему их непременно нужно было вернуть Раевским.

Часы и перстень, вероятно, принадлежавшие Григорию Гнедичу, и записка, выполненная неизвестно кем. Может быть, вы что-то об этом знаете?

— Григорий Гнедич... — задумчиво повторил Эдди. — Сандра много рассказывала про дядюшку Поля, князя Павла Николаевича Гнедича, и несколько раз упоминала, что старший брат дядюшки Поля, Григорий, был убит и ограблен разбойниками в какой-то роще... Название трудное, я не запомнил.

«Значит, действительно убит, — подумал Орлов. — Но не на дуэли, как я предположил, а от руки преступника. Что же означает записка с таким странным текстом?»

— А про Коковницыных Сандра ничего не говорила?

— Нет, — покачал головой Фаррел, — такое имя даже не упоминалось. Во всяком случае, когда я впервые получил письмо от госпожи Коковницыной, имя показалось мне совершенно незнакомым. Впрочем, Сандра много рассказывала о своем увлечении социалистическими идеями, и однажды какая-то похожая фамилия проскользнула в ее рассказе. Сандра говорила, что этот человек был из дворян, сочувствовал революционерам и помогал и финансово, и участием в конкретных делах, и даже был ранен во время какой-то истории с листовками и типографией. Собственно, рассказывала Сандра об этом только в связи с Игнатием Раевским, потому что раненого помогала выхаживать его любовница. Но о Коковнице ли шла речь — не поручусь.

Стало быть, не судьба Александру Ивановичу Орлову выяснить до конца, что же за история случилась с предметами, переданными Анной Юрьевной Коковницыной. Ну что ж...

Мимо их столика прошла группа молодых мужчин с короткими стрижками и наглыми лицами. Все одеты подчеркнуто спортивно. Типичная современная униформа «братков». В одном из них Орлов узнал Михаила Хвылю, своего внука. Михаил, занятый разговором по мобильному телефону, не заметил Александра Ивановича. Раздобревший, раздавшийся в плечах и в груди, он теперь ничем не напоминал того мальчишку, которого Орлов увидел впервые в 1979 году. Восемнадцать лет назад... Как быстро летит время!

«Братки» уселись за самый дальний столик, Орлов оказался к ним спиной, а вот сидящий напротив него Фаррел отлично их видел.

— Удивительно, что в такие приличные места пускают людей в спортивной одежде, — заметил Эдди. — Я и в прошлые приезды это замечал. Мне объяснили, что это бандиты, и хозяева заведений просто боятся с ними связываться. Это так?

— Так, — кивнул Орлов. — Но не всегда. Случается, молодые люди просто стремятся выглядеть, как «братки», чтобы внушать к себе страх и уважение, а на самом деле ни к какой бригаде они не принадлежат. Такая своеобразная мода, что ли...

В дверях бара показался мужчина в куртке, накинутой поверх милицейской формы. Быстро оглядев зал, он уверенно направился к столику, за которым сидели Михаил и его спутники. От наблюдательного Фаррела форменные брюки нового посетителя не укрылись, и на губах его появилась саркастическая улыбка.

— Похоже, этих «братков» сейчас будут арестовывать. Любопытно посмотреть, как это происходит в вашей стране.

Александр Иванович, хорошо понимавший российские реалии, сильно в этом сомневался. И оказался прав. Через короткое время Фаррел, исподтишка глядящий на дальний столик, произнес:

— Они дали ему что-то круглое. Как будто кусок резинового шланга.

— Зеленое? — усмехнулся Орлов. — Это доллары. Пачку скручивают и перетягивают аптечной или банковской резинкой. Никакого ареста не будет. Бандиты платят милиции за крышу.

— Так открыто?! — изумился Фаррел. — Я знал, что у вас так принято, но полагал, что милиционеры должны скрывать свое сотрудничество с криминалом.

— Они ничего не боятся. Все друг друга покрывают. А кто отказывается покрывать, того либо убивают, либо покупают, либо подставляют так, чтобы строптивец оказался по уши в грязи и перестал сопротивляться.

— Птенцы гнезда Реброва, — усмехнулся американец.

— Петрова, — машинально поправил Александр Иванович. — Правильно говорить: птенцы гнезда Петрова, именно так называли сподвижников Петра Великого.

— Я знаю. Но я имел в виду как раз частного пристава Реброва. Сандра много о нем рассказывала. Она слышала о Реброве от Павла Гнедича, дядюшки Поля. Был в Москве, в Арбатской части, частный пристав по фамилии Ребров. Удивительный человек! Фальсифицировал доказательства, отправлял невиновных на каторгу, устраивал провокации, одним словом, творил полное беззаконие. И что самое поразительное — ничего не боялся. И ничего не стеснялся. Признаться, я не вполне верил этим историям, очень уж невероятными они казались мне, мальчишке, выросшему в середине двадцатого века в Америке. А теперь своими глазами вижу: ничего у вас не изменилось. Дело Реброва живет и

побеждает. Кажется, именно так говорили у вас когда-то о Ленине?

Да, быстро все меняется... Всего несколько лет назад, до 1991 года, произнести подобные слова, да еще в общественном месте и в разговоре с малознакомым человеком, было бы немыслимым. Думал ли адвокат Орлов, родившийся в 1922 году, прошедший войну, переживший страх репрессий и антисемитизма, член КПСС, что доживет до того времени, когда можно будет открыто, ничего не опасаясь, брать взятки, крышевать бандитов и иронизировать над именем Ленина?

Окно бара выходило на Новый Арбат. Орлов заметил, что его собеседник то и дело поглядывает на улицу.

— Вы кого-то ждете? — спросил Александр Иванович.

— Нет, просто наблюдаю, как пустеет проезжая часть. Середина дня, поток машин должен увеличиваться, а здесь все наоборот.

— Наверное, правительственную трассу перекрывают, чтобы освободить проезд для кого-то из высших руководителей.

— О-о! — расхохотался Фаррел. — Я слышал об этой вашей манере уступать дорогу власти. Кстати, если верить Сандре, то этой традиции уже лет сто, можно юбилей справлять. Первым такое требование ввел Великий князь Сергей Александрович, он в конце девятнадцатого века стал генерал-губернатором Москвы и велел убирать экипажи с Тверской улицы, когда он изволит проезжать. Нет, решительно в вашей стране ничего не меняется. И для чего нужны были эти семьдесят лет советской власти, чтобы снова вернуться к порядкам, которые существовали при царском режиме? Не понимаю.

Орлову подумалось, что представился удобный повод увести разговор от личных и семейных тем в область общественно-политическую, что избавило бы его от необходимости притворяться потомком Раевских. А там и саму встречу можно свернуть. Но Фаррел, как оказалось, политику обсуждать не намеревался. Его больше интересовала семья Александра Ивановича.

— Ваш сын, должно быть, рад, что ушел из милиции в частный бизнес. Если он честный человек, то с такими коллегами, какого мы только что видели, ему было бы трудно ужиться, — предположил Эдди. — Или я не прав, и ваш сын сожалеет, что слишком рано ушел со службы и лишил себя возможности зарабатывать подобным же образом?

Орлов не собирался рассказывать про Алису. Но сейчас слова как будто сами вырвались из него: он просто хотел защитить сына, его репутацию, его имя.

Фаррел слушал внимательно, ни разу не перебив. Орлов старался быть

кратким и уже почти закончил, когда мимо их столика проследовала группа все тех же «братков», только теперь в обратном направлении. У самого выхода Михаил вдруг обернулся, нашел глазами Александра Ивановича и приветственно улыбнулся. Орлов кивнул в ответ.

— Ваш знакомый? — спросил Эдди, проследив за взглядом Орлова.

«Мой внук», — подумал Александр Иванович.

— Сын наших друзей. Родители — приличные люди, отец — театральный режиссер, мать — актриса. А сын получился вот такой... Бывает.

— Бывает, — согласился Фаррел. — В вашей стране все бывает.

* * *

Джеймс Эдуард Фаррел-младший был человеком далеко не бедным, и в Москву прилетал на собственном самолете. Но был он также и человеком деловым, то есть очень занятым, посему тратить лишнее время на пребывание в России не мог. Ответ он просил дать как можно быстрее. Самое позднее — завтра к вечеру. Сразу после полуночи он собирался улетать.

Выйдя из бара, Александр Иванович направился к станции метро «Библиотека имени Ленина». На станции «Парк культуры» он не вышел, а доехал до «Проспекта Вернадского». Нужно было срочно поговорить с Борисом.

Дверь открыла Татьяна, сильно исхудавшая, почти до прозрачности. При виде стоящего на пороге свекра выдавила из себя вымученную улыбку.

— Здравствуйте, дядя Саша.

За все годы замужества она так и не изжила привычку называть Орлова дядей Сашей, как приучилась с раннего детства. Да и Борис именовал тещу не иначе как тетей Верой.

В прихожую вышел Борис, даже не пытаясь скрыть сердитого недоумения.

— Что случилось? — спросил он резко, не поздоровавшись.

— Надо поговорить, — коротко ответил Александр Иванович. — Давай выйдем на улицу.

Борис молча накинул куртку, всунул ноги в кроссовки, взял ключи. О том, что отец ездил на могилу Ольги Раевской, он не знал, поэтому объяснять ситуацию предстояло крайне осторожно. Александр Иванович уже смирился с тем, что ему придется в очередной раз лгать сыну, если тот

начнет задавать уточняющие вопросы. Об этой поездке он предупредил только Веру Леонидовну, потому что не мог просто взять и исчезнуть из Москвы на несколько дней, не поставив никого в известность. Ни Татьяна, ни сын Орлову сами не звонили, но Вера звонила ежедневно, и если бы он сутки напролет не подходил к телефону, она бы начала беспокоиться: семьдесят четыре года, недавно похоронил жену, в анамнезе инфаркт... Не отвечает на звонки — значит, что-то случилось.

— Не буду тратить время на подробности, они не столь важны, — начал Орлов-старший сухим деловым тоном. — В семье Раевских была приемная дочь, Александра Рыбакова, она уехала в начале века в Америку и вышла там замуж. Ее внук — очень богатый человек. Он готов оплачивать лечение Лисика столько, сколько будет нужно.

Александр Иванович сделал паузу, чтобы дать возможность сыну прийти в себя и осознать услышанное. Борис потрясенно молчал.

— Но есть один нюанс, очень существенный, — продолжил Орлов. — Этот человек считает меня настоящим потомком рода Раевских. Кровным родственником. И вызвался нам помочь именно поэтому, а вовсе не потому, что ему некуда девать деньги. Если он узнает, что на самом деле я — Михаил Штейнберг, присвоивший себе чужое имя и чужую биографию, никакой помощи от него не будет. Ты когда-то упрекнул меня в том, что я лишил вас с Таней возможности самим принимать решение. Так вот, больше я эту ошибку не повторяю. Я могу завтра рассказать Фаррелу правду. А могу промолчать и продолжать выдавать себя за Раевского. Теперь решение за тобой.

Борис отступил на шаг, присел на низенькое ограждение, отделяющее тротуар от чахлого узкого газона вдоль дома, закрыл лицо ладонями. Плечи его вздрагивали, и Орлов понимал, что сын плачет. Хотелось обнять его, утешить, поддержать, пообещать, что все будет хорошо... Но Александр Иванович неподвижно стоял и ждал. Чего он ждал? Он и сам не знал. Но внутри, в глубине души, оживало ощущение, впервые испытанное им ночью у памятника Ольге Орловой: вот теперь все происходит правильно.

Прошло несколько минут, прежде чем Борис поднял голову и отер лицо тыльной стороной ладони.

— Пап, прости меня, если можешь. Я такой козел... Спасибо тебе. У меня не было и нет никакого права судить тебя, ты поступал так, как было лучше для нас с мамой. На меня просто какое-то помрачение нашло... Я понимал, что надо поговорить с тобой, попросить прощения, помириться, но мужества не хватало. И я все время надеялся, что ты окажешься сильнее и умнее меня и сделаешь первый шаг. Спасибо, пап.

— Мамуля, может, все-таки останешься до лета? В мае у нас с Борей годовщина свадьбы, потом мой день рождения и день рождения Лисика, отпраздновали бы все вместе, а потом ты бы уже поехала к своему Семенычу.

Татьяна была по-прежнему истощенной, но лицо ее посветлело, и глаза оживились. Джеймс Эдуард Фаррел-младший слов на ветер не бросал и выполнял свои обещания быстро и точно. Препарат для ферментозаместительной терапии уже привезли в Москву, и Алисе провели первый курс капельниц. Убедившись, что дочь начала приходить в себя и с лечением внучки вопрос решился, Вера Леонидовна засобиралась к мужу, с которым виделась после отъезда в Москву совсем редко. Олег Семенович, конечно, прилетал при любой возможности, но возможность такая, учитывая его должность, появлялась далеко не каждую неделю.

— Ты еще вспомни, что у меня семидесятипятилетие осенью, — со смехом сказал Александр Иванович, помогая Вере застегнуть туго набитый чемодан. — Если тебя послушать, то Верочке нужно остаться до осени, а потом Новый год, потом Рождество, а там и май не за горами, и все по новой. Отпусти мать, у нее муж там не присмотрен.

Загрузили вещи в новую, только на днях купленную машину Александра Ивановича, отвезли Татьяну домой, чтобы она успела встретить Алису после школы, и поехали на вокзал. Бориса в Москве не было: поняв, что можно больше не заниматься бизнесом, таящим в себе столько угроз и опасностей, он решил довести до конца последнюю заключенную сделку и выйти из дела, к которому и душа не лежала, и способностей не было.

— Буду готовиться к вступлению в адвокатуру, — сказал Борис отцу. — На следствие не вернусь, эти акулы ментовского бизнеса меня просто порвут. А вот адвокатура — как раз то, что нужно. И знаешь, пап, я тут подумал... Хорошо, что все так получилось. Если бы я не был вынужден снять погоны и заняться коммерцией, меня бы уже сто раз посадили бы. Я бы не выжил в этой новой ментовке.

Сын переживал, что не сможет проводить тещу, к которой относился всегда очень нежно и уважительно. Но теплоход с партией машин нужно было встречать именно тогда, когда Вера Леонидовна собралась уезжать, а откладывая встречу с мужем она ни за что не соглашалась. Уже тогда Александру Ивановичу показалось, что у этой торопливости есть еще

какая-то причина, но он решил не делать поспешных выводов.

А вот теперь внимательно наблюдавший за тем, как прощаются мать и дочь, Александр Иванович не упустил выражение облегчения, мелькнувшее на лицах у обеих. Неужели между Верой и Татьяной происходит что-то такое, о чем он не догадывался?

Когда Вера Леонидовна снова уселась рядом с ним на переднее пассажирское сиденье, Орлов спросил:

— Веруша, у вас с Таней все в порядке?

Вера Леонидовна усмехнулась.

— Заметил, да?

— Заметил. Расскажешь?

Она помолчала.

— Хорошая у тебя машина. Молодец, что купил. Сам-то доволен?

Орлов понял, что Вера тянет время. Ну ладно, поговорим о машине.

— Очень доволен. Давно мечтал о такой. Но сперва возможностей не было, иномарки у нас не продавались, ты же знаешь. А когда они стали доступны, мы ничего не тратили, на лечение копили, все откладывали.

— Да, — кивнула Вера Леонидовна, — спасибо Фаррелу. Теперь все, что было отложено на лечение, можно потратить на жизнь. За границу съездить не собираешься? Сейчас все в Турцию ездят, говорят, очень недорого и отдых хороший. Опять же с Аллой повидался бы.

— Да куда мне в Турцию в мои-то годы, — рассмеялся Александр Иванович. — В сезон — жарковато для сердечников, в межсезонье там и делать нечего. А у Аллы и так все нормально, она звонит регулярно. Нет уж, если ехать, то куда-нибудь в Европу. Хочу Польшу увидеть, Чехию, Германию, Венгрию. Обязательно поеду. Так что у тебя с Танюшкой-то?

Вера вздохнула то ли удрученно, то ли печально.

— Знаешь, Саша, я ни разу в жизни ни перед кем не извинилась. Ни у кого не попросила прощения. Я же «Верка, которая всегда права». Я привыкла чувствовать себя всегда и во всем правой. А раз я права, то извиняться мне не за что. Не знаю, откуда во мне появилось это качество, само ли родилось или кто-то воспитал, но оно было и есть. Я никогда и ни по какому поводу не испытывала чувства вины. А Танюшка, наоборот, сразу начинает чувствовать себя виноватой, что бы ни случилось. Я сумбурно говорю, да?

— Ничего-ничего, я понимаю. Только не понимаю, в чем конфликт.

— Да нет никакого конфликта! Просто мы с ней разные, мы не понимаем друг друга. Танюшка чувствовала себя виноватой в том, что мне пришлось бросить Олега и жить в Москве. И чем дольше я жила в Москве

и помогала ей, тем больше виноватой она себя чувствовала. В какой-то момент я вдруг заметила, что она тяготится моим присутствием. Можешь себе представить, как мне стало обидно? Я бросила мужа, работу, учеников, налаженный быт и примчалась, чтобы помочь ей, а она явно сторонится меня, избегает, радуется, когда я ухожу.

— Ты ничего мне не говорила...

— Люсенька болела, ты сидел с ней неотлучно, мы с тобой виделись только тогда, когда я приезжала, чтобы освободить тебя и дать возможность навестить Лисика. В общем, у тебя было забот выше головы, и я ничем таким с тобой не делилась. Но я много думала, все пыталась понять, что же такое происходит у меня с дочерью. Почему оно происходит? Так ничего и не придумала, поэтому просто взяла и спросила.

— Ну и правильно сделала. Что она ответила?

— Что чувствует себя виноватой в той истории с деньгами, в болезни Люсеньки, в том, что я бросила мужа и примчалась в Москву. Короче, во всем подряд. Больше она ничего мне не объяснила, а я не поняла, какая связь между ее чувством вины и тем, что она не радуется моему присутствию. Только потом до меня дошло. Суть именно в том, что я не понимаю. Не понимаю, потому что сама никогда не чувствовала себя виноватой. Я не знаю, что это такое: испытывать чувство вины. Оно мне неведомо. И я, вся из себя такая уверенная в себе и всегда и во всем правая, постоянно мельтешила перед глазами у Танюшки, которая, наоборот, чувствовала себя кругом виноватой. Ей и так трудно, тяжело, беспросветно, а тут еще я — вечный раздражитель, живое напоминание о ее вине. Я не могу понять, что она думает, что ощущает, потому что не была на ее месте. А она никогда не была такой уверенной, как я, и тоже не может меня понять. В общем, как говорится, сытый голодного не разумеет.

Орлов молчал. Что тут скажешь?

— И еще я много думала о том, почему Танюшка выросла не такой, как я. Вроде бы моя родная дочь, и я ее воспитывала, всегда была рядом, подавала пример. А она получилась совсем другой.

— Веруша, но это же совершенно понятно, — улыбнулся Александр Иванович. — Если ты живешь рядом с человеком, который всегда и во всем прав, то автоматически выходит, что любое твоё мнение, не совпадающее с его мнением, — неправильное. Любой твой поступок, не одобренный этим правым, — неправильный. То есть ты не прав и виноват тотально, всегда и каждую минуту. Вот тебе и вся причина. У уверенного в себе родителя просто по определению не может быть такого же уверенного в себе ребенка.

Вера грустно рассмеялась.

— Похоже, что ты прав. А если наоборот? Если родитель не уверен в себе и часто испытывает чувство вины, тогда как?

— Тогда именно наоборот. Ребенок видит, что родитель сомневается, признает ошибки и извиняется. И думает: «Если мама или папа передо мной извинились, значит, они не правы, а прав как раз я». И получают уверенные в себе, ни в чем не сомневающиеся детки. Насмотрелся я на них, когда брал защиту малолеток. И на них, и на их родителей.

Орлову удалось найти удобное место для парковки перед вокзалом. Состав уже подали, но вагоны еще не открыли. Александр Иванович и Вера Леонидовна стояли на перроне, поеживаясь на ветру: апрель был холодным и сырым.

За стеклом двери показалась фигура проводницы, послышался лязг дверных петель. Можно было заходить в вагон. Поставив чемодан под полку в двухместном «спальном» купе, Александр Иванович обнял Веру.

— Ну что, давай прощаться, путешественница.

Вера крепко расцеловала его в обе щеки. Орлов уже перешагнул порог купе, когда Вера тронула его за руку.

— Саша, а это очень плохо, что я не умею чувствовать себя виноватой? Он улыбнулся.

— Это тебя спасло, Веруша. Иначе ты бы просто не выжила во время войны, да и потом тоже. И не было бы у тебя Танюшки. И вообще, ничего бы не было. Счастливой дороги!

Он прошел вдоль платформы, вышел на привокзальную площадь, сел в машину. Правильно ли он ответил Вере? Правильно ли жить без чувства вины? Он не знал. Так же, как не знал, где граница между недопустимой правдой и допустимой ложью. Если бы не его ложь, Алиса до сих пор не получила бы лечения. Но если бы он не лгал, она, вполне возможно, давно уже лечилась бы в Израиле или где-то еще. Если бы...

Но история ведь не знает сослагательного наклонения.

И все всегда происходит именно так, как должно происходить.

Он завел двигатель и нажал кнопку магнитофона, в который еще со вчерашнего дня была вставлена компакт-кассета с любимыми записями. И самой первой на этой кассете была записана песня Шуберта «Мельник и ручей». Колыбельная, под которую засыпали Ольга Раевская и ее сын Саня Орлов.

Красивый сочный баритон заполнил пространство салона:

Но если страданья любовь победит,

То в небе, играя, звезда заблестит...

Орлов собирался ехать домой, но внезапно изменил маршрут, свернул в переулок, выехал на параллельную улицу и через двадцать минут входил в контору, в которой проработал много лет. Что ему делать дома одному? Ему скоро исполнится 75, всего 75, разве это возраст? Он еще поработает! Если возьмут, конечно...

— Александр Иванович! — радостно воскликнул заведующий. — Как вовремя вы зашли! Срочно нужна ваша консультация: у нашего молодого коллеги проблемы с квалификацией, подключаем коллективный разум, а завтра начинается процесс. Документов много, не успеваем разобраться, там присвоение или все-таки мошенничество. Виктория, несите материалы, сейчас Александр Иванович посмотрит...

Значит, возьмут. И он еще поработает.

Мы не верим во вмешательство Воли Божией, но зато слишком много приписываем воле человеческой. Двое упали в воду, один утонул, другой выплыл — значит, первый утопил второго. И мы, анализируя волю человека, коченеющего в воде, приписываем ему нашу логику и вкладываем ему в голову адские планы, совершенно забывая, что нам, спокойно здесь сидящим, столь же мало доступна логика захлебывающегося в предсмертной судороге человека, как и его мозгу с нарушенным кровообращением недоступны наши спокойные размышления. Выхватив из массы пристрастных и сбивчивых свидетельских показаний какой-либо шаблонный мотив, вроде ревности или мести, мы от этого мотива чертим прямую линию до загадочной драмы и говорим: «Какая удивительная ясность: вот измена, вот ревность, вот убийство!» Мы оперируем этими понятиями и выстраиваем их, как солдат на смотре, забывая, что в жизни все идет по совершенно другому порядку, что каждое явление, каждый акт воли человеческой имеет не один, не два, а сотни постоянно изменяющихся, постоянно борющихся мотивов, которых мы не можем ни проследить, ни взвесить. Мы забываем, что все наши тонкие планы и расчеты ежедневно рушатся на наших глазах и что намеченные нами пути всегда внезапно пересекает то, что мы называем «случаем». Пора, давно пора отрешиться нам от наивной веры в какую-то предустановленную гармонию между ходом мысли в нашей голове и ходом событий кругом нас.

Из защитительной речи М. Г. Казаринова на судебном процессе по

делу Укшинского.

Конец